

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Устная история в Карелии

Сборник научных статей и источников

Выпуск 3

Финская оккупация Карелии (1941-1944)

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2007

ББК 63.3(2)7
УДК 947
У 808

Составители и научные редакторы	<i>А. В. Голубев</i> , к.и.н., Петрозаводский государственный университет <i>А. Ю. Осипов</i> , к.и.н., Петрозаводский государственный университет
Рецензенты	<i>С. Г. Веригин</i> , к.и.н., доцент Петрозаводского государственного университета <i>Н. П. Тимофеева</i> , к.и.н., доцент Воронежского государственного педагогического университета

У 808 Устная история в Карелии : сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941—1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. — 212 с.

ISBN 978-5-8021-0623-5

В третьем выпуске сборника «Устная история в Карелии» публикуются материалы, посвященные финской оккупации Карелии в 1941—1944 гг.

ББК 63.3(2)7
УДК 947

Сборник издается при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-90104а/Б.

На первой странице обложки помещена фотография «Дорожный указатель. Медвежьегорский район». 1942 г. (НАРК, инв. номер 0-49176).

На четвертой странице обложки помещена фотография «Летний праздник в селе Рыбрека». 1942 или 1943 г. (НАРК, инв. номер 0-49880).

© А. В. Голубев, А. Ю. Осипов, сост., 2007
© Петрозаводский государственный
университет, 2007

ISBN 978-5-8021-0623-5

От составителей

Сборник является третьим в серии «Устная история Карелии». Он посвящен актуальной и при этом очень противоречивой теме – финской оккупации Карелии. Исследователь, обращающийся к ее истории, сталкивается с двумя практически не пересекающимися массивами информации о прошлом. Один из них – это свидетельства и воспоминания заключенных финских трудовых и концлагерей, документы послевоенной комиссии по расследованию преступлений финского оккупационного режима, публикации военных лет и др. Второй комплекс источников – это свидетельства и воспоминания населения, отнесенного финскими властями к «родственному», свидетельства и воспоминания финских военных и гражданских лиц, документы финляндских архивов и др. Взвешенная оценка оккупации Карелии может базироваться только на сопоставлении точек зрения, представленных в этих источниках. Именно это и было основной целью составителей данного сборника, когда мы решили совместить в нем воспоминания, представляющие оба пласта исторической памяти о финской оккупации.

Помимо использования различных источников, объективное понимание финской оккупации Карелии не может обойтись без новых подходов к их анализу. В данном сборнике составители решили представить «гендерное измерение» финской оккупации Карелии. Применение гендерного подхода приводит к постановке новых исследовательских проблем. В частности, оно позволяет понять, какие культурные и социальные стереотипы актуализировались в экстремальной ситуации оккупации, а какие оказались нежизнеспособными, как изменялись роли женщин в семье и обществе в годы войны, как повлияли эти изменения на послевоенное советское общество, и др. Изучение этих проблем позволит глубже понять как саму финскую оккупацию Карелии, так и более широкий круг тем, связанных, например, с социальной историей. Исследование А. В. Голубева и является попыткой поставить эти проблемы и определить возможные пути их изучения. Гендерная тема продолжается переводом главы о браках между финнами и населением оккупированной Карелии из монографии «Suur-Suomen kahdet kasvot» («Два лика Великой Финляндии») Антти Лайне, профессора Университета Йоэнсуу (Финляндия), одного из крупнейших специалистов по истории финской оккупации Карелии. Чтобы гендерный материал нашего сборника воспринимался в более общем контексте, А. Ю. Осиповым была написана обзорная статья о финской оккупации Карелии. Наконец, в теоретической части публикуется историографический обзор финских монографических исследований по теме сборника, написанный И. М. Соломещем.

Воспоминания распределены по четырем разделам, которые мы сформировали на основе критериев, определявших условия жизни

во время оккупации. Первый из них – это деление населения на «родственные» (финно-угорские) и «неродственные» национальности. Вторым критерий – жизнь на свободе или в финских лагерях. Третий критерий – тип лагеря (концентрационный или трудовой), в которых оказались наши респонденты. Таким образом, составители сборника пришли к такой структуре сборника: «Национальности, отнесенные финнами к родственным», «Свободное русское население», «Население финских трудовых лагерей» и «Население финских концлагерей».

Запись интервью, датированных концом 2005 г. и первой половиной 2006 г., стала возможной благодаря финансовой поддержке Интернет-проекта «Я помню» (<http://iremember.ru>). Составители хотели бы выразить особую благодарность руководителю проекта Артему Драбкину. Запись интервью, датированных второй половиной 2006 г. и 2007 г., была возможной благодаря финансовой поддержке РГНФ (<http://www.rfh.ru>), проект № 06-01-90104а/Б.

В сборе воспоминаний, помимо составителей, принимали активное участие студенты исторического и филологического факультетов. Составители хотели бы особо отметить Ирину Александровну Осипову, студентку исторического факультета ПетрГУ, записавшую восемь интервью из представленных в сборнике двадцати трех. Имена преподавателей и студентов ПетрГУ, проводивших интервью, указаны в начале каждого источника. Для удобства читателя тексты интервью подверглись минимальной стилистической правке, не влияющей на смысл. Географические пункты, наиболее часто упоминающиеся в сборнике, обозначены на карте перед второй частью.

*А. В. Голубев
А. Ю. Осипов*

Часть 1
Исследования

Повседневная жизнь женщин в годы Великой отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы

*А. В. Голубев
к.и.н., руководитель Центра устной истории
преподаватель кафедры истории стран Северной Европы
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Россия
goloubev@karelia.ru*

Повседневная жизнь женщин на территориях, оккупированных Германией и ее союзниками в ходе Великой отечественной войны, до сих пор является малоизученной темой¹. Это касается и повседневной жизни женщин в Карелии, большая часть которой в 1941—1944 гг. была оккупирована Финляндией. Препятствием к изучению этой темы является как ее значительная политизированность, так и то, сама финская оккупация как исторический феномен существует, по сути дела, в двух различных исторических образах, соперничающих друг с другом. К тому же гендерная история как научная дисциплина лишь недавно начала развиваться в рамках отечественной исторической науки. Как следствие, многие интересные сюжеты, включая повседневную жизнь женщин в разные исторические периоды, остаются фактически нераскрытыми.

В данной работе предпринимается попытка обратиться к проблеме повседневной жизни женщин в годы Великой отечественной войны на территориях Карелии, оккупированных Финляндией. Это подразумевает изучение таких явлений, как стратегии поведения и выживания оккупированного населения, роль официальных нарративов (советского и финляндского) в его жизни в годы войны, этнический фактор и фактор нужд экономики военного времени в судьбах людей и многие другие. Необходимо затронуть и вопрос о том, насколько в связи с войной (и, в частности, с оккупацией) изменилось положение и социальные роли женщин в советском послевоенном обществе по сравнению с довоенным периодом.

Специфика данной работы заключается в том, что для решения поставленных задач в качестве основного источника были использованы воспоминания и интервью с людьми, прожившими финскую оккупацию. Воспоминания о финской оккупации опубликованы в специальных

¹ Из научных трудов на эту тему можно привести следующие: Николаева И. Политика немецких оккупационных властей в Беларуси в отношении женского населения (1941—1944 гг.) // Женщины в истории: Возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 3. Мн.: БГПУ, 2004. – С. 255-268. Ряд исследований о повседневной жизни женщин во время войны был также опубликован в сборнике: Женская повседневность в России в XVIII – XX вв. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.

сборниках, в большом количестве газетных, журнальных и научных публикаций¹. Как правило, они относятся к судьбам людей, оказавшихся в годы оккупации в финских лагерях. Совершенно новый массив источников, использованных в исследовании – это интервью, собранные методами устной истории студентами и преподавателями ПетрГУ в 2005—2007 гг. Большая их часть (23 интервью) публикуется в этом сборнике. Возраст респондентов на момент начала войны варьировался от 4 лет (здесь мы имеем дело, скорее, с семейной историей) до 21 года. Девять из наших респондентов (одно из интервью взято у двух людей) – представители финно-угорских народов Карелии, которых финские оккупационные власти относили к «родственному» населению, остальные (15) – русские, причем 7 респондентов в годы войны жили на свободе, 4 – в трудовых лагерях и 4 – в концлагерях. Несколько интервью, публикуемых в этом сборнике, были собраны специально для данного исследования. Помимо этого, автор использовал материалы полевых экспедиций 2005 и 2006 гг. филологического факультета ПетрГУ, некоторые из которых также относились к периоду финской оккупации Карелии². Вовлечение новых исторических источников, созданных методами устной истории, в научный оборот являлось одной из основных задач исследования.

В то же время автор использовал и письменные источники. Это, в первую очередь, материалы Национального архива Республики Карелия (фонды Военного управления Восточной Карелии (фонд Р-804) и Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских захватчиков на территории Карело-Финской ССР (фонд Р-792)), Карельского национального архива новейшей истории (документы региональных парткомов, датированные 1944—1945 гг., из фондов Шелтозерского (ф. 20), Пряжинского (ф. 21), Кондопожского (ф. 33), Кестеньгского (ф. 36) и Петрозаводского (ф. 1230) райкомов), газеты «Северное слово», публиковавшейся оккупационными властями для русскоязычного населения, и др.

В результате быстрого наступления, предпринятого финскими войсками, и ошибок, допущенных при эвакуации гражданского населения, к концу 1941 г., когда линия фронта стабилизировалась, на территориях, оккупированных финнами, оставалось около 86 000 человек³. Финские оккупационные власти разделили это население на две примерно равные части на основе этнического фактора. К привилегированному («родственно-

¹ Лукьянов В. Трагическое Заонежье. – Петрозаводск, 2004; Пленное детство: сборник воспоминаний бывших малолетних узников. – Петрозаводск, 2005; и др.

² Автор хотел бы выразить признательность С. В. Федоровой, предоставившей доступ к полевым записям, сделанным в фольклорных экспедициях филологического факультета ПетрГУ в 2005—2006 гг.

³ Laine, Antti. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941-1944. – Helsinki, 1982. – S. 487.

му» финнам) населению относились представители финно-угорских национальностей, а к непривилегированному («неродственному») – все остальные¹. Первоначальные планы финнов на захваченные территории подразумевали их дальнейшее будущее в составе Финляндии. «Неродственное» население предполагалось выселить на территории России, оккупированные Германией, для чего еще 8 июля 1941 г. главнокомандующий финляндскими войсками Маннергейм отдал приказ о его заключении в концентрационные лагеря². Нужно отметить, что этот приказ был выполнен не до конца, что видно из статистики численности населения концентрационных и трудовых лагерей, которое достигла своего пика (23 984 человека) в апреле 1942 г. и снизилось до 14 917 к январю 1944 г.³

В составе населения оккупированных территорий доля женщин превышала долю мужчин на 68 %⁴, причем среди трудоспособного населения это соотношение было еще больше в пользу женщин. К трудоспособному населению, обязанному работать, относились все жители Карелии от 15 до 60 лет⁵. В условиях нехватки рабочей силы финские оккупационные власти привлекали женщин к традиционно «мужским», физически тяжелым работам в лесной промышленности, строительстве и пр. Для более эффективного использования представителей «неродственных» национальностей в качестве рабочей силы финские власти организовывали трудовые лагеря, при этом лагеря делились на мужские, женские и смешанные (семейные).

Сразу после оккупации Советской Карелии финские власти начали проводить работу по пропаганде нового, финского, порядка среди местного населения. Принимая во внимание преобладание женщин в структуре населения оккупированных территорий, неудивительно, что именно женщины были выбраны как проводники финского влияния среди населения республики. В 1942 г. Военное управление Восточной Карелии развернуло активную кампанию по вербовке женщин из «родственных» национальностей на различные учительские и религиозные курсы или на временную работу в Финляндии. Оккупационные власти подчеркивали важность этих курсов, ссылаясь на идеологические мотивы, в частности, на то, что опыт жизни в Финляндии будет способствовать распространению финляндских

¹ Laine A. Op. cit. – S. 106.

² Морозов К. А. Карелия в годы Великой отечественной войны (1941—1945). – Петрозаводск, 1983. – С. 10.

³ Laine A. Op. cit. – S. 489.

⁴ Сведения финских военных властей о численности и нац. составе населения на оккупированной ими территории Советской Карелии на 31 декабря 1941 г. // По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1995. – С. 153.

⁵ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944. – Петрозаводск, 2006. – С. 9

норм и ценностей среди населения Карелии: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике ознакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство. [...] Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии»¹. Для подобного оптимизма у финских властей были все основания, поскольку он основывался на результатах поездок предыдущих групп: «В течение февраля – мая с.г. в нескольких религиозных народных училищах Финляндии обучались примерно 60 девушек из Восточной Карелии. Помимо того, что эти курсы оказали большое воспитательное влияние на указанных лиц, нами установлено, что, возвратившись в родные места, они проводили значительную пропагандистскую работу в пользу Финляндии, и, таким образом, учеба принесла пользу финнизации Восточной Карелии»².

То, что после подобных поездок в Финляндию многие девушки из Советской Карелии действительно возвращались с профинскими настроениями, свидетельствуют и документы советских архивов. Так, осенью 1944 г., после освобождения Шелтозерского района, начальник Шелтозерского районного отделения НКГБ Демкин в отчете о последствиях финской пропаганды писал: «Финны особенно стремились проводить работу среди вепсской молодежи. Для них были созданы всякого рода кружки. Но эти кружки были только ширмой. Здесь молодежь воспитывалась в антисоветском духе. Немало молодежи ездило в Финляндию, где они еще больше подвергались обработке против Советской власти. Выступали в газетах со статьями, что финны – наши кровные братья-освободители. Были учителя-комсомольцы, но они попали под влияние и стали на путь пособников финнов. Две молодые девушки ездили в Финляндию и после своей поездки написали статью в фашистскую газету "Северное Слово" о своей поездке в Финляндию. Статья была направлена против Советского Союза»³. А. Громова, учившаяся на учительских курсах в Финляндии в 1942—1943 гг., вспоминала, что лишь немногие девушки с курсов остались в Карелии, когда стало ясно, что Финляндия проигрывала войну⁴.

¹ Письмо финских оккупационных властей в органы государственной полиции Финляндии по вопросу о направлении карельских девушек на работу в крестьянские хозяйства Финляндии от 20.11.1942 // По обе стороны... – С. 292.

² Письмо финских оккупационных властей в органы государственной полиции по вопросу о направлении карельских девушек на учебу в финские народные училища от 8.10.1942 // По обе стороны... – С. 288.

³ Отчет начальника Шелтозерского РОНКГБ в Шелтозерский райком о политических настроениях в районе, октябрь 1944 г. // КГАНИ, ф. 20, оп. 1, д. 282, л. 19.

⁴ Из воспоминаний жительницы РК А. Громовой об учебе в Финляндии в годы войны // По обе стороны... – С. 406.

Осознавая возможности визуальной пропаганды, финские власти создали образ «новой» карельской женщины, резко противопоставленный довоенному образу советской женщины. Если советские плакаты изображали женщин, в первую очередь, как работниц, членов трудовых коллективов, будь то колхоз или завод, то образ женщины, который использовали в своей пропаганде финские власти, ориентировался на семью, на традиционные религиозные ценности и социальные роли¹.

Моральное воспитание играло важную роль в гендерной политике финских оккупационных властей. Для этого финские власти официально запрещали карельским девушкам посещать вечеринки, устраиваемые финскими солдатами². Финские солдаты не имели свободного доступа к предприятиям, где работали женщины, и в бараки женских трудовых лагерей³. Особое внимание моральному воспитанию девушек уделялось в школе. Согласно свидетельству В. Кемляковой, девочек, в том числе и ее, в финской школе «учили, как жить, как замуж выходить, [...] что надо подготовиться к свадьбе, чтобы плохо не было, надо по-хорошему выйти, чтобы девочка родителей мужа слушала, звать "отец" и "мать", как своих родных»⁴.

Важно также отметить, что для финской школы на оккупированной территории Советской Карелии было характерно повышенное внимание к практическим занятиям. Для девочек это была различная домашняя работа: вышивание, приготовление еды и пр.⁵ – та деятельность, которая готовила из них, в первую очередь, жен и матерей, что значительно контрастировало с советской школой, где внеучебная деятельность была посвящена формированию «коллективных» черт (летние лагеря, военные игры и пр.).

Финская оккупация по-разному отразилась на повседневной жизни населения Карелии. У населения, оставшегося на свободе, условия жизни были, в целом, лучше, чем у населения концентрационных и трудовых лагерей. Численность свободного населения к началу 1944 г. составляла

¹ См., например, иллюстрации к газете «Северное слово»: 1942, № 17, с. 3; 1942, № 51-52, с.4; 1943, № 16-17, с. 5; 1943, № 26, с. 2-3.

² Интервью с А. Зинатовой, 1926 г. р., опубликовано в данном сборнике; Интервью с О. Молодиной, 1927 г. р., опубликовано в данном сборнике; Интервью с Т. Максимовой, 1927 г. р., опубликовано в данном сборнике; Из протокола допроса финского военнопленного Э. Импонена от 24.10.1943 // По обе стороны... – С. 382-383.

³ Интервью с А. Николаевской, 1921 г. р., опубликовано в данном сборнике; Из письма финского военнослужащего другу с фронта // По обе стороны... – С. 285; Показания Е. М. Федосеевой о жизни при финском оккупационном режиме // По обе стороны... – С. 494.

⁴ Интервью с В. Кемляковой, 1927 г. р., опубликовано в данном сборнике.

⁵ Интервью с В. Кемляковой; Интервью с О. Молодиной; Интервью с Т. Максимовой; и др.

68 468 человек, из них 61 % (41 701 чел.) относился к «родственным» национальностям, а 39 % (21 605 чел.) – к «неродственным». Как и население лагерей, свободное население активно вовлекалось в систему финской военной экономики. Более старшие женщины и женщины с детьми, как правило, оставались работать по месту жительства, в то время как незамужних девушек и женщин биржи труда часто направляли на работы в более крупные населенные пункты, на заготовку леса и на строительство дорог. В Кондопожском районе, например, девушки из отдаленных деревень направлялись на биржу труда и оттуда обычно на лесозаготовки¹. В Шелтозерском районе многие вепсские девушки посылались в Вознесенье на различные работы в тылу финской армии², в то время как другие работали либо в сельском хозяйстве, либо на дорожном строительстве³. На строительстве дорог были заняты женщины и в Заонежье⁴.

Принадлежность к «родственному» или «неродственному» населению часто определяла условия работы. В регионах с родственным населением они были относительно мягкими: так, никто из вепсских респондентов, чьи интервью публикуются в данном сборнике, не жаловался на условия труда во время финской оккупации. Более того, некоторые из них отмечали, что они были лучше, чем условия труда в послевоенной Карелии⁵. В карельских районах была схожая ситуация⁶. Более того, именно в них после войны были отмечены выступления за сохранение финских форм хозяйствования, против восстановления колхозов⁷.

Во многих деревнях с русским населением условия труда не отличались от условий труда в национальных районах⁸. В то же время в ряде мест русское население подвергалось жесткой эксплуатации. В нарушение законодательства, местные власти начинали использовать на различных работах девушек младше 15 лет⁹. Несмотря на то, что физические наказа-

¹ Интервью с А. Зинатовой; Интервью с О. Молодиной.

² Интервью с Т. Максимовой; Интервью с Е. Кильпилайнен, 1926 г. р., опубликовано в данном сборнике.

³ Интервью с В. Кемляковой; Интервью с Т. Максимовой.

⁴ Интервью с А. Пименовой, 1920 г. р., опубликовано в данном сборнике; Интервью с Т. Рогозиной, 1932 г. р., опубликовано в данном сборнике.

⁵ Интервью с Т. Максимовой; Интервью с В. Кемляковой.

⁶ Протокол допроса Воташевой Марии Павловны, 1925 г.р., д. Рышкола Туксинского сельсовета Олонцкого района КФССР от 9.09.1944 г. // НАРК, ф. 792, оп. 1, д. 4, л. 71-72; Интервью с О. Молодиной; Интервью с А. Зинатовой.

⁷ Доклад секретаря Пряжинского райкома Н. Анхимова партактиву Пряжинского райкома от 29.09.1944 // КГАНИ, ф. 21, оп. 1, д. 299, л. 25-26.

⁸ Интервью с К. Осиповой, 1935 г. р., опубликовано в данном сборнике; Интервью с А. Хансен, 1936 г. р., опубликовано в данном сборнике; Интервью с Р. Агаповой, 1937 г. р., опубликовано в данном сборнике.

⁹ Интервью с А. Кочановой, 1929 г. р., опубликовано в данном сборнике; Интервью с М. Вагановой, 1928 г. р., опубликовано в данном сборнике; Воспоминания К. Патраковой // Лукьянов В. Указ. соч. – С. 56-57. По свидетельству К. Патраковой, в де-

ния были запрещены, местные власти нередко использовали их в отношении женщин, не выполнявших нормы¹.

Одной из сфер повседневной жизни, на которые война оказала наибольшее влияние, была еда. Даже в национальных районах, чье население снабжалось продовольствием лучше, чем «непривилегированное», в первый год ситуация с едой была очень плохой. Многие респонденты вспоминали специфические рецепты военного времени. Мука смешивалась с корой, соломой и опилками, а также с высушенным мхом и борщевиком. Очень важной добавкой к ежедневному рациону была крапива и клевер². Весной в пищу шла мороженая картошка, которую искали на полях, едва сходил снег³.

Из всех тем, связанных с жизнью женщин во время финской оккупации Советской Карелии, тема взаимоотношений между местными женщинами и финскими мужчинами оставалась, пожалуй, наиболее табуированной. Во время войны любые контакты подобного рода воспринимались как предательство. Характерный эпизод приводится в повести Д. Гусарова «За чертой милосердия», когда восемнадцатилетний партизан, посланный на разведку в родную деревню, сочинил историю, как он задушил родную сестру за то, что та гуляла с финским солдатом. В самом партизанском отряде этот выдуманный случай сделал его героем, и на его основе офицер, ответственный за политработу, подготовил лекцию «Нет пощады предателям»⁴. Неудивительно, что после войны такие эпизоды замалчивались населением бывших оккупированных территорий, тем более что нередко они приводили к трагедиям⁵.

Тем не менее, из ряда интервью, представленных в сборнике, можно составить представление о том, что контакты между финскими военными и женщинами не были редким явлением, особенно в национальных районах, что видно в интервью с респондентами из вепсских районов Карелии. Впрочем, подобные случаи отмечаются и в интервью с представителями других национальностей. Как следствие, в списке вопросов, подготовленных населением освобожденных территорий, одним из первых шел вопрос о дальнейшей судьбе женщин, родивших детей от финнов⁶.

ревне Шильта финские власти заставляли работать всех детей старше 10 лет.

¹ Интервью с А. Кочановой; интервью с М. Вагановой.

² Интервью с В. Кемляковой; Интервью с Т. Максимовой; Интервью с В. Харитоновой; Интервью с К. Осиповой.

³ Интервью с В. Кемляковой; Воспоминания Н. Абрамовой // Лукьянов С. Указ. соч. – С. 79.

⁴ Гусаров Д. За чертой милосердия. – Петрозаводск, 1977. – С. 20-23.

⁵ Интервью с В. Кемляковой; Интервью с В. Яршиным, опубликовано в данном сборнике.

⁶ По обе стороны... – С. 521.

В то время как условия жизни свободного населения на территориях, оккупированных финнами, особенно в национальных районах, были относительно нормальными, повседневная жизнь женщин в финских концентрационных и трудовых лагерях часто сводилась к борьбе за существование. При высоких трудовых нормах продовольственное снабжение заключенных было очень плохим как с точки зрения количества, так и качества продуктов. Заключенные петрозаводского лагеря №4, например, использовались для ремонтных работ на железной дороге и для разборки разрушенных зданий, при этом рацион заключенного составлял стакан муки в день. От голода женщины искали отбросы в мусорных кучах¹. Выдаваемые продукты нередко были испорчены, вплоть до того, что в них заводились черви². Широко использовался труд подростков, а подчас и детей³. Официально телесные наказания для женщин, заключенных в лагерях, были запрещены, но, согласно многочисленным свидетельствам, этот запрет постоянно нарушался.

Впрочем, принудительный труд женщин ценился финскими властями, подчас даже больше, чем труд мужчин⁴. Объяснение этому видится в очевидном факте: женщины были более послушными и ими легче было управлять. Как вспоминала А. Николаевская: «Мы ведь порядка не нарушали. [Наказывать] не за что было»⁵. Многие женщины, чьи интервью публикуются в данном сборнике, признавали, что боялись ослушаться и послушно выполняли все, что им приказывали⁶.

Крайне плохими были условия проживания во многих финских концлагерях. В Ильинском лагере, например, в одну комнату в бараке администрация лагеря селила до 30 человек⁷. А. Макеева, заключенная петрозаводского лагеря №5, вспоминала, что в комнате площадью 10 кв.метров жило шесть человек⁸. Подобные свидетельства довольно многочисленны.

Истощенные изнурительным трудом и плохим питанием, женщины, заключенные в лагерях, проводили свободное время, просто восстанавли-

¹ Интервью с А. Левиной, 1926 г. р., в архиве филологического факультета ПетрГУ.

² Интервью с Т. Кошкарновой, 1927 г. р., опубликовано в данном сборнике; Интервью с К. Осиповой; Воспоминания К. Рогозиной // Плененное детство... – С. 39; Воспоминания Т. Поповой // По обе стороны... – С. 500.

³ Интервью с А. Кочановой, 1929 г. р., опубликовано в данном сборнике; Воспоминания В. Малюткиной // Плененное детство... – С. 8; Воспоминания А. Вострякова // Плененное детство... – С. 33; Воспоминания В. Волкова // Плененное детство... – С. 18.

⁴ Seppälä H. Suomi miehittäjänä. 1941-1944 . – Helsinki, 1989. – S. 101.

⁵ Интервью с А. Николаевской.

⁶ Интервью с Т. Максимовой; Интервью с Е. Тереховой, 1927 г. р., в архиве филологического факультета ПетрГУ.

⁷ Воспоминания Н. Вышедок // Плененное детство... – С. 32.

⁸ Воспоминания А. Макеевой // Плененное детство... – С. 74.

вая силы для следующего дня¹. А. Левина вспоминала: «Мы просто сидели, не в силах куда-либо пойти. Люди стали недвижимы. Только разговоры, что этот умер, тот умер. Так время и проходило: мы ждали смерти...»²

Администрация лагерей нередко игнорировала семейные связи. Семьи часто разделялись. Дети старше пятнадцати лет направлялись в трудовые лагеря, реже из семьи забирали отцов и, в исключительных случаях, матерей³. Во время перемещения людей в лагеря не предоставлялось никаких условий для беременных женщин и женщин с грудными детьми. Как следствие, уровень смертности среди грудных детей был необычайно высок – в 1942 г. в петрозаводских концлагерях умер каждый четвертый новорожденный⁴. Согласно многочисленным свидетельствам, вскоре после заключения умирающие дети стали привычной для лагерей картиной⁵. В этих условиях выживание семей зависело практически полностью от женщин – матерей и бабушек, а также от старших детей. История финских концлагерей полна примеров самопожертвования, когда старшие члены семьи отдавали свой скудный рацион младшим, часто умирая от голода⁶.

Таким образом, можно констатировать, что финские оккупационные власти выработали две модели отношения к женщинам, жившим на оккупированных территориях Карелии. Женщины «родственных» национальностей в их представлении были той частью общества, через которую можно было наиболее эффективно провести «финнизацию» Советской Карелии. Для этого именно в отношении женщин, особенно молодых девушек, велась активная пропаганда финского образа жизни. В то же время русские женщины рассматривались лишь как рабочая сила, которую было удобно эксплуатировать для нужд экономики военного времени. Этот статус объясняет то пренебрежение, с которым администрация финских лагерей относилась к условиям жизни своих заключенных, особенно в первое время.

В целом же, финская оккупация была уникальным феноменом с точки зрения гендерной истории. Женщины, оставшиеся на оккупированных территориях, оказались в совершенно иной идеологической среде,

¹ Воспоминания Н. Маркелова // Плененное детство... – С. 22-23; Воспоминания Н. Турковой // Плененное детство... – С. 70.

² Интервью с А. Левиной.

³ Воспоминания Н. Костина // Плененное детство... – С. 47; Воспоминания В. Михайлова // Плененное детство... – С. 34.

⁴ Куломаа Ю. Указ. соч. – С. 126-127.

⁵ Интервью с А. Левиной; Интервью с В. Луковниковой; Интервью с Г. Лодыш, 1937 г. р., опубликовано в данном сборнике; Воспоминания Л. Макеевой // Плененное детство... – С. 74; и др.

⁶ Интервью с Г. Лодыш; Воспоминания Г. Чапуриной // Плененное детство... – С. 46; Воспоминания А. Натарева // Плененное детство... – С. 44.

направленной против советских норм и ценностей, но при этом опиравшейся на традиционные ценности сельского общества. В годы оккупации социальное положение советской женщины, особенно в деревне, претерпело значительную трансформацию. Несмотря на экономические и социальные реформы 1930-х гг. в СССР, которые нанесли сокрушительный удар по традиционному укладу жизни, к 1941 г. в деревнях Карелии, в целом, еще сохранялись дореволюционные нормы и ценности, а также довольно четкое разделение сфер деятельности на мужские и женские, особенности внутри семьи. Во время войны (не только на оккупированных территориях) это разделение было уничтожено, женщины были вынуждены брать на себя когда-то исключительно мужские обязанности, что отмечают большинство респондентов, чьи интервью публикуются в данном сборнике. Это неизбежно вело к «размыванию» традиционных социальных ролей, к разрушению традиционной семьи и, соответственно, к поиску новых моделей социальных отношений в послевоенный период.

Браки между финнами и населением оккупированной Карелии*

*Антти Лайне
доктор философии, профессор
университет Йоэнсуу, Финляндия
antti.laine@joensuu.fi*

Общение между финнами и местным населением нередко приводило к более близким отношениям, желанию вступить в брак и непосредственно к заключению браков. Отношение к подобным бракам было неоднозначным. Командующий Военного управления Палохеймо считал это явление позитивным веянием, так как все это укрепляло чувство единства между финнами и восточными карелами¹. В целом, отношение к межнациональным бракам обуславливалось, в первую очередь, национальностью партнера – то есть и здесь национальный вопрос играл приоритетную роль.

Помимо вопроса о заключении межнациональных браков, финским властям необходимо было выработать определенную политику по отношению к заключению браков в среде местного населения. Перед войной в Советском Союзе существовали как официальные, так и неофициальные (гражданские) браки. Основанием для того, чтобы гражданский брак считался действительным, было признание действительности брачной связи самими участниками². Это можно сравнить с ситуацией в современной Финляндии, где тот же принцип используется, например, при налогообложении семей.

Финны с подозрением отнеслись к формам брака, принятым в СССР, поскольку в западном понимании их было трудно назвать браками. Законнорожденные и внебрачные дети по юридически ничем не различались. Родительские обязанности накладывались на отцов и матерей

* Перевод главы «*Avioliittojen solmiminen*» из монографии профессора А. Лайне «*Suur-Suomen kahdet kasvot*» (Keuruu, 1982). Перевод выполнен Н. С. Сабуровой, а также студентами исторического факультета Д. Арефьевой, Р. Захаренковым, Ю. Иванчук, Ю. Михайловой и А. Поливановым. Перевод сносок – А. Ю. Осипов.

¹ Hallos/ItäKar.SE (ev. Paloheimo) (*здесь и далее* – Отдел управления Военного управления Восточной Карелии, полковник Палохеймо) AunR:n komentajalle (коменданту Олонекского района) 17.4.1944. Tiedoitussto-Valtsto/ItäKar.SE, T5684/11, Sota-arkisto (Военный архив Финляндии), далее SA.

² Promemoria neuvosto-venäläisen avioliittojärjestelmän huomioimisesta miehityshallinnon kestäessä (Y.J. Hakulinen) (Воспоминания Ю.Й.Хакулиненна, касающиеся заключения браков в период оккупационного правления), Hallos/ItäKar.SE, T9728/13 SA; также об этом см. Elsinen Pertti, Miehitetyn Itä-Karjalan paikallisen siviiliväestön oikeudenhoito vuosina 1941-1944. Неопубликованная работа. Йоэнсуу, 1979. S. 173-174.

по факту рождения ребенка, и формальное заключение брака для этого было необязательным¹.

Правовые основы семейных отношений были установлены в феврале 1942 г. распоряжением главнокомандующего. Начальник округа становился должностным лицом, которое проводило церемонию бракосочетания и признавало брак действительным. Венчание могло осуществляться священником, принадлежащим к той или иной церковной общине. Расторжение браков осуществлялось командующим Военного управления. Все это касалось также беженцев из Восточной Карелии, у которых не было гражданства Финляндии².

Из браков, заключенных в СССР до войны, действительными признавались официально зарегистрированные браки, а также те незарегистрированные браки, которые были отмечены в списке населения военной администрации по обоюдному согласию супругов³.

Распоряжение касалось лишь тех браков, которые заключались между представителями местного населения. Браки между финнами и местным населением должны были заключаться в Финляндии с соблюдением, во-первых, закона о семейно-правовых отношениях представителей разных народов, и, во-вторых, положений, вытекающих из этого закона⁴.

При рассмотрении вопроса о разрешении на брак важной и даже сложной задачей становилось установление действительности предыдущего брака, если женщина, желающая вступить в брак, раньше уже была замужем. Основываясь на исключительных обстоятельствах, предыдущий брак мог быть расторгнут, даже если с момента отсутствия супруга еще не прошло трех лет, а именно в том случае, если супруг находился на военной службе или был в эвакуации. Особо значимым обстоятельством для заключения брака было наличие или ожидание общего с будущим супругом ребенка⁵.

При регистрации браков жителей, находящихся в лагерях, финская администрация придерживалась тех же принципов. Несмотря на то, что не сохранились данные о точном количестве заключаемых в лагерях браков, отмечено, что их число было существенным. Если заключенные пере-

¹ Ibid.

² Avioliitoista Itä-Karjalassa väliaikaisen suomalaisen sotilashallinnon aikana (О браках в Восточной Карелии в период временного финского управления). SsK 16/42, 23.2.1942; Ohjeita avioliitosta Itä-Karjalassa väliaikaisen suomalaisen sot.hallinnon aikana annetun määräyksen soveltamisesta. Lainopillinen avustaja (Указания по заключению браков в Восточной Карелии в период временного финского управления) 26.2.1942. Hallos/ItäKar.SE, T9727/17, SA.

³ См. предыдущую сноску.

⁴ Elsinen P. Op.cit. S 175.

⁵ Selostus avioliittoasiain käsittelemisestä Itä-Karjalan sotilashallinnon aikana (Отчет о заключении браков в Восточной Карелии в период временного финского управления), 20.9.1944 laat. kapt. Reino Kuuskoski. Hallos/ItäKar.SE, T9727/17, SA.

селенческого лагеря изъявляли желание вступить в брак с финнами или восточными карелами из числа свободных жителей, их освобождали еще до заключения брака¹. При решении о выдаче или отказе разрешения на брак рассматривалось поведение в лагере желающих вступить в брак и их трудоспособность². В этом вопросе Военная администрация превышала свои полномочия и нарушала распоряжения, полученные свыше.

Большая часть документов, касающихся браков, была утрачена во время отступления из Карелии. Отчеты свидетельствуют, что в 1942 г. было заключено 47 браков, в 1943 – 238, на 1944 г. данные отсутствуют. В 1942 было разрешено 8 разводов, прошение об одном было отклонено, в 1943 – 76 разводов и 6 отклонено, в 1944 – 39 разводов (16 отклонено). Для заключения нового брака ранее, чем через полгода после расторжения прежнего, требовалось специальное разрешение. Их давали довольно много: в 1942 г. – 5, в 1943 – 53 и в 1944 – 38 (только 4 запроса на подобное разрешения были отклонены). Очень частыми были случаи, когда срочное заключение брака происходило по причине беременности невесты³.

В 1942 г. из 47 браков 8 были заключены между мужчинами-финнами и женщинами из «родственного» населения, в 32 браках и муж, и жена были представителями финно-угорских национальностей, в 6 случаях один из супругов был представителем «родственной» национальности, а другой – «неродственной», и лишь в одном случае оба супруга происходили из «неродственного» населения⁴.

В следующем году число заключенных браков значительно увеличилось, в особенности доля браков, где одним из супругов был финн, а вторым – представитель национального населения. Из 238 браков, заключенных в 1943 г., таких браков было 84, причем в 71 случае мужем был финн, в 13 случаях финка была женой. Финны встречались также с «неродственным» населением, в 5 случаях это привело к заключению брака, причем только в одном случае женой становилась финка. Среди местного населения преобладали браки внутри «родственных» национальностей: таких было 79. Также было зафиксировано 25 смешанных браков и 45 браков, в которых оба супруга происходили из «неродственного» населения⁵.

Сведения о заключении браков в 1944 г. отсутствуют, но их количество, очевидно, было значительным, поскольку все время оккупации

¹ Ibid.

² Lyhennysote Hallos Aunuksen piiripäällikölle 12.2.1942, koskee k-leiriläisten välisiä avioliittoja (Указание начальнику Олонецкой администрации от 12.2.1942, касающееся браков между заключенными). Halltsto/VienanPE, T3009/10, SA.

³ См. ссылку 4 к предыдущей странице.

⁴ Hallos/ItäKar.SE 29.1.1944, vuonna 1943 solmitut avioliitot (tilasto) (статистика заключенных браков на 1943 г.). Hallos/ItäKar.SE, T9728/15, SA; см. также ссылку 4 на предыдущей странице.

⁵ Ibid.

число браков росло. Если в первую четверть 1942 г. было заключено только три брака, а в первую четверть 1943 – 29, то в последнюю четверть 1943 г. было заключено 100 браков¹. Кроме того, многие из тех, кто эвакуировался из Карелии вместе с отступавшими финскими войсками, вступали брак уже на территории Финляндии². Документы военной администрации не дают возможности установить точное число таких случаев, поскольку вряд ли подобные документы можно было вообще составить.

Рассматривая документы, касающиеся заключения браков, нельзя не отметить, что довольно значительная доля финнов, вступающих в брак, наблюдается в тех местах, где был недостаток карельских мужчин, достигших брачного возраста. Географически это охватывает наиболее густонаселенные районы, где были более широкие возможности для общения между оккупантами и местным населением. В частности, много браков между финнами и местным населением было заключено в Петрозаводске. В Петрозаводске также было заключено три четверти смешанных браков³. В других районах Карелии представители разных национальностей были расселены по разным деревням.

Если в Петрозаводске в 1943 году было заключено 89 браков, а в Олонце, который занимал второе место по количеству браков, 49, то на густонаселенной территории Заонежья было заключено только 8 браков⁴. Объяснение этому нужно искать, в одной стороны, в прижившемся при советской власти обычае не регистрировать брак, с другой стороны, в просветительской деятельности, направленной на родственное финнам население. На территориях Заонежья финское руководство не считало обязательной регистрацию совместного проживания, да и не вмешивалось в эти вопросы, поскольку просветительская деятельность не добралась до этого района. Однако среди родственного финнам населения совместное проживание без заключения брака не одобрялось, и супругов всячески склоняли к официальной регистрации брака.

Безусловно значимым фактором в увеличении количества заключаемых браков стали преимущества, получаемые при вступлении в брак с представителем того или иного народа. Если один из супругов был представителем финно-угорского народа или один из супругов, принадлежащий к финно-угорскому народу, заключал брак с финном, то «вторая половина» автоматически получала льготы, в частности, продовольственные или товарные карточки. Даже супруг, не относившийся к «родственным» национальностям, получал разрешение на паспорт зеленого цвета*, в кото-

¹ Ibid.

² Kertomus Itä-Karjalan väestön evakuoinnista (Описание эвакуации населения из Восточной Карелии) 2.11.1944. ItäKar.SH:n selvittelyelin. Spk 25547, SA.

³ См. ссылку 4 к предыдущей странице.

⁴ Ibid.

* Деление населения оккупированной Карелии на «родственное» и «неродственное»

ром, например, было отмечено: «русская, член карельской семьи». Покупательная способность карточки определялась именно этим цветом, вне зависимости от того, к какой национальности принадлежал ее владелец¹. Тот же принцип распространялся и на заработную плату и на распределение земли между местным населением. Если же желающие заключить брак не были представителями одного из финно-угорских народов, соблазна к заключению брака, безусловно, не было. Особенно престижным считалось заключение брака с представителем финского народа, ведь это означало получение гражданства Финляндии и, естественно, привилегированного положения в обществе: это был типичный для оккупированной Карелии брак военного времени.

Тем временем заключение смешанных браков явно беспокоило Военную администрацию. Особое беспокойство доставляло тесное общение финских солдат с «неродственным» населением и их просьбы о разрешении на вступление в брак. Но крайняя обеспокоенность была все же излишней, случаев заключения подобных браков было всего несколько: в 1942 году не было ни одного подобного брака, в 1943 – 4 брака, и к апрелю 1944 года – тоже 4 брака². Кроме того, в 1942 году массовую переписку вызвала история о союзе финской учительницы и мужчины, который не являлся представителем «родственного» населения. Их отношения закончились браком, но этому предшествовало отстранение финской учительницы от профессиональной деятельности после того, как она провела с этим мужчиной ночь в своей квартире. Мужчина получил должность в Военном управлении³. Женщине, разумеется, пришлось пожертвовать своей профессией из-за нарушения норм морали. Больше в источниках не встречается информации, касающейся заключения браков между финскими женщинами и мужчинами «неудобных» национальностей.

Командующий Военного управления выразил свою обеспокоенность командиру Олонецкой группы войск, особо подчеркивая, что избранниками финских солдат становятся представители «неродственных» народов. Он особо выделил, что лица, занимающиеся просветительством на данной территории, должны подчеркивать нежелательность данного

закреплялось выдачей паспортов, чьи обложки различались цветом. У первых они были зеленые, у вторых – красные. – Прим.ред.

¹ IsK 13/15.2.1942, также Elsinen P. Op. cit. S. 179.

² SH-komentaja AunR:n komentajalle (Командующий Военного управления коменданту Олонецкого района) 17.4.1944. Tiedoistuststo-Valtsto/MKar.SE T5684/11, SA.

³ Esim. Hallos/ItäKar.SE Pv.ylipäällikön adjutantille 29.1.1942, koskee M. ja A.P:n kantelukirjoituksia (Например, Отдел управления Военного управления Восточной Карелии от 29.1.1942 по вопросу о жалобах от М. и А. П.). Halltsto/ItäKar.SE, T2870/5; Hallos/Itä-Kar.SE P:n tuomiokunnan tuomarille 9.12.1943, koskee M.P:n ja H.H:n avioliiton päättämistä (судье петрозаводского судебного округа по вопросу о заключении брака между М.П. и Х.Х.). Halltsto/ItäKar.SE, T2870/3, SA.

явления¹. Обеспокоенность коменданта была вызвана несколькими заявлениями о разрешении на вступлении в брак. Безусловно, при решении данной проблемы Военная администрация сталкивалась с противопоставлением национальной политики существующим предписаниями. В правилах о заключении браков не отмечались какие-либо ограничения, связанные с национальностью вступающих в брак, но при рассмотрении разрешений на заключение смешанных браков далеко не каждый осмеливался взять на себя ответственность за принятие решения. Например, в Прионежском районе областной начальник передал подобное дело на рассмотрение в Военное управление, ведь «браки между представителями финно-угорских народов и переселенцами нежелательны»². В таком случае определение положения «неродственных» финнам жителей создавало дополнительную проблему властям.

Ситуация с межнациональными браками показывает, что обеспокоенность этой проблемой со стороны должностных лиц военной администрации проявилась на значительно более позднем этапе. Поначалу этот вопрос вообще не принимался во внимание. Отдел просвещения выработал инструкции по этому вопросу только в начале 1943 г. Эти инструкции предписывали добиваться в среде местного населения повышения национального сознания. В частности, карелы должны были заключать браки только между собой, общение же с русским населением, согласно этим инструкциям, рассматривалось как непристойное и унижительное. Власти ссылались на былую традицию восточных карелов не заключать браки с русским населением, благодаря чему им столетиями удавалось избежать «кровосмешения» со славянскими народами³.

Несмотря на то, что предпринимались попытки относиться к позитивно к людям, рожденным в межнациональном браке, и даже причислять их к группе людей, пользующихся привилегиями, дальнейшее «кровосмешение» пресекалось. Необходимо было так или иначе отделаться от «неродственных» народов.

¹ См. ссылку 2 к предыдущей странице.

² Äänisenrannan АЕ АунРЕ.11е (Районное управление Прионежского района в штаб Олонецкого округа) 7.1.1943. Halltsto/ItäKar.SE, T2870/5, SA.

³ Valos valistus- ja opetushenkilölle 30.1.1943, koskee Itä-Karjalan väestön kansallisen tietoisuuden vahvistamista (Рекомендации лицам, занимающимся просветительской и учебной деятельностью от 30.1.1943, касающиеся укрепления самосознания населения Восточной Карелии). Valtsto/AunAE, T2929/1, SA.

Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии

А. Ю. Осипов

к.и.н., преподаватель кафедры истории стран Северной Европы

Петрозаводский государственный университет

г. Петрозаводск, Россия

alex_osipov@bk.ru

Тема финской оккупации Советской Карелии достаточно хорошо изучена в финской историографии*. В советской исторической науке данный вопрос традиционно относился к одним из самых табуированных. В этой работе, не претендующей на полноту освещения режима финской оккупации, предлагается попытка рассмотрения основных мероприятий, осуществлявшихся финскими оккупационными властями в Карелии.

Весной 1941 года по инициативе президента Финляндии Ристо Рюти стали разрабатываться планы по присоединению Карелии (в финских документах она, как правило, называлась Восточной Карелией) и созданию Великой Финляндии. Автором документа о будущем устройстве Восточной Карелии стал заместитель председателя Академического карельского общества доктор Рейно Кастрен. Согласно его идее, завоеванная Карелия должна была постепенно включаться в состав Финляндии.

Предвоенные планы финских военных расходились относительно границ территории, которую следовало бы присоединить. Генерал Аксель Айро заявил о необходимости возврата к «естественным» или «историческим» границам Финляндии (Ладога – Свирь – Онежское озеро – Белое море). А его оппонент генерал Эрик Хейнрих считал их слишком «южными»¹. Таким образом, граница Карелии, а, следовательно, и Великой Финляндии, не была четко определена к началу войны.

С другой стороны, сам факт необходимости «освобождения» Восточной Карелии не вызывал сомнений в Финляндии. Поэтому приказ К. Г. Маннергейма о том, что он не вложит свой меч в ножны до тех пор, пока не будет освобождена Восточная Карелия, был принят с должным воодушевлением. Приказ явился копией распоряжения самого же Маннергейма от 1918 года и восходил к давней идее объединения соплеменников: финнов и карелов под эгидой Великой Финляндии². В действительности за пафосным приказом Маннергейма скрывались стратегические и экономические факторы. Проходившая через Карелию Мурманская железная

* Подробнее об этом см. статью И.М. Соломеща в данном сборнике.

¹ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa. 1941-1944. Helsinki: Keuruu, 1982. S. 75-76.

² Vahtola J. "Suomi suureksi – Viena vapaaksi". Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 29, 30.

дорога и Беломоро-Балтийский канал, одно из крупнейших в стране производств бумаги и неисчерпаемые запасы леса делали регион весьма привлекательным для Финляндии. Кроме того, потеря финнами Карельского перешейка заставляла обеспечить жильем и продовольствием 400 тысяч человек, эвакуированных с этой территории.

Планы устройства Восточной Карелии стали претворяться в жизнь сразу после ее оккупации. Организацией жизнедеятельности на захваченной территории занималось Военное управление Восточной Карелии во главе с комендантом. К числу руководящих органов также относились совещательная комиссия и штаб. Военное управление имело разветвленную структуру, состоящую из ряда отдельных управлений, которые, в свою очередь, делились на отделы¹.

Одним из ключевых решений, которое было принято в отношении населения Восточной Карелии при ее оккупации – это разделение по этническому принципу. К национальному, занимавшему привилегированное положение, населению были отнесены так называемые «родственные народы»: карелы (39,6 % от всего населения), финны (8,5 %), ингерманландцы, вепсы, эстонцы, мордва. В группу ненационального населения попали русские (46,7 %), украинцы (1,3 %) и прочие народы. Основанием для определения национальности служила национальность родителей, в число прочих факторов входили родной язык и язык, на котором велось обучение². Принадлежность к той или иной группе влияла, в конечном счете, на зарплату, распределение продовольствия, свободу передвижения. И, что самое главное, ненациональное население в большинстве своем подлежало содержанию в концентрационных лагерях³. Основанием для заключения являлись такие факторы, как нежелательное присутствие лиц на территории с точки зрения военного управления, политическая неблагонадежность. Отправке в лагерь также подлежали лица, чье нахождение на свободе было признано нецелесообразным⁴.

Всего было организовано 10 таких лагерей, большая часть из которых размещалась в Петрозаводске. Общее число заключенных на начало 1944 года достигало почти 15 тысяч человек, притом, что численность всего населения Карелии составляла 83 385 человек⁵. Впрочем, количество заключенных нередко менялось: от 11 166 человек в ноябре 1941 до 23 984 в мае 1942⁶.

¹ Laine A. Op. cit. S. 72.

² Ibid. S. 105, 106.

³ Seppälä H. Suomi miehittäjänä. 1941-1944. Helsinki, 1989. S. 34.

⁴ Seppälä H. Suomalaista rotuerottelua: Itä-Karjalan venäläisväestö suomalaisen sotilashallinnon keskitysleirillä 1941-1944 // Ulkopoliitikka. 2005. Vol. 2. № 2. S. 124.

⁵ Seppälä H. Suomi miehittäjänä. S. 33.

⁶ Seppälä H. Suomalaista rotuerottelua: Itä-Karjalan venäläisväestö suomalaisen sotilashallinnon keskitysleirillä 1941-1944. S. 124.

Точно также строго регламентировалось и распределение продуктов питания. Национальное население получало 300 граммов хлеба в день, а ненациональное – 200. Кроме того, работающие «соплеменники» получали надбавку – 150 граммов в день. Такое же пропорциональное деление, при котором национальное население оказалось в привилегированном положении казалось распределения сахара, жиров, картофеля¹. Впрочем, известный финляндский исследователь оккупационного режима в Карелии Антти Лайне отмечает, что нормы выдачи продуктов в Карелии в период войны не слишком отличались от тех, которые были установлены в самой Финляндии (от 200 до 425 граммов хлеба на человека в день)².

Что касается снабжения населения, находившегося в лагерях, то оно производилось по отдельным схемам. Заключенные были разделены на три категории: «А» – не работающие, «В» – работающие, «С» – занятые тяжелым трудом. Люди, входившие в категорию «А», получали продовольствия меньше, чем свободное ненациональное население³. Кроме того, таковым распределение продуктов было только на бумаге. В действительности условия были худшими, и одной из причин высокой смертности в лагерях был голод, как признают современные финляндские исследователи⁴.

С другой стороны, необходимые товары и продукты при наличии средств можно было приобрести и в магазинах, открытых финнами. Несколько крупных торговых сетей Финляндии образовали акционерное общество «Vako», имевшее монополию на торговую деятельность в Карелии. Первый магазин был открыт в селе Видлица, а позднее торговая сеть охватила всю Карелию⁵. Обслуживающего персонала для магазинов, пекарен, мельниц и кафе «Vako» не хватало, поэтому в качестве рабочей силы использовалось местное население, которое выполняло функции кладовщиков и продавцов. Для некоторых из них в Петрозаводске были организованы специальные курсы⁶. В 1941 году на работах в этой компании было занято 374 карела (речь идет о национальном населении) и 233 русских (имеется ввиду ненациональное население), а в 1944 году цифры возросли до 473 и 297 человек соответственно⁷.

Один из первых вопросов, который встал перед оккупантами – это организация принудительного труда местного населения. Об этой проблеме финны позаботились заранее, издав еще в июле соответствующий

¹ Laine A. Op. cit. S. 228, 229.

² Ibid. S. 229.

³ Ibid. S. 231.

⁴ Ханникайнен Л. «Для создания концлагерей не существовало военной необходимости» // *Ulkorolitiikka*. 2005. Vol. 2. № 2. S. 20.

⁵ Simonen S. Vako OY. Kaupallista toimintaa Itä-Karjalassa 1941-1944. Helsinki, 1971. S. 47.

⁶ Ibid. S. 75-77, 100.

⁷ Ibid. S. 100, 105.

манифест за подписью верховного главнокомандующего К. Г. Маннергейма, который гласил о том, что жители захваченных территорий несут трудовую повинность¹. В разряд лиц, подлежащих выполнению этой повинности, попали трудоспособные граждане от 16 до 60 лет.

Тем лицам, которые трудились в компании «Vako», могли позавидовать остальные, поскольку многие попали на гораздо более тяжелые работы. Так, по данным на март 1942 года на лесозаготовках трудилось более шести тысяч человек, из которых более трети составляли женщины и дети. По наблюдениям финляндского исследователя Хельге Сеппяля, который сам принимал участие в оккупации Карелии, женщин, занятых на лесных работах, считали лучшей рабочей силой, чем мужчин, объясняя это их упорством и гордостью (хотя труд женщин оплачивался ниже, чем труд мужчин)². С другой стороны доклад штаба Военного управления констатировал, что эффективность труда свободного населения Карелии ниже, чем у финнов, что неудивительно, так как к работам привлекали несовершеннолетних, а среди заключенных интерес к труду и вовсе отсутствовал³.

Важной составляющей оккупационного режима стала пропаганда и образование. Распространение финского языка, финской культуры и религии должно было способствовать созданию Великой Финляндии и включению Карелии в ее состав. Большое внимание уделялось школьному образованию: 29 октября 1941 года было издано распоряжение военного коменданта об учебной обязанности для родственных народов, которой подлежали дети в возрасте 7-15 лет⁴. Наряду с обычными школьными предметами в программу курсов неизменно входила пропаганда Великой Финляндии, воспитывалась ненависть к большевикам, негативное отношение к «рюсся» («ryssä» – презрительное название русских)⁵. Важнейшими школьными предметами стали история и география, согласно которым родиной карелов объявлялась Великая Финляндия, которую следовало защищать и на благо которой работать⁶. Осенью 1942 года в карельских школах насчитывалось уже 5 600 учеников и 202 учителя, а языком обучения стал, естественно, финский⁷.

Идея Великой Финляндии доминировала и в официальной пропаганде, центральным вопросом которой стало «воссоединение» Карелии и Финляндии, «родственных» народов. Средством воздействия на население Карелии стали газеты и радио. Штаб военного управления издавал

¹ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. Петрозаводск, 2006. С. 9.

² Seppälä H. Suomi miehittäjänä. S. 52.

³ Ibidem.

⁴ Valkoiset sivut eli suomalainen oppikoulu Itä-Karjalassa. Toim. Matti Hölsä. Saarijärvi. 1998. S. 17.

⁵ Laine A. Op. cit. S. 178-180.

⁶ Ibid. S. 181.

⁷ Valkoiset sivut eli suomalainen oppikoulu Itä-Karjalassa. S. 17.

газету «Свободная Карелия», тираж которой к 1943 году превысил 1 000 экземпляров. Кроме того, издавалась региональная газета – «Паданские известия», а для русскоязычного населения – «Северное слово»¹. Финское радио в Петрозаводске было больше ориентировано на финно-язычное население, однако в его программу входили и передачи на русском и карельском языках².

Таким образом, просветительную работу финнов в Карелии можно разделить на несколько основных частей: центральное место, безусловно, отводилось идее создания Великой Финляндии, наряду с этим внушалось негативное отношение к советской власти, а политику по отношению к наиболее юным возрастным группам можно определить, как «финляндизацию». К этому следует добавить и веротерпимость финнов. Учитывая гонения на церковь в советское время, Военное управление попыталось исправить эту ситуацию, разрешив местному населению посещение церквей, и заново открыв церковно-приходские школы³.

По состоянию на 1943 год к верующим относилось 47 % свободного населения (среди заключенных такой статистики не велось), однако успехи лютеранской церкви были более чем скромны. Лишь чуть более 2 000 человек относили себя к этой вере, поэтому финляндизация Карелии в области религии больших успехов не принесла⁴.

Наступление советских войск летом 1944 года положило конец режиму финской оккупации. Лишь незначительное число человек (в основном, «националы») согласились переселиться в Финляндию. Потери среди мирного населения до сих пор точно не известны, их оценка колеблется от 4 000 до 6 000 человек⁵.

¹ Seppälä H. Suomi miehittäjänä. S. 97, 98.

² Salminen E. Op. cit. S. 133.

³ Seppälä H. Suomi miehittäjänä. S. 101.

⁴ Idid. S. 102.

⁵ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 634.

Финская оккупация Советской Карелии в освещении финляндской историографии

И. М. Соломец
к.и.н., доцент кафедры истории стран Северной Европы
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Россия
isol@sampo.ru

По прошествии более чем шести десятилетий по окончании Второй мировой войны многие ее страницы по-прежнему остаются в центре внимания историков, а зачастую – как это произошло с проблемой оккупационной политики и практики ее осуществления на территории советской Карелии в 1941—1944 гг. – оказываются предметом оживленной общественной дискуссии. Приходится с сожалением констатировать, что в отечественной историографии все еще отсутствует монографическое исследование этой проблемы, которое опиралось бы на исчерпывающий комплекс доступных архивных материалов. Выводы, делаемые в имеющихся публикациях по истории советской Карелии, как правило, по-прежнему опираются на стереотипизированные формулировки советских времен.

В финляндской историографии эта тема довольно длительное время также не находила адекватного освещения – по вполне очевидным причинам¹. Прежде всего, болезненная тема оккупационного режима плохо вписывалась в общий настрой политической атмосферы, определявшейся специфическими отношениями между Финляндией и СССР в эпоху действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1948 года.

Между тем, первые сведения об оккупационной политике в Восточной Карелии в обобщенном виде можно обнаружить в трудах финских историков – современников (и участников) войны. В обобщенном виде они представлены в шестом томе первого капитального труда по истории «Войны-продолжения»². За этим многотомным исследованием, написанным ведущими на тот момент специалистами в области военной истории, закрепился статус так называемого официального труда. В основу раздела, посвященного управлению оккупированной Восточной Карелией, был положен обзор, подготовленный профессором Вели Мерикоски, специалистом по истории права и сотрудником Военного управления Восточной Карелии. Изначально этот текст был опубликован ограниченным тиражом

¹ Представленный обзор не претендует на исчерпывающий характер. Его главная задача – обрисовать основные черты историографической ситуации, сложившейся вокруг рассматриваемой темы в Финляндии. В статье представлена только монографическая литература.

² Suomen sota 1941-1945 / Toim. Puolustusvoimien pääesikunnan sotahistoriallinen toimisto. 6.osa.- Helsinki,1956.

еще в 1944 г.¹ Одной из его очевидных основных задач было доказать отсутствие фактов нарушения Финляндией международных норм обращения с гражданским населением в ходе военных действий². Соответственно, читателю предлагалась довольно односторонняя картина: автор акцентировал внимание читателя на том, что в отношении родственного (т.е. финно-угорского) населения проводилась вполне лояльная политика, при этом положение русского («ненационального») населения в интерпретации В. Мерикоски явно отходило на второй план.

По сути, уже тогда закладывалась традиция интерпретации «Войны-продолжения» как «отдельной» (от Германии), отсюда следовало, что оккупационный финский режим в Карелии ни в коей мере не должен отождествляться с гитлеровским. Можно констатировать, что эта концепция легла в основу «военно-исторического нарратива», не претерпевавшего существенных изменений вплоть до начала 1980-х годов.

Новый этап, фаза критического осмысления темы, расширения источниковой базы связана с научной деятельностью Анти Лайне и, прежде всего, с публикацией в 1982 году его докторской диссертации «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии при финском оккупационном режиме 1941-1944»³. Эту монографию вполне закономерно считать первым и, увы, до нынешнего дня единственным фундаментальным исследованием политики Финляндии на оккупированных территориях, отвечающим самым высоким научным критериям. Значимость монографии не умаляет и то обстоятельство, что, по понятным причинам, автору не были доступны материалы советских архивов.

Прежде чем представить читателю анализ практики осуществления оккупационной политики, А. Лайне рисует исчерпывающую картину политической и идеологической подоплеки действий Финляндии в Восточной Карелии. Автор показывает связь между активностью сторонников идеи Великой Финляндии в начале 20 века (т.н. *карелианизм*) и реальной практикой оккупации, то, как идеи «племенного родства» финно-угорских народов становились элементом легитимации агрессии⁴. Таким образом, в изложении А. Лайне оккупационный режим освещается не только как последовательность конкретных мероприятий, но и как результат осуществления идеологических и политических установок более длительного, чем собственно война, периода времени.

¹ Merikoski V. Suomalainen sotilashallinto Itä-Karjalassa 1941-1944. Helsinki, 1944. 105 s. Изначально эта публикация имела гриф «Для служебного пользования».

² Обзор готовился по распоряжению главнокомандующего, и его предполагалось использовать на мирных переговорах с СССР и союзниками. Подробнее об обстоятельствах появления и характере этого обзора см.: Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941-1944. Helsinki, 1982.S. 23-24.

³ Laine A. Op. cit. 490 s.

⁴ Ibid. S. 33-41.

Именно из монографии А. Лайне впервые стало возможным получить представление о том, как складывалась система управления оккупированными территориями, что легло в основу практики разделения населения по национальному признаку, какие мероприятия планировались и осуществлялись в отношении «национального» и «ненационального» населения. Практика воспитания из этнически родственных жителей Карелии достойных граждан Великой Финляндии проявилась во всех сферах – в организации хозяйственной деятельности, социальном и медицинском обеспечении, в организации школьного дела и т.д. В свою очередь, осуществление планов изолирования и последующего выселения всех, кто не принадлежал к финно-угорским этносам, несших в себе очевидный элемент расистской идеологии, привело к дискриминации «ненационалов», оставившей по себе зловещую память. Наиболее наглядно этническая дискриминация проявилась в создании системы концентрационных лагерей, запечатлевшихся не только в многочисленных воспоминаниях, но и в сухой статистике, в значительной степени впервые обнародованной именно благодаря А. Лайне¹. Автор показывает оккупационный режим в динамике, анализируя обстоятельства его смягчения в 1943 г. и определяя его место в общей системе военной политики Финляндии в ходе Второй мировой войны².

Благодаря своему высокому научному уровню, монография А. Лайне не только сформировала адекватную картину оккупационной политики и ее практического осуществления, но и задала своеобразную историографическую «планку» для последующих исследователей.

Можно констатировать, что на протяжении 1980-х годов в Финляндии появился весьма значимый – не столько в количественном, сколько в качественном смысле – пласт исследовательской литературы, авторы которой не избегали обсуждения «неудобных» вопросов. По сути, речь идет о научных трудах трех авторов – уже упомянутого А. Лайне, а также Юкки Куломаа и Хельге Сеппяля, военного историка, на вклад которого в освещение интересующих нас сюжетов следует обратить особое внимание.

Х. Сеппяля, известный, в частности, тем, что он познакомил финского читателя с воспоминаниями Г.К. Жукова и Г.Н. Куприянова, в 1980-е годы опубликовал два взаимно связанные – уже на уровне названий – исследования: «Финляндия как агрессор» (1984) и «Финляндия как оккупант» (1989)³. Последняя работа доступна российскому читателю в переводе⁴. Во многом положения трудов Х. Сеппяля развивают концеп-

¹ См., например: Ibid. S. 484-490.

² Ibid. S. 338-361, 367-376.

³ Seppälä H. 1) Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo, 1984. 267 s.; 2) Suomi miehittäjänä 1941-1944. Helsinki, 1989. 173 s.

цию, сформулированную им еще в начале 1970-х годов¹: оккупационная политика Финляндии – неотъемлемая часть реализации экспансионистского по своей природе проекта создания Великой Финляндии. Соответственно, в изложении этого автора оккупационная политика предстает как попытка реализации целостной программы, включающей в себя все стороны функционирования «обретенных земель» в составе финляндского государства. Легитимация оккупации Карелии, таким образом, сочетала в себе пафос возвращения территорий, утраченных по итогам Зимней войны, «освободительной миссии» по вызволению карельского народа из большевистского ига и собственно создания новых восточных рубежей Великой Финляндии, что подразумевало захват никогда не принадлежащих ей территорий. Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что Х. Сеппяля довольно внимательно относится к точкам зрения советских авторов (что, в свою очередь, не осталось незамеченным его российскими коллегами). Заметим также, что этот автор также стал одним из первых профессиональных финских историков, обратившихся к теме партизанского движения на оккупированной территории СССР, в том числе советской Карелии².

Монография Ю. Куломаа³, по определению самого автора, стала первой попыткой всестороннего изучения оккупационного режима в пределах ограниченной территории – города Петрозаводска, переименованного финнами в Яанислинну⁴. Концепция автора, равно как и его исследовательские методы и круг источников, продолжают традицию, заложенную А. Лайне. Благодаря обширно используемым источникам разнообразного происхождения (хотя и по-прежнему не имея возможности работать в советских архивах), Ю. Куломаа существенно обогатил историографию проблемы обстоятельным конкретно-историческим исследованием, освещающим не только характер осуществляемых оккупантами мер, но и рисующим картину жизни города как целостного организма. В этой книге читатель найдет достоверную информацию о концентрационных и переселенческих лагерях, о деятельности оккупационной администрации в хозяйственной, социальной и прочих отраслях, включая анализ практики финнизации повседневной жизни города⁵.

⁴ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант / Пер. с фин. // Север, 1995, № 4-5. С. 96-113; № 6. С. 108-128.

¹ См.: Seppälä H. Itsenäisen Suomen puoluspolitiikka ja strategia. Porvoo-Helsinki, 1974. 348 s.

² См. например: Seppälä H. Neuvostopartisaanit toisessa maailmansodassa. Porvoo, 1971. 231 s.

³ Kulomaa J. Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941-1944. Helsinki, 1989. 287 s.

⁴ Ibid. S. 17.

⁵ В 2006 г. увидел свет русский перевод этой монографии: Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941—1944 / Пер. с фин.; научн. ред. и ред. пер. Ю.М. Килин.

Исследования, посвященные более частным аспектам оккупации, к сожалению, практически не известны русскоязычному читателю. К настоящему времени в Финляндии опубликовано значительное количество мемуарной литературы, авторами которой стали граждане Финляндии, деятельность которых в 1941-1944 годы так или иначе была связана с Карелией. Исследователи, в свою очередь, активно используют воспоминания как один из важных исторических источников. Именно по этой модели сформировались две тематические группы, на которых хотелось бы остановиться.

Во-первых, речь идет об истории организации медицинского дела на территории Восточной Карелии – этим сюжетам посвящены сразу два связанных между собой труда, увидевших свет в 1998 году¹. Монография Гуннара Розена базируется в первую очередь на материалах личного архива профессора Аарне Валле, который в годы войны отвечал за взаимодействие Финляндского Красного креста с оккупационной администрацией. Автор поставил перед собой задачу воссоздать картину деятельности по организации первичного санитарного и медицинского обслуживания всех групп гражданского населения оккупированной территории, уделяя особенное внимание работе Красного креста. Книга полна интереснейшего фактического материала, статистических данных и редких фотографий. Однако российского читателя, особенно в свете развернувшейся в последнее время полемики в связи со статусом бывших малолетних узников финских лагерей, вряд ли не насторожит фраза автора о том, что книга призвана избавиться от «травмы, нанесенной финскому народу искаженным представлением о характере «концентрационных лагерей» и оккупации Восточной Карелии»². Это же относится и к монографии Лены Туутери.

Организация школьного дела была также неотъемлемой частью оккупационной политики. С этой стороной истории оккупации можно познакомиться благодаря многолетним усилиям Мартти Хёлся. В 1997 году он опубликовал сборник материалов, посвященных функционированию финского лицея в оккупированном Петрозаводске³. Чуть позже появляется его монография, посвященная судьбам так называемых восточно-карельских учителей – молодых карелов, которых оккупационная администрация направила в Финляндию для получения учительского образования

Петрозаводск, 2006. 278 с.

¹ Rosén G. Suomalaisina Itä-Karjalassa: sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941-1944. Helsinki, 1998. 274 s.; Tuuteri L. Tuhat päivää Itä-Karjalassa : Itä-Karjalan siviiliväestön terveyden- ja sairaanhoito suomalaismiehityksen aikana 1941–1944. Klaukkala, 1998. 160 s.

² Rosén G. Op. cit. S.10.

³ Valkoiset sivut, eli, Suomalainen oppikoulu Itä-Karjalassa: Äänislinnan Yhteislyseo 1942–44 / Martti Hölsä (toim.). Vantaa, 1997. 183 s.

с целью последующей работы в карельских школах¹. Работа над этой темой увенчалась обстоятельным диссертационным монографическим исследованием, посвященным роли народной школы в осуществлении установок и целей оккупационных властей в области образования и просвещения (географически исследование ограничено территорией Олонецкой Карелии)². Обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор рассматривает предмет своего изучения в общем контексте национальной политики, проводившейся на территории Карелии не только в годы оккупации, но и в предшествующий период³.

Таким образом, можно констатировать, что в современной финляндской исторической литературе сложилась вполне развернутая и многоплановая картина оккупационной политики Финляндии 1941-1944 годов, при этом процесс приращения знания продолжается.

¹ Hölsä M. Itäkarjalaisopettajia Suomessa jatkosodan aikana Itä-Karjalan sotilashallintoesikunnan opettajaleiri 1941–1944. Helsinki, 2000. 179 s.

² Hölsä M. On uuden huomenen saava: suomalainen kansakoulu Itä-Karjalan sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysajan aunukselaishylässä 1941–1944. Joensuu, 2006. 256 s.

³ См., например: Hölsä M. Itäkarjalaisopettajia Suomessa... S. 10-20.

Населенные пункты, упоминающиеся в сборнике

Карта-схема подготовлена ведущим специалистом отдела географических информационных систем Петрозаводского государственного университета Е. В. Ляля.

Часть 2
Источники

Раздел 2.1

Национальности, отнесенные финнами к «родственным»

Интервью с Еленой Андреевной Кильпиляйнен, 1926 г. р., и Тамарой Андреевной Кильпиляйнен, 1930 г. р.

Записал А. Ю. Осипов
дер. Каскесручей, 19.03.2007 г.

Е. А. Меня зовут Кильпиляйнен Елена Андреевна, я родилась 20 июня 1926 года здесь, в Каскесручье.

Как для вас началась война?

Е. А. Война для нас началась так. Мы жили в Рыбреке. У папы квартира была, там жили до войны, а война началась, сюда переехали в свой дом с родителями. Потом финны приехали, меня забрали в Вознесенье, я там всю войну была. Всю войну проработала в Ровском, это шестьдесят километров по Свири. Там был лагерь, где были наши женщины с детьми да старики. Мы их кормили, я жила там нормально. А как война началась, так нет уж той женщины в живых, мы с ней семьдесят пять километров, а может и больше, по лесу бежали. В Щелейки пришли. Не хотели в Финляндию ехать. Дома оставались мама, сестренка да брат, а я всю войну была там, в Ровском.

Чем занималось местное население? На каких работах работало?

Е. А. Там?

И там, и здесь.

Е. А. Я здесь не работала. Я только в школу здесь несколько недель ходила, и меня взяли [на работы], сразу же двенадцатилетнюю взяли. Я работала в Ровском с финками. А в День Победы нас сразу же взяли на минные курсы. Это Валентина Васильевна Харитонова, я, Кондрашова, уже умерла. В общем, с нашей деревни собрали и девчат, и ребят. Нас пятьдесят четыре человека было, так человек пятнадцать оставили на разминирование, а всех остальных в колхоз отправили.

Финны оставили после себя много мин?

Е. А. Очень много было. Здесь-то мало было. Большинство было в Каккарово. Как вам сказать. Мы последние мины с Клавой, нет уже ее в живых, с ней выкапывали. Как вот война кончилась, три месяца мы учились, потом наш отряд здесь был, потом нас в Матвееву Сельгу отправили,

в Яшезеро, а потом в Кушлегу, а с Кушлеги нас отправили в Пяльму. А из Пяльмы в Беломорск и в Сумпосад. Вот так мы ездили.

Скажите, когда вы работали в столовой, как у вас было с питанием?

Е. А. Нормально.

То есть вас на работе кормили?

Е. А. Нет, мы сами варили, сами и питались. И то, что в лагере были дети, да женщины, да старики, я вам правду говорю – очень хорошо кормили. Мужчины, которые могли работать в лесу, так на завтрак, на обед и в два часа везут им два бидона кофе или какао и моченые галеты. Но работали до восьми вечера. Холодно, не холодно – до восьми вечера. В восемь вечера привезут, был дом такой большой, в сарае стенка была снята, в два ряда садили – суп, второе там, все. А с собой не велели взять, пусть все на столе останется. Есть досыта. Кормили, я вам правду, глаза переkreщу, кормили мы очень хорошо. У нас был свой карел Миша, только фамилии его не знаю, он был с Пряжи. Он котлы мыл. А вот этих было триста семей в Ровском. Потом финка пришла и сказала: как можете – убегайте, русские уже вот здесь, говорит, и пойдет «Катюша». И вот Мишка нам и сказал: «Давай, я вас на лодке перевезу. На ту сторону, а потом я покажу, и попадете в Щелейки». Он нам показал, там пошла узкоколейка, а потом на пожнях сена небольшие стручки и мы все-таки попали. В общем, в двенадцать ночи мы уже в Щелейках были с подругой.

Вообще обязанности делились на мужские и женские? Или женщины выполняли мужскую работу?

Е. А. Так Бог знает. Я не могу сказать. Потому что я с финками в столовой работала, а вот Олега мать – она поросят кормила, шестнадцать маток было. А вот Оля Лунгина была, я не знаю, жива она, не жива, она на минах не была. Она портному помогала, рукавицы [штопала]. Я в Вознесе-нье была всего три месяца, а потом их комендант... Орешпяя его звали. Так вот, они пришли и сказали: «Ты, Клавдия ...» Еще с Матвеевой Сельги были двое – Рая Белкова, Матвеева Нюра, Тася из Шокши. Они работали на общих [работах], помогали, вымыть там или что. А в женском лагере мы не были, где они с детьми находились. Там проволочное ограждение было высокое, мы туда не ходили. Боялись туда заходить. Видать-то видели, что дети там бегают, и маленькие, и большие, триста семей было. Но кормили хорошо.

Вы сказали, что комендант был финн, а были местные начальники из вепсов?

Е. А. Нет, не было. Здесь тут только был наш староста, Никита. Последний раз здесь меня взяли, у школы, а там две школы на берегу, мы стояли на завалинках. А этот Никита поднялся на табуретку и говорит: «Вы-то здесь хорошо живете, а там, на русской стороне, по сто грамм овса дают». Потом наши приехали и его забрали. До сих пор не знаю, что с ним.

Т. А. Вот мы здесь учились, брат учился в четвертом классе, а я училась в первом классе, нас не обижали, кормили.

Е. А. Кормили в школе очень хорошо. Правда, давали, когда я еще здесь была, потом не знаю, так же ли было? То, что до войны посеяли – рожь да другие уголья – и что мама да другие собрали с полей, так когда финны пришли, так [*говорили*]: «Прятать не надо, это на семена, – овес там, пшеница. – Остальное – еда на три месяца». Три месяца кончается, приходит комендант Орешпяя. Тамара маленькая была, так Тамаре белой муки ковшичек на неделю. Крупа – рис там или что, песок, сахар, масло – это все им давали. А нам давали ржаную муку. А мама так и старалась, чтобы у нас хватало. Ну, а что у нас – скот был свой, корова была своя. Не обижали. В школе дети были – она может сказать.

Т. А. В школе обедом нас кормили.

Е. А. Грядки давали, сажали морковку да картошку.

Т. А. Рыбий жир давали, обедом кормили. А вечером – тут была часовенка. Там варили, и вечером я ходила с ведерочком. Давали суп и сверху кашу.

Е. А. Я голода не видала, я хорошо в столовой жила.

Т. А. Вообще не обижали нас финны.

Е. А. Вот когда наших девчат с Вознесенья увезли туда, так вот Тася Маркелова, жива она в городе, так они даже меня там спрашивали в этой Финляндии. Искали, есть ли я. Эти финки искали. А мы удрали с Клавдией.

То есть голодать не приходилось ни разу?

Е. А. Нет, нет. На счет этого очень хорошо. Вот еще что. Вечером, у кого куры были, так финны целую коробку принесут сахару. Дашь десять

яичек – килограмм сахара за эту коробку. Носили по домам. Не обижали, не били. Может, в других местах, а у нас нет. Нет, этого не было. Семья всю войну была дома, а я была там. Меня двенадцатилетней туда увезли. Вот этот Никита-то и сказал: «Чего ты здесь будешь? Там лучше и питание и все». Я и согласилась, с девками поехала. В общем, от нас было очень много мужчин в Вознесенье, они обувь чинили. Там были Ефим, Яша из Шелтозера, Беззубов Митька. Вот эти все были, мы вместе. Вот Балдин и Яков Фофанов, и Митька – они все нашим помогали. Нас в столовой-то кормили. А у них то, что останется, они соберут там сухарей, да всего, положат в рюкзак... Балдин, да Яков, да Митька носили в лес питание нашим партизанам. А после не знаю. Меня в Ровское отправили. Я уже думала, меня куда-нибудь забросят. На пароходе едем шестьдесят километров, там взрослые девочки с Матвеевой Сельги, а я что – двенадцать лет, сижу да плачу. Как мы приехали, нас сразу распределили, мне сказали: «Ты будешь, как маленькая, в столовой работать». Олю к портному, Клавдии сказали, что будет шестнадцать [свино]маток смотреть.

В общем, кормили очень хорошо. Мясо все время свиное было. Как пюре сварят, так велят туда мясо и куски сала класть. Так с работы мужики придут, стараются побольше сделать. Так приходил еще проверять, я даже не знаю, как его звали, только *komendantti* да *komendantti*. Так он всегда приходил проверять. А как завтрак, у них вот такие были, назывались *parri* – как стукнут, нажмут, и кусочек масла на кусок [хлеба]. Так что, я думаю, что они не обижали, да и те, которые в лагере жили, три раза их кормили, так, по-моему, достаточно было. Детям маленьким у них было сгущенное молоко. Молока свежего не было, сгущенное было.

Скажите, а как вы проводили свободное время?

Е. А. Вечером иной раз чего-нибудь подделаем. А на улицу боялись мы выходить. Комендант сказал, что есть всяких финнов – не выходите. Иногда попросятся мужики починить рукавицы или еще что-либо. Вот так вечерами занимались, либо свое белье чинили. Много ли? У меня три пары своего белья было. А финки ездили в ... У них называлось *loma* – на отдых. Три месяца они отработают и восемь дней выходных, также и нам было. Но с Ровского мы не ездили. С Вознесенья ездили, три месяца отработашь, и на восемь дней продукты дают, сюда привезут на машине и увозили отсюда девочек. Только вечерами чего? Только чинили, да все.

А посиделки не устраивали?

Е. А. Ничего, не было ничего. Этого не было.

А праздники вы отмечали?

Е. А. Праздники? Нет. Никакие праздники не отмечали.

И религиозные тоже не отмечали.

Е. А. Нет.

Финны как-то пытались прививать свои обычаи, традиции или религию?

Е. А. Да, они это делали. Я не один раз портного видела, как он крестился. Может, он поп был или что. Я ведь маленькая тогда была. Мы иногда тихонечко песни по-русски споем, чтобы негромко. Дом был двухэтажный, внизу жили финки, а наверху мы жили. Двенадцать человек нас всего было в Ровском, а в Вознесенье-то много было. В Вознесенье очень много было.

Кто-то из местных, кроме старосты, сотрудничал с финскими властями?

Е. А. Староста был свой. Вот этот Никита, больше никого не было.

Т. А. А мужчины все на войне были, только женщины с ребятами остались. Только Никита этот и был.

Много ли людей переехало в Финляндию? Насильно или сами, по своей воле?

Е. А. Нет, сами они уехали. От нас одна семья уехала. Вот, где Валентина Васильевна живет, тетя Настя с двумя детьми уехала.

Т. А. Замуж повыходили девки за финнов.

Е. А. Замуж вышли Клава [...], еще с нашей деревни Клавдия [...]. Кто еще? Больше никого. Вот эти двое за финнов вышли замуж.

Они в Финляндии так и остались?

Е. А. Да, да. Уже их нет в живых. Только приезжали их сыновья к родственникам. Ну, Клавдия пока была жива, она с детьми приезжала. Сын такой красивый, да и сам Эйно – муж, был такой хороший.

Говорят, что у финнов были строгие порядки и наказания для провинившихся. Вы сталкивались с таким?

Е. А. Было такое. Если чего натворишь, так накажут. Да, накажут, даже в школе накажут, уж воровать – нигде не воруй. Живи по честному! Вот так.

А что за наказания были?

Е. А. Набьют.

Т. А. В школе было, уж человека не скажу, в четвертом классе учился, он украл банку краски. Так в такой большой круг все четыре класса, первокурсники, вторые, третьи, четвертые выстроили, его посреди поставили, и розги дают ему, тому парню. Где-то краски банку украл – за это его. Вот один был случай у нас такой в деревне.

Е. А. Вот, может в Вознесенье и наказывали, этого я не знаю, но где я была в Ровском, там этого [*не было*]. Не знаю, может в лагере и наказывали, там ведь есть всякого. Смотришь, сколько мужчин – посчитаешь по тарелкам, смотришь – все поедят, разговаривают. Еще, как его, их надзиратель, их на трех лошадях увезут туда в лес, и каждый с ними туда едет. Лес в Финляндию заготавливали мужчины.

Скажите, а во время оккупации создавались новые семьи?

Т. А. У нас было. Были у нас, приезжали. Лиза вот эта, Реутовы или как – они были новые. Только Лиза у нас осталась с Белоруссии, а остальные немножко пожили и уезжали. Были, были. Откуда-то они приехали, не знаю. Потом уехали.

А так, чтобы заключались браки, было ли такое или мужчин не было совсем?

Т. А. Нет, во время войны у нас такого не было, по-моему. Женщины остались без мужиков, с ребятами. Ну, только те, кто с финнами гуляли девушки. Да и то тут свадеб никаких не было. Может, в других деревнях и было, у нас не было.

Е. А. Свадьба была только у Захарьиной. Да, ее уже нет в живых и мужа нет в живых.

Т. А. Вот у них в школе была свадьба. Точно, я вспомнила. Александра.

Е. А. Да, заведующая клубом она была. Александра Мануйловна Захарьина.

Т. А. Стол я помню, мы девчущки были, окошки-то низкие, стол такой длинный и молодые. Вот тогда я помню, почему-то у Шуры черное платье было, длинное черное платье было. И коврик был, ходить по нему. Да, больше не было свадьбы, только ее свадьба была.

Е. А. Да вот во время финнов, но она вышла за своего, деревенского парня. Они гуляли, за него она и вышла.

А было ли такое, чтобы от финнов появлялись дети?

Е. А. Да, было. У нас у двух семей. У тети Анны [...] и у Марии [...].

А они потом уехали в Финляндию или остались здесь?

Е. А. Нет, остались. Так, Юля в Москве живет, замуж вышла, дети есть. Так что у двоих.

А к этим людям нормальное отношение было?

Е. А. Нормальное. Ничего не было.

Скажите, а те, кто возвращался из эвакуации, хорошо относились к тем, кто жил на оккупированных территориях?

Т. А. Нет, не было. Ничего не было. Я вот как раз убежала, домой пришла и день, наверное, если только [*прошел*], и пришел финн. По-русски разговаривал, может он и карел, но в финской одежде и сказал: «Давайте, быстрее все в лес». И мы все – папа, ну, у нас папа был глухонемой, так в армию его куда не взяли, и потом папин брат инвалид был, не было пальцев на ногах, отморожены были пальцы, с Колчаком воевал, так вот он... Потом еще дядя Миша-старичок, так всех туда в лес со всем, с коровами. Шалаша сделали да все. А потом старше нас девчата, надо же узнать, что есть. Треск-то идет, стреляют, может, самолеты, может, «Катюша» прошла, мы ведь не знали. Ну, вот, кто-то говорит: «Надо красную наволочку взять, к палке привязать». Двое девчат это сделали, мы маленькие были, ну, не маленькие, я оттуда уже пришла. Они палку эту сделали, и от дороги им кричат уже наши: «Не ходите: мины, мины, мины!» А они потом

потихоньку идут, наверно, с миноискателем, либо со щупом. И мы все по бокам шли, и коровы, и лошади. Ну, потом нас уже взяли с леса наши русские, партизаны.

Е. А. И ничего, чтобы наказали, либо что – абсолютно ничего. Потом все это наладилось, давали карточки на хлеб. Еще спросили, есть ли своей картошки, либо что.

А вообще, тот факт, что вы были в оккупации, как-то сказался на вашей дальнейшей жизни или нет?

Е. А. Нет.

Т. А. Да после войны ведь горе у всех. Мы тоже после войны из Рыбреки приехали, так у нас ничего не было. Все сгорело там у нас.

Е. А. У нас ведь дом там сожгли. Мы приехали, даже вилки не взяли с собой.

Т. А. Ночью мама нас привезла. Да голоду сколько натерпелись. Если бы не тетки, так умерли бы, наверно, с голоду.

Е. А. На одном клевере жили. Клеверу возьмешь да сделаешь толокно. Молока – и того не было. Тетка пол-литра молока даст, да мама на сковородке щавеля с молоком делает, да молока туда нальет.

Т. А. Вообще, после войны много голоду мы видели.

Е. А. Весной, знаете, на полях картошка осталась, так копаешь мерзлую картошку, корку снимешь, да мама дома через мясорубку пропустит, да в клеверной муке таких лепешек [*сделает*]. В 1946 году папу хоронили.

Т. А. Что же сделаешь, жизнь такая была.

Е. А. А потом, когда мы с братом пошли на мины, нас взяли на мины, так стали нам паек делать. Так один паек мы с ним пополам, а второй паек – вот сюда.

Спасибо!

Интервью с Валентиной Ефимовной Кемляковой, 1927 г. р.

Записал А. В. Голубев
с. Шелтозеро, 19.03.2007 г.

Как вы узнали о войне?

Была объявлена мобилизация. Потом сразу началась эвакуация. А у нас в семье только что умерла девочка, и папа как раз делал гробик. Пришел милиционер и говорит: «Давайте, сейчас же одевайтесь, собирайтесь, стоит баржа на Каккарово. Поезжайте». А мама говорит: «Вот у нас ребенок [умер], надо похоронить, куда мы поедем? Никуда мы не едем». С того я помню, что все у нас началось. Мы и не поехали никуда. Да из нашей деревни, из Розмеги, никто не поехал. Все остались в домах. Власть, конечно, вся ушла.

Как пришли финны?

Когда финны пришли, все, конечно, боялись – мамы да папы все старенькие, мы – маленькие, у меня еще братик был двадцать девятого года, потом он в сорок четвертом попал на мину и умер. Финны пришли, мы все испугались, все кто куда, кто в лес убежал. А рядом с нашим домом – у нас был двухэтажный дом, и по соседству был двухэтажный дом, в нем жила бабушка Настя, мы все в нем собрались. А финны по нижней стороне [реки] шли и стреляли, мы боялись. Потом несколько финнов зашли в дом, по-фински говорят, мы ничего не понимаем. Один переводил на русский: «Вы нас не бойтесь, мы не тронем, давайте, пейте чай и по домам расходитесь, не бойтесь ничего». И действительно, ничего и никого не тронули. Но страшно было, очень их боялись.

Сколько домов было в вашей деревне?

Двадцать два дома.

И все семьи остались?

Все до единой.

Финны сразу назначили старосту?

Да. Староста был [...] Николай Иванович. Назначили его, сам он не хотел. Там же как – был главный над нашим районом, Орешпяя, он вызвал к себе

в Шелтозеро и назначил его [*старостой*], без нашего ведома. Пришел и сказал: «Вот, я староста». Но он был нехороший, все на финнов работал, против нас.

В чем это выразалось?

Все наказывал, как финны учили, грубый был. Нехорошо относился.

Он уехал вместе с финнами или остался?

Нет, он уже старый был, умер сразу после финнов. У него был сын, так тот пошел в финскую армию¹. После войны в деревне его не видели, видно, в Финляндию уехал или был убит.

Как изменилась ваша жизнь с приходом финнов?

Распустили колхоз, и землю нам всем дали по хозяинам². Лес разделили. Мы получили землю, свой участок у нас был, лошадь давали на две семьи, и у нас была лошадь.

Откуда брали лошадей?

Лошади были наши, колхозные. Отец до войны был в колхозе конюхом, он сам и выбрал. У нас еще и корова была, заболела, ее забили, так потом нам на две семьи корову дали. По соседству папин двоюродный брат жил.

А корова откуда была?

Корова откуда-то не от нас, привезли. Финны обещали нам корову, а мы все не верили, тетя все говорила: «Ой, разве будет корова, да не будет, что ты». А глядим: корову ведут двое. Откуда – этого я уже не знаю. Были девочки молодые, не очень расспрашивали, где да что. В школе учились.

В школу вы пошли сразу после прихода финнов?

Сразу. Школа была в Шелтозере, и мы ходили туда каждый день пешком.

¹ Очевидно, имеются в виду т. н. «родственные батальоны» (фин. heimopataljoonat), составленные из карелов и вепсов и воевавшие на стороне Финляндии. – Прим. ред.

² Так в оригинале, и это более правильно, чем «по хозяевам», т. к. земля раздавалась, в первую очередь, семьям, где оставались мужчины. – Прим. ред.

Сколько вы отучились?

Год.

Чему вас учили?

Был такой урок, *rippikoulu*¹ – по-русски это примерно значит «готовить молодость к жизни». Учили, как жить, как замуж выходить – вот такой был урок. Учили, что надо подготовиться к свадьбе, чтобы плохо не было, надо по-хорошему выйти, чтобы девочка родителей мужа слушала, звать «отец» и «мать», как своих родных. Учили вышивать, вязать. Ребятам учили мастерству. Станки были, инструменты – молотки да все остальное. Как в школу придем, зарядку сначала делали, потом были длинные столы, варили все кашу – кормили в школе, и полагали еще ложечку масла или маргарина, не помню уже. И вот всем велют встать у столов, положить [*на стол*] руки и читать. На финском языке учили, «Спаси меня, Бог, накорми, спасибо!» Потом покушаешь, встанешь, скажешь: «Спасибо за питание Богу-Христу, аминь». Каждое утро так было.

Год вы отучились, а потом вас взяли работать?

Да, мне исполнилось пятнадцать лет, и я пошла работать на дорогу. Мы копали канавы, занимались, в общем, дорожными работами. У финнов была машина, они жили тут недалеко, и я была маленькая девочка, так они меня все в кабину сажали. Сам мастер наверх сядет, а меня в кабинку посадит. И все эти канавы вдоль дороги – все выкопано этими маленькими девочками.

Много вас было?

Из нашей деревни было трое.

Жили в своей деревне?

Жили у себя, по утрам финны всех собирают и возят на работу.

Кто еще работал в бригаде?

Мальчики были, девочки были, взрослые женщины были. Тогда ведь не было ни тракторов, ничего, а такие снежные сугробы бывали! И все рыли лопатами.

¹ *Фин.* конфирмационная школа – в данном контексте учебная дисциплина, где подростков учили основам протестантской этики и морали. – Прим. ред.

Как платили за эту работу?

Что-то мне помнится, что пятьдесят марок платили в месяц.

Покупали что-то?

Одежду – платье или кофта, помню, купила хорошую шерстяную финскую кофту. Шапочки, все такое.

И всю войну вы прожили у себя дома?

Да.

В вашей деревне стояла финская военная часть?

Нет. Финнов не было. Только староста.

Разделялись во время работы обязанности между мальчиками и девочками?

Одинаковую работу делали. Что эти старшие женщины в годах, что мы, девочки – дается одинаковая норма и делай, как хочешь. Старшие женщины-то бойкие, сделают быстро свою норму, а мы не можем – и вот они отдыхают, хихикают, анекдоты рассказывают, а мы, молоденькие девочки, роем – надо догонять.

Помните эти военные анекдоты?

Всякие анекдоты, домашние, не политические. Так не помню. Неграмотный народ был...

Какой был рабочий день?

Мы к девяти приходили и к пяти уходили.

Вас кормили на работе?

Нет, не кормили. С собой брали – у кого корова, те молочное, хлеб тоже.

А потом в конце месяца вам платили?

Да, пятьдесят марок в месяц, это я помню.

Был голод при финнах?

Было, конечно. Как же не было. Первый год хлеба мы не видели. Первое время еще был свой хлеб, эти оставшиеся колхозные крошки, а потом и они кончились. Давали галеты, но было голодно.

Помните рецепты?

Мешали с мукой опилки, трубки – сушили, рубили, в деревянной ступне смелем. Потом уже маленько лучше стало, а в первое время еще спасало, что в деревне дедушка был хороший – он убивал медведей, и вот он медведя убьет, все мясо даст, мы мясо сварим, съедим. Лошадей ели. Даже сама умрет лошадь от старости, все равно мясо берем. Староста раздавал, хоть и худой человек был, но мясо справедливо раздавал. Это только первый год, потом лучше было. Стали потом выращивать свое зерно, корова своя была.

Как вы проводили свободное время после работы?

Шла сразу домой. Если по пути едем, так сразу в Розмеге останемся, а если с Шокшинской стороны, то значит, пешком домой идем.

И что вы делали в свободное время? На выходных?

В своей деревне все. Клубов же тогда не было, никуда на танцы не ходили – в своей деревне танцевали под окошком, натопчемся... Балалайки, гитары, с Шелтозера парни приходят к нам – почему-то любили нашу деревню. Так довольно весело жили, молодежь.

Финны за девушками ухаживали?

У нас этого не было. Вот в Шелтозере, какие девушки постарше... Мы-то молодые были, ничего не знали.

Какие праздники вы отмечали в годы войны?

Да все свои праздники, которые и сейчас отмечаем – Пасха, Первое мая все равно отмечали между собой, не боялись.

Финны организовали для вас праздники?

Нет.

Финны приглашали кого-либо уехать в Финляндию?

Приглашали, будто нет. Меня приглашали работать. Одно время мы были увезены в Вознесенье, некоторое время там работали, но оттуда, конечно, убежали домой, и нас не отправляли больше.

Чем вы должны были заниматься в Вознесенье?

Я даже маленько и проработала в финском штабе. И в этом штабе их главный военный, майор или кто там, вот его комнату я убирала. Не обижали меня, ничего. Финн приедет за мной на лошади и за семь километров меня везет. И этот майор все предупреждал, чтобы меня и пальцем не трогали. Финн-то молодой, и ничего, не трогали. Кормили меня там хорошо. Столовая там рядом, я ходила помогать, хорошо было. А все равно все мы, девочки, убежали.

И кто вас пригласил работать в Финляндию?

Здесь был главный, в Шелтозере – Орешпя, вот он и предложил. Я в Шелтозере сколько-то времени работала у финнов переводчиком, я финский хорошо знала, и, где надо было, могла и на финский, и на русский перевести, и вот маленько работала переводчицей.

По этому поводу после войны у вас не было неприятностей?

Нет. Я маленькая была.

Он говорил, на какую работу приглашает ехать?

Нет. Просто предложил: «Может, в Финляндию поедешь?» Мама говорила: «Никуда, никуда».

А из ваших подружек кто-то поехал?

Нет.

Многим предлагали?

Не знаю. Кому-то предлагали.

Вы упоминали, что девушки постарше гуляли с финнами. Это было распространено?

Было... Те, кто постарше... Даже один случай был – мы были на лесозаготовках уже после того, как война окончилась, и с нами работала одна девушка, которая осталась в положении от финна. Работали вместе в лесу, в одной бригаде. Она нет-нет да не может работать. Пилили поперечными пилами, лес толстый был – она попилит и сядет, не может ничего. А мы, девочки, не понимаем ничего. Одна из нас была двадцать пятого года девушка, все говорит: «Валя, Верка беременная» – «Ну да, финнов уже нет, русские уже». Мы работали в лесу уже. И, в конце концов, родила от финна ребенка, мальчика. Ее забрали потом в тюрьму, восемь лет дали. Она убила ребенка. Родила, задушила и положила на улицу под туалетом. Мы нашли, на суд нас отвезли – ой, не рассказать. Мы с работы идем из лесу, на лошадях лес возили, и вот пока мы шли сзади, в это время она удушила ребенка. А мы слышали. Тася, которая двадцать пятого года, говорит: «Голос был ребенка». Я говорю: «Перестань» – «Нет, голос был ребенка».

Почему она это сделала?

Наверно, стыдно было, что от финна ребенок. Хотя все время говорила: «Вот Отто я любила, Отто был хороший», только это и говорила.

Почему она с финнами не уехала?

Не взял, или что-то такое. И ведь такая девушка была красивая, не ветреная, спокойная. А вот... Больше таких случаев не было. Но вообще, этого мы ничего не знали.

Как вы или ваши подруги реагировали, когда девушка начинала гулять с финном?

Не любили. Не нравилось это. Чужой народ, не свои. А у меня еще папа был коммунист, он особенно это не любил. У нас строго было. Да у нас и солдат мало было, войска не стояли. Только первое время маленько было, а потом войск здесь не было, только начальство.

Многие с финнами ушло народа при отступлении?

Немного. Из Розмеги ни один человек не ушел, а в Шелтозере больше было.

Финны устраивали для молодежи танцы?

Нет, нет. Они считали, что раз война, то нельзя молодежи плясать. Это уже мы в нашей деревне, в Розмеге, на танцы ходили, потому что там

никого из начальства не было. И вот свободно, на Пасху... А финны не любили этого – мол, война, надо держать себя поостороже.

После того, как финны ушли и вернулась советская власть, жить стало легче или тяжелее?

Конечно, сразу после было плохо. Лошадь обратно в колхоз взяли, правда, корову не отобрали. Колхоз сделался. Корову мы долго на двоих держали, потом уже она отелилась, мы разделили – одной семье корову, другой нетель, поодиночке стали. Тогда лучше стало уже жить, когда на одну семью корова.

Как к вам отнеслась советская власть после освобождения? Притесняли?

Нет, ничего. Плохо не обращались. Почему? Всем же не уехать было.

Посадили кого-нибудь из тех, кто сотрудничал с финнами?

Наши нет. Финны один раз женщину посадили на несколько месяцев. У нее муж был вроде как партизан, при финнах жил, но ходили русские партизаны, и он с ними знался. А узнали – зимой же следы, выследили, и эту женщину, Лебедеву, два месяца держали в тюрьме. Но потом освободили.

Как финны относились к русским?

Хуже, конечно. К вепсам да карелам они лучше относились. Язык похож на финский, когда разговаривали, можно было кое-что понять. А русских они не любили, это правда. Но у нас тут одни вепсы жили, русских здесь не было.

*Вы читали финскую прессу? «*Vapaa Karjala*»¹, например?*

Не помню. Вроде, нет.

В целом, какие у вас остались впечатления от оккупации?

Хорошего мало было. Была маленькая девочка, а лошадь уже запрягала, за плуг держалась и землю пахала. Хорошего в этом нет, теперь руки-то болят. Финны откуда-нибудь едут, заедут, удивляются: «*Voi, pikku tyttö*» [фин. «Ой, маленькая девочка»], папу ругают: «Нельзя, она маленькая

¹ «Свободная Карелия» – финскоязычная газета, публиковавшаяся для населения оккупированных территорий. – Прим. ред.

еще, а уже пашет землю» – «Так война, надо пахать. Кто, я буду пахать, старый человек? Надо им учиться». И вот маленькая была, а пахала землю. Тяжело было. Но финны относились нормально. Меня не обижали, один раз только моего брата обидели в школе. Мой брат, Павел, был двадцать девятого года рождения, а папа с мамой работали в школе, пилили дрова. Мы с ним в одном классе тогда учились. Он не пошел носить дров, говорит, болит живот. Болел – не болел, ничего знаем, не у меня ведь. Не пошел. За это его наказали – был директор школы, не помню фамилии, очень строгий был мужчина, дал двадцать пять розгов. И эти вицы надо было принести самому Павлу, неподалеку лес был, там елочки маленькие были, вот их надо были принести. Вот двадцать пять розгов, и каждую – один раз ударит и выбросит, надо было двадцать пять виц принести. Собрал всех в школьном зале, пришли папа с мамой, видят и плачут, а тот все Павла бьет. Вот это было жестоко.

Девочек наказывали? Или только мальчиков?

Наказывали. Как что не так сделаешь, линейкой или указкой дают по рукам. Давали учительницы. А Павла избивали так, и мы написали жалобу – папа написал этому Орешпяю, и этого директора сняли и послали на передовую линию, на фронт. Наказали его, что неправильно делал. И больше таких случаев не было.

Финны много оставили мин?

Много. У меня брат подорвался на mine. Когда наши пришли, меня взяли на минера, и потом я на минах работала. Три сезона работала на минах – сорок четвертый, сорок пятый и сорок шестой [годы].

Как вас готовили?

Здесь, в Шелтозере, учили. Месяц учили. Надо было два месяца, а нас только месяц, покороче. Военком был, он и учил.

Как происходило разминирование?

У нас было два взвода по двадцать одному человеку. Командиром была своя женщина, только постарше – двадцать шестого года рождения. И вот, столько сделаем, сколько успеем. Скажут, куда идти... В первую очередь, разминировали [деревню] Каккарово, там все в минах было, разминировали дороги. Когда русские пришли, первыми саперы шли, так они уничтожали только противотанковые мины, а пехотные они не трогали, только на обочину снимали, и потом мы их обезвреживали. У нас двое мальчиков

попали на эту мину. Мина уже была вытащена, они увидели и камнями начали бросаться – и попал камень по взрывателю, они так и умерли.

Сколько из вашего взвода человек погибло?

Сначала одна девушка была, ее ранило, она от ран умерла. Меня ранило в первый же день. Потом уже в сорок шестом году второй раз ранило, там уже я сильно была ранена. Я работала все с миноискателем, двухметровая палка, у меня был четырехугольный миноискатель, а в другом взводе был круглый миноискатель. Мне одна подруга все говорила: «Ты с миноискателем работаешь, тебе легко было». Я говорю: «Ага, легко было. Попадет-ся деревянная мина, наступлю на деревянную мину – и я попала». Деревянную мину же не берет миноискатель. А эти деревянные мины были на каждом шагу.

Как вы обнаруживали мину?

Видно было. Ведь были шрапнельные мины, триста шестьдесят шариков, у них над землей торчат три усика. Если смотришь тщательно – три усика-то маленько торчат, черненькие такие усики, видно. Надо смотреть тщательно, работа была очень опасная.

Как вы их обезвреживали?

Например, я иду по своей линии, двадцать пять метров, через двадцать пять метров другой человек, и так друг от друга. Все так поделено. Найду мину, у меня флажки, я ставлю флажок и обратно иду, а сзади второй человек идет, он уже обезвреживает. Другой раз я останусь, снимаю, в следующий раз второй человек. Менялись. Как мину обнаружим, мы ее выкапывали. Землю кругом снимем, положим муфточку, были чеки у нас такие, как бусы. Конечно, вы этого не знаете. Сюда положим муфточку, сюда чеку, и все, мина еще заряжена, конечно, но уже за усики возьмем и тащим оттуда. А потом и разрядим, снимаем капсулю взрыватели, и все в порядке. С некоторых нельзя было снять, они ржавели уже, все-таки железные, те взрывали под конец рабочего дня. Побольше шнура положим, чтобы дальше уйти, и убежим. Людей только в деревне, в Каккарово, утром предупредим, что не испугайтесь, в такие-то часы будет взрыв. В другой раз у них стекла трясутся.

Как вас ранило?

Я была в Калевальском районе. Та часть леса была уже у военных проверена. И вот мы знаем, что военные саперы уже проверили – а саперы луч-

ше, они и ставят мины, и снимают, а минеры – это мы – только обезвреживают, не ставят. «Девки, давай, теперь тут нечего бояться. Сядьте сюда, у ручейка». А я говорю: «Я пойду в разведку». Военные же могут только те, что на земле, найти, а еще и на деревьях висят. Щупа не взяла, ничего. Пошла в разведку поглядеть висящие мины, а под ноги и не смотрю. И сама наступила на мину, на эти усики. Тут меня очень ранило. В груди две раны, и в спине до сих пор осколки ношу, и нога. Тут я больше уже и не работала. В Калевальском районе долго лежала, потом год дома – уже и инвалидность была, мне платили триста шестьдесят рублей. Как на минера платили нам, так и мне платили по инвалидности полностью. Но потом поправилась, в лес пошла, на лесозаготовки. Повезло мне. Прямо у сердца – военврач делал операцию, большой осколок был в груди, через всю грудь прошел. Так он мне говорил: «Счастливый ты минер, жить будешь до ста лет. Три сантиметра не дошло до сердца». Такая жизнь у меня.

Если сравнить послевоенные рассказы тех, кто жил в эвакуации или под немцами, с вашим опытом – где было хуже?

Да уж под немцами хуже было. У нас женщина работала в пекарне, она под немцами была где-то в Западной Белоруссии, она после войны оттуда сюда жить приехала, так она все говорила: «Избави Бог, здесь вы в тысячу раз лучше жили с финнами, чем мы у немцев». Такое рассказывала она... У нас-то больших обид не осталось.

Спасибо!

Интервью с Ольгой Васильевной Молодиной, 1927 г. р.

Записал А. В. Голубев
г. Петрозаводск, 15.01.2007

Родилась я в Кондопожском районе, в деревне Ковкойсельга, в 1927 году. Война началась двадцать второго июня, а мне четвертого был день рождения.

Как для вас началась война?

Мы в сентябре эвакуировались. У нас, то есть у жены брата, были маленькие дети. А брата на второй день повезли на фронт. Папа наш повестки разносил по деревням. Как объявили войну, мы ночью узнали, а уже днем повестки пришли. Мы за два километра от нашей деревни ездили в деревню Ерши, там есть большое озеро. Туда приходил пароход. Большая двухпалубная моторка. Деревень семь у нас было, так со всех деревень тут всех мужиков собирали. Магазин закрыли, водку не продавали, но настроение было такое... Играли на гармошке. У нас был еще дедушка старенький, восемьдесят с чем-то лет. Папа был немолодой. Мама в петрозаводской больнице лежала после операции, очень сильно болела. Дома были я, дедушка, жена брата и их маленькие дети. Когда началась эвакуация, нас эвакуировали первыми, потому что были старый дедушка и дети. Папу оставили, надо было хлеб убирать, молотить и государству сдавать, хлеб увозили в Кондопогу. Мы уехали, и еще со мной уехали две сестры. Одну сестру мы встретили в Кондопоге. Она жила в Спасской губе. Тоже уехали из дому, эвакуировалось. И была еще одна сестра, она старше меня, двадцать четвертого года. Мы втроем эвакуировались, ночевали в Кондопоге, в общежитие, потом на поезде нас довезли до Медгоры. В Медгоре нас посадили в баржу, и мы ночью уехали. Нас увезли в Заонежский район. Думали, что финнов быстро отгонят, и мы вернемся обратно домой. Мы приехали в Толвую, там заночевали. Там нам выдали лошадей, и нас вместе с нашим колхозом возили по деревням. А с нашей деревни много скота было, его гнали женщины, которые были без детей. Все государству сдали. Остановились недалеко от Толвуи, километров за пятнадцать или двадцать, в Фоймогубе. Там магазины, колхоз, нам там дали жилплощадь. Мы жили на первом этаже, в подвале. Из нашей деревни там были все жители, у кого были маленькие дети. Все здоровые оставались в деревне, молотили хлеб и сдавали. Из моей семьи были: я, две сестры, дедушка, мама в августе приехала из больницы. Мама потом всю жизнь жалела, что сына отправили на фронт. Пятого августа, когда мы еще не были эвакуированы, ходили в колхоз, сено косили, при-

шло письмо. Сосед, который был бригадиром в колхозе, написал: «Вчера убили моего друга», нашего Петра. И мы пятого августа уже знали, что брата убили. Мы всю ночь все проплакали. А невестка, жена брата, была родом из Заонежья. Она поехала с детьми к своим родителям. А мы в Фоймогубе остались: дедушка, я, мама и две сестры. Сестры у нас недолго были, неделю или две. Сообщили, что папа сильно заболел. Старшая сестра, которая из Спасской Губы, она двадцать второго года, и вторая сестра поехали домой. Папа был очень больной. Они его там лечили, баню топили. Он в дождь да в ветер возил хлеб на гумно, простыл и заболел. Он был очень слабенький и не мог даже сидеть на лошади. Привезли его к нам. Мы там жили до ноября месяца, а в ноябре финны уже приближались. Нас начали опять эвакуировать. Дали нам лошадей, и мы уехали. Ночевали в деревне Сенная Губа, недалеко от Кижей. Потом уехали в Типиницы, там ночевали. В трех километрах от деревни была пристань, много барж, катера. Нас хотели [эвакуировать] в Пудож. Вечером нас не погрузили, потому что у нас не были отоварены карточки. Должны были уехать утром, а ночью озеро замерзло. Мы были в домике на пристани. Ночь провели не сидя, а стоя, как гвоздики. Столько было народу, как гвоздики, друг за друга держались. Пришли с улицы солдаты и сообщили, что к утру будут гости, и утром финны нагрянули. Так мы попали в оккупацию. Не смогли нас вывезти. На баржах еще было много продуктов, хлеба. После прихода финнов мы там жили еще неделю. Потом нам дали подводы от Типиниц до следующей деревни, в эту деревню приехали – нам дали подводы до следующей, и так мы добрались до Михеевой Сельги, до седьмого разъезда. На седьмом разъезде мы остались, а старшие сестры поехали к нам в деревню, еще пятнадцать километров через Кончезеро, через три озера. Там взяли лошадь и приехали за нами. Мы поехали в деревню и молили только об одном, чтобы наш дом был целый и его не сожгли. Потому что через нашу деревню все отступали, когда [дорога через] Кондопогу была уже перерезана.

Финны нормально к вам отнеслись?

Да, нас никто не трогал. Плохо, конечно, было, когда мы возвращались домой. В очередной деревне отправим подводу обратно и ходим, просимся ночевать. Там нам бывший председатель колхоза даст снова подводу, мы едем дальше. Через много деревень ехали. Когда мы приехали домой, то все ямы – а картошка и зерно у нас в ямах хранились – открыты. Солдаты, которые через нашу деревню отступали, все забрали, и первую зиму мы очень голодали. Сорок первый, сорок второй год. Жили мы в своей деревне, в своем доме. Населения в деревне было очень мало. Ковкойсельга стоит на берегу озера Порня, с нашей стороны дома и через Порню дома, все это Ковкойсельга. Наша часть деревни называлась еще Кайгина Сель-

га. Кайгина – это по-карельски чайка. В деревне жили мы, еще одна семья, у них было двое детей, муж и жена, немолодые. И еще бабушка и дедушка. Трое нас было. А в Ковкойсельге [*на другой стороне озера*] было больше семей, четыре или пять. Они в Типиницах не были, и в Заонежье они не были, это были те, которые оставались хлеб убирать. Когда финны пришли, они сразу в лес убежали. А у нас, когда мы уехали, осталась свинья и десять поросят. Корову мы сдали, овец зарезали. Семья у нас большая была, мы много овец держали. В эвакуацию с собой мясо везли, в столовой все свое мясо варили. А они уехали в лес, а потом из леса быстро вернулись, мы-то долго из Типиниц возвращались. Они свой хлеб сохранили, наших поросят прихватили, так они жили хорошо.

Делились они с вами?

Нет. Их этих, которые в лесу были, один стал при финнах старостой. Когда наши вернулись, он был посажен, сидел где-то на севере. Только в пятидесятых его освободили, он домой приехал и почти сразу умер. Ему было около шестидесяти. У него два сына были в армии, на фронте, а он был старостой. Разные люди есть. Они с женой как-то в воскресенье поехали на кладбище, и там увидели нашего солдата. Он был военнопленный, убежал из плена, на ногах у него была обувь из клеенок. Одними ягодами питался. Они вернулись, нам об этом рассказали.

Донесли на него?

Нет, только нам рассказали.

Этот мужчина, староста, сам проявил инициативу, или его финны назначили?

Финны назначили. Не добровольно, конечно. А того военнопленного потом кормил один дядечка с Ояжи, хоть у него было трое маленьких детей, еще меньше наших. У нас были дочки брата, так они даже молоко не кушали ложечкой, только хлеб макали. У нас в сорок четвертом году уже была корова, я одной из них говорю: «Тамара, ты ложечкой молоко кушай» – «Нельзя ложечкой, молока мало». Только хлеб намочит и сосет. Даже дети все понимали...

Чем занялись после возвращения?

Папа работал дома. Как растаял снег, рыбу ловил.

То есть зимой на работах не были заняты?

Папа уже старый был. Мама тысяча восемьсот восемьдесят первого года, а папа немного старше. Он был одного года со Сталиным, папа умер в июне пятьдесят третьего года, а Сталин умер в марте того же года.

А других финны использовали на работах?

Мужчин в деревне не было никого, а девушек они использовались на работах. Мои две сестры сперва работали в Кондопоге.

Их от вас забрали?

Да. Тут же забрали, осенью. Хлеба не было. Им надо было где-то работать, чтобы карточки давали. По триста грамм муки давали на месяц, много там спечешь? А в Кондопоге было три больших биржи. Они там бревна распиливали, грузили на вагоны, и лес вагонами увозили в Финляндию. Они в Кондопоге месяц побудут, приедут, привезут продуктов, маргарину, крупы – все, что дают.

А жена брата осталась с вами?

Поначалу жена брата была у своих родителей. А мы, когда приехали с Типиниц, стали вспоминать, что у нее девочка маленькая, тридцать девятого года, и она была в положении, вот-вот должна была родить еще. Она была эвакуирована в свою деревню, а там на несколько семей у них только одна комната была. Старшая сестра, которая из Спасской губы, и мама взяли лошадь с нашей деревни и поехали за ней.

Это осенью было?

В начале декабря.

Решили ее взять, хоть у вас и хлеба не было, продуктов не было?

А мы решили взять, потому что у нас дома тепло, да и папа рыбу все время ловил. Привезли ее домой. Эта маленькая девочка, двухлетняя, все рассказывала, как стреляют. У них фронт близко был, она стрельбище слышала. Привезли ее домой, в сорок первом году, в декабре, а второго января она родила мальчика. Брат уже убитый был. Она так потом при нас и жила. Сорок четвертый год, все жила. Мама за детьми смотрела. Она к нам привыкла, мы привыкли к ней, так и жили с невесткой, хотя у нас

была карельская деревня. Она к нам пришла молодая, еще паспорта не было. Она нас любила и мы ее тоже, как сестра нам была.

Она была карелка?

Нет, русская. Она из Заонежского района, деревенька неподалеку от Шуныги. А мы были карелами. Брат женился на ней, потому что до войны в Карелии шли лесозаготовки, и он работал в леспромхозе, километров семь или восемь от нас, а из Заонежья девушки туда привозили сено. Лошадьми возили. Вечером танцы были. Там с братом познакомились и поженились. Тогда свадеб не играли таких, как сейчас. Она не уехала в Заонежье, а весной приехала к нам в деревню. Она приехала, наверное, в мае, а в августе она уже все понимала на карельском языке.

Финнов вы понимали свободно?

Нет, я вообще их не понимала. Когда мы ходили в магазин, нам давали хлеб по карточкам. Там было очень много финнов. Когда они в магазине заговорят, то мне казалось, что у них слова не разделяются.

А родители понимали финский язык?

Папа и мама не понимали, только карельский язык. Я объясню, почему финский не понимала. Нас было много человек в семье, я одиннадцатая. Старшая сестра жила в Петрозаводске, и в тридцать шестом году она взяла меня к себе. Школа была далеко, в другой деревне, и там учили по-фински, не по-карельски. И тридцать шестой, тридцать седьмой год я ходила в петрозаводскую школу, там учили по-русски. Приехала в Петрозаводск, только одно слово по-русски знала, баня – *кюлю*. На Луначарского школа была. Четыре первых класса – «а», «б», «в» и «г». Всех детей распределили, списки были, а я в коридоре стояла, потому что [до начала учебного года] не была записана в эту школу. А учительница такая хорошая, говорит: «Девочка, тебя нет в списках, ну иди к нам». До сих пор ее помню, Анна Антоновна. И я училась. Они меня спрашивали, где я живу, а мимо нас, Луначарского улица, была железная дорога, и ходил паровоз «кукушка», возил шпалы на завод. На берегу Онежского озера был лесозавод, лесопилка, и они шпалы возили. Вот я запомнила, что железная дорога и сказала учительнице, что живу там, на линии. Потом, вечером, как занятия кончились, послали мальчика со мной, чтобы он узнал, где я живу. Я недалеко от школы жила. Теперь эта улица называется Гюллинга, а раньше Советская набережная. Мальчик пришел и рассказал, где я живу и все. Я быстро научилась. Один раз только учительница оставила меня после урока. Я писала все прямо, не знала ни полей, ни чего. Она

мне объясняла, что тетради в косую клеточку, и в этот квадратик надо букву разместить. Я красиво писала, и по чистописанию у меня всегда был отлично. Окончила первый класс, даже похвальную грамоту дали. И за второй класс была. Я на русском языке очень быстро научилась говорить.

То есть финнов вы с трудом понимали?

Нет, нет, я не понимала их совсем. Стала понимать только к концу оккупации. Две сестренки, которые двадцать второго и двадцать четвертого года, они на финском языке учились, так они очень хорошо знали финский язык. Сестренка, которая жила в Спасской губе, семь классов по-фински училась. Она знала хорошо финский язык. И другая сестра, которая двадцать четвертого года, она тоже хорошо знала финский язык. Потом [во время оккупации] они пилили бревна и грузили их в вагоны. Там были и русские женщины.

Когда они пошли работать?

Сразу почти.

Они сами решили пойти в Кондопогу?

Нет, их отправили финны. Потому что два километра от нашей деревни есть деревня Ерши, там был штаб. Там было трое финнов. Один был, который карточки давал, один постарше был, и третий еще старше. Они могли домой прийти, что угодно взять и не спросить. Мама наша раз увидела их на улице, что они мимо дома прошли, а в дом не зашли. Потом мама дверь открывает, а они в чулане. Папа всегда делал кожу сам, у нас же детей много было. А они уже эту кожу меряют по ногам. Мама закричала: «А, вой, вой, не берите, у меня много девок». Одна сестра на Урал уехала, другая в Петрозаводске. Я одиннадцатая, самая младшая. Мама накричала, так они оставили и больше к нам не приходили. Был остров, наверное, был когда-то сплав, там бревна были, приставши к берегу. Так они бревна вылавливали и пилили, все женщины, у которых, например, есть дети маленькие, мужчин не было ни у кого. Тот мужчина, который написал, что нашего брата убили, тот тоже был убит. Брат наш, которого убили, он и в финскую войну был на фронте, он был в Терийоки¹, под Ленинградом. А в эту войну он был в Лоухском направлении, в Кестеньге его убили.

¹ Очевидно, в Финской народной армии при Финском народном правительстве О. В. Куусинена. – Прим. ред.

В вашей деревне стояла часть?

У нас не было солдат, были только те, которые в штабе работали. А так финских солдат у нас не было. Они только при наступлении прошли. Кончился сорок первый год, летом сорок второго, недалеко от нашей деревни, километра три или четыре, есть большая деревня Тимойгора. В этой деревне, прямо на у лице, было огорожено пространство, там были наши пленные. И я помню, как они пели песню: «Свободы, свободы не видим. В лагерях мы сидим уж давно...» Они были там, наверное, месяц. И потом их увезли.

Вас финны привлекли к работам?

Да. В сорок третьем году меня вызвали в Ерши, в штаб, и отправили меня в Кондопогу. Я в Кондопоге работала в детском саду и яслях. Там карельских детей было много, и русские дети были, потому что многих людей эвакуировали из Заонежья в Кондопогу. Из заонежских деревень было много людей в Кондопоге, и со мной работала одна девушка из Заонежья. У нее еще три сестренки и братишка маленький. Она двадцать пятого года. Мы работали в садике, я была уборщицей. Давали хлеб по карточкам. Я работала с февраля сорок третьего примерно по сорок четвертый год. Невестка жила в деревне с мамой и с папой, она там работала. В сорок втором у нас не было картошки, так мы у людей собирали. Потом мы немного картошки посадили. До обеда поработаем, а потом, после обеда мама с невесткой придут домой, потому что не могли уже работать, есть хотели.

Их не кормили?

Нет, никто не кормил. Кушать сядем, папа много рыбы ловил, едим одну рыбу. А дедушка-то старый, сидит за столом и говорит: «Осиповна, а хлеб на стол принесите». Мама скажет: «Дедушка, так у нас же нет хлеба» – «Ну нет, так ладно». Посидит и опять: «Хлеба дайте». Он не понимал. Вечером, другой раз, по карточкам продают муку, мама испечет, так в хлеб не одну муку, туда траву да всякое мешали.

Помните эти рецепты военного времени?

Когда зима кончилась, уже в апреле, [на полях] картошки было много, колхозом не убрана. Сырую картошку на поле выкопаем, домой придешь, кипятком ошпаришь – она мороженная была – кожа выйдет, остается, как яички белые. В котел положит, сварится, натолчет. Тогда же нам давали хлеб, триста грамм муки, мы картошку с мукой перемешаем, такую кашу

мы и ели. Чем-то надо было питаться. Масла не было, а казалось так вкусно.

С корой муку мешали?

Мама, когда [хлеб] готовит, так всего наложит туда. Мы теперь из-за этого все желудками страдаем. Нас только рыба спасала. Папа рыбу ловил. У нас было много всяких снастей, ловушек. Были такие мережа, такие большие деревянные кольца, между ними сетка. Длиной несколько метров. Мы, когда были маленькие, в них заходим и ходили там внутри. Один конец привяжут к дереву на берегу, а другой конец опустят в воду и тоже к чему-то привяжут. Рыба туда заходит, и там ловились большие щуки. Обрато она уже она не сообразит, потому что самое большое кольцо – первое, меньше – второе, потом меньше и меньше, последнее уже совсем маленькое кольцо. Разные были приспособления [для ловли рыбы], все карельские. Дедушка, бывает, привезет целый кошель, скажет: «Еще пол-лодки оставлено». Мы сушили много. Сестры от нас уехали еще в ноябре. Когда невестка родила, так их уже не было дома. Приехали к нам папины сестры, тоже старенькие. Их деревня сторела, они пришли навестить нас, как мы устроились, да и остались. В как раз в ту ночь, когда они пришли, мама нас всех спать уложила, а сами пошли в хлев, там невестка родила, тогда же не было врачей. Сами приняла роды. Помню, мама папу сгоняла с лежанки, чтобы пустил сноху. Мы все хором запищали: «Кого, кого?» Мама: «Мальчик». Папа очень был рад, что вдруг сыновья не вернуться.

Как воспитывали детей в оккупации?

Сами. Не было же ни садика, ничего. По всей деревне голод был. Который мужчина написал, что брата убили, у него жена тоже молодая была. У них тоже была бабушка и двое детей. Мальчик и девочка. Мальчик был старше нашей [двухлетней] девочки. У всех было много детей. У одной женщины было пятеро детей, девочек. Потом, в марте или в апреле, весной собирали скот, сделали скотный двор и давали ребятишкам молоко. Финны давали молоко. У той женщины было пятеро детей, финны знали, что у нее муж коммунист, и все равно детям давали молоко.

Чем занималась ваша мама и сестры в свободное время?

Пороли старые чулки да носки. Старое ремонтировали. Мама зимой с сорок первого на сорок второй ходила по деревням, просила хлеба или чего-нибудь.

Давали ей?

Давали. У нас как: недалеко от нас Тимойгора, еще километр спуститесь – Ригосельга, оттуда спуститесь километр – Ояжа, еще немного спуститесь – там Владимирская, в ней была большая церковь, из нее потом сделали клуб. С Владимирской спуститесь немного к берегу, там Ерши, озеро большое. Мама ходила по деревням, так ей давали. Мама узнавала наши вещи: котелки, ложки. Кто в лесу оставались, так у нас взяли, растащили. Мы же уехали в сентябре, а приехали в начале декабря.

Получается, во многих деревнях оставалось много одиноких женщин с детьми. Им самим приходилось выполнять все мужские обязанности по дому?

Да. Плугов не было. Сами сохой пахали. Картошку сажали. Финны семян не давали. Если есть свои семена, то сажайте, пожалуйста. В сорок втором они с других деревень скот взяли. Может быть, даже из Заонежья. Тогда стали молоко давать.

Финны помогали населению?

Нет, не помогали. Давали только хлеба, по триста грамм муки. Наша мама получала на месяц около семи килограмм. На дедушку давали триста грамм, на невестку... А разве семи килограмм муки на месяц хватит? Поэтому мы и делали такую болтуху. Так и ели. Не было ни коровы. А женщины, которые в лесу оставались, в деревню вернулись раньше, так у них были коровы, они их спасли. И потом наш поросенок остался в деревне, у него десять поросят было. Поросенок в стогу жил. Они сказали, что солдаты поросенка убили, а маленьких поросят они взяли себе. Мы приехали из Заонежья, и они не сказали, что у них наши маленькие поросята. Вот этот староста, их там несколько было, три или четыре семьи. Потом выросли и поросята у них были. Мы узнали только после войны, что они наших поросят взяли. У нас как хутор был, в хуторе семь домов. А из этих семи домов на фронт было взято одиннадцать человек. В каждом доме по два сына и братьев много было.

В Кондопоге вы жили в общежитии?

Нет, в Кондопоге я жила на квартире у одной женщины. А женщина была сама из Ковкойсельги. Этой женщине было около сорока. У нее двое детей было, два мальчика. Муж был тоже на фронте. Еще с нами жила ее сестра, тоже Ольгой звали, как и меня, но она немножко старше меня, двадцать

шестого года. Все жили в одной комнате. Такой частный домик был у нее. Люди были эвакуированы, а домик остался, в нем и жили.

Не возникало проблем, что мальчики и девочки в одной комнате живут?

Нет, тогда никогда мы не разбирались с этим. Жили все вместе и спали все вместе. Летом некоторые девочки, я-то не спала, а моя старшая сестренка, они спали на чердаке.

Сестры жили тоже в Кондопоге?

Одна сестра жила со мной, с этой женщиной. А вторая сестра жила на квартире у одной женщины. Женщина была родом из деревни Шушки, недалеко от водопада Кивач, так она у ней на квартире жила. У той женщины тоже две девочки были, дети маленькие, еще и в школу не ходили.

Вы платили за квартиру?

Ничего мы не платили, а что с нас был взять?

В Кондопоге вы ходили на какие-то праздники, танцы?

Танцы были, но на танцы не разрешали ходить. Сестра моя была на танцах, так их поймали... Финны запрещали, они боялись партизан. Девушки шли на танцы, и по дороге их забрал финский патруль. Она в будке сидела, и постигли потом наголо волосы. Это старшую сестру, которая двадцать второго года.

Финны организовывали какие-либо праздники?

В Кондопоге я не видела, чтобы какие-нибудь праздники устраивали. В Ковкойсельге был праздник Иванов день. На этот Иванов день все собирались, кто бы и где ни работал. У нас брат в Харькове жил, и то приезжал на этот праздник. На Иванов день мы всегда приезжали домой.

Даже во время войны?

Да, во время войны, а отмечали, что дома обедали, а потом опять уезжали. Это было в сорок третьем или в сорок четвертом. А в сорок шестом году был большой праздник, уже много с фронта приехали.

Кто-нибудь из тех, кого вы знали, сотрудничал с финнами?

Я не знаю того, кто бы сотрудничал. Знаю девушек, которые работали в магазине. Вот в Кондопоге, у которой женщины я жила, у нее сестра работала в магазине. Когда финны начали отступать, тогда, если у кого деньги есть, продавали все хлебное. Мы старались что-то хлебное купить. Я же в яслях работала, так мне давали марки. Так я на эти марки купила целый большой мешок овсяной крупы. Овсяную крупу тогда плохо чистили, там шелуха. Привезли в деревню, на лодке. Мама как кашу сварит, так мальчик, сын брата говорит: «Бабушка, ты опять с щепками кашу варишь». А так, кто в магазине работал, старше меня, у кого семилетки закончены, те работали, помогали. Кто-то у финских хозяев работал.

После войны не сказалося то, что они работали у финнов?

По-моему, им ничего не делали, они были такие же принужденные.

Вы знаете таких, кто доносил финнам?

Нет.

Финны предлагали вам уехать в Финляндию?

Среди нас, не знаю. Много агитировали девушек, у которых семилетка была окончена. Делали вроде как техникум или училище, старались учить чему-нибудь. Меня еще в сентябре сорок второго года взяли в школу. Я на своей тетрадке не могла написать ни своего имени, ни фамилии. А девушка со мной сидела, она постарше меня, она училась до войны, так она написала мое имя и фамилию на тетрадки. Это было еще в деревне. Преподавали мужчина и две женщины из Финляндии. Они были в военной форме, назывались лотты¹. В феврале сорок третьего я уехала в Кондопогу, а до этого месяца три я училась, с сентября. Пришла, не знала, как имя фамилию написать, а через три месяца я уже свободно читала по-фински. Я еще много у женщины научилась, у которой жила. Она работала в столовой официанткой. Она знала финский, когда она была молодая, их семь классов учили по-фински.

Помните, чему учили в финской школе?

Историю Финляндии учили, финские города. Как подразделяются районы. Молитвы учили. Я три молитвы знала, лютеранские. Мы все удивлялись.

¹ Lotta Svärd – военизированная женская организация в Финляндии, отсюда название ее членов. – Прим. ред.

Наша мама с бабушкой, когда молились, крестились. А они не так молились, не так крестились. Руки как-то клали, сейчас забыла. И молитвы так, как песни, пели. И играли на пианино, *haitari* по-фински. Когда мы в школу ходили, нас дополнительно кормили. Конину нам варили, делали суп. Делали из брусники и муки кисель. Это нас на уроках готовить учили. Было три или четыре мальчика, и они учились вместе с нами. Мальчик, который с нами в деревне учился, потом учился в техникуме, потом педагогом стал работать.

Финны приглашали кого-либо в Финляндию?

Во время войны никого не приглашали и никого не увозили. Увозили, может, на работу. Вот девушка была. Вся семья у нее была эвакуирована, она одна была. Она работала в магазине, в деревне Ерши. Хозяин был финн. В сорок четвертом году, как финны отступали, так он стал звать, и она уехала в Финляндию с ним, да там и осталась. Когда я уже в Сортавале жила, говорят, в каком-то году она приезжала в Ерши. Мать и другие сестры уже вернулись из эвакуации. Говорят, что она очень плакала. Когда ее увозили, ей лет двадцать было, уже взрослая уже была. У нее до войны семилетка была окончена. Столько деревень и все удивлялись над ней, как она могла уехать, мать да всех бросить.

Жители оккупированных деревень помогали друг другу?

Когда я уехала в Кондопогу, оставалось много женщин с детьми, дружно жили. Например, пахотные поля заросшие были, не паханы. Так они между собой делили участки, садили картошку. Например, одна одинокая женщина с детьми и другая соединялись и сажали картошку. Помогали друг другу.

Во время оккупации появлялись новые семьи?

В нашей деревне я не знаю, в Кондопоге не знаю. Знаю одну семью не из нашей деревни. Их даже венчали. Деревня русская была. Девушка была карелка, а парень был русский. Помню, у него всегда спрашивали: «Костя, ты почему нигде не работаешь». А он все говорил: «Вот война кончится, мира жду». Вот, я видела, как их венчали. А так, чтобы кто-то замуж выходил, не было таких.

В тридцать седьмом году я жила в Петрозаводске, со старшей сестрой. Сестра на хлебозаводе работала. Ночью приехали и арестовали ее мужа. Муж был финн, работал шофером, по магазинам продукты возил. Я училась во втором классе, у меня трясли портфель, хотели проверить, обыск

у нас был. Мы тогда на Кукковке жили. На Кукковке было только три больших деревянных дома, а так много-много частных. Его забрали, так мы ничего о нем и не знали. Только после войны узнали, что его репрессировали. Сестра ходила в НКВД, хотела что-либо узнать, но ей ничего не сказали. И в тридцать восьмом сестру выслали из Петрозаводска в Пудож. Она там работала продавцом. Квартиру на Кукковке забрали. Детей у нее не было. Она в Пудоже как-то прожила год. В финскую войну она писала везде, и в Москву, что она ни в чем не виновата. Потом ей разрешили в Петрозаводск переехать, оттуда она в сорок первом году была эвакуирована на Урал, там жила. Эта старшая сестра, четырнадцатого года. У нас семья большая была. Я самая младшая, а были еще. Старшему брату было больше пятидесяти. Его бы даже на войну не взяли. Такая большая разница в возрасте.

Когда вы жили в Кондопоге при финнах, как там поддерживался порядок?

Поздно вечером ходить было нельзя, был комендантский час. Если девушку заберут, то сразу выстригут волосы все. Я поэтому не ходила. У нас в яслях, где я работала, заведующей была финка. У нее собака большая была. У нее были свои знакомые финны, так она уйдет куда-нибудь вечером, а у нее была отдельная комната. Мы знаем, где ключи, откроем, и всегда слушали у нее приемник. Мы знали, когда наши войска в Житомире были.

Во время войны рождались дети?

В Кондопоге я не видела, чтобы рождались. У нас в деревне были две женщины, они работали прачками в Медгоре. Они обе приехали, были беременные от финнов, от солдат. Одна родила девочку, другая мальчика. Когда стала Россия, а не Советский Союз, одна из этих женщин хотела все в Финляндию написать, чтобы найти отца ребенка. Не знаю, нашла или нет. Сейчас умерла уже. Она из нашей деревни. Был срам такой. Все ее осуждали. Она от стыда уехала в Петрозаводск.

Когда финны отступали, много ли людей они с собой забрали?

В нашей деревне финнов не было вообще. Две мои сестры и еще одна девушка хотели посмотреть, что там делается в Кондопоге. Они из лодки вышли и встретился им отряд финских солдат, человек десять-двенадцать. Хотели их окружить, девчат этих. А девочки говорят: «Подождите, у нас на лодке вещи, мы пойдем». Вышли на берег и уехали. Пришли и рассказывают, что чуть-чуть их не забрали. Насильно, моих знакомых, никого

не забирали. В сорок четвертом году, когда наши пришли, я приехала в Кондопогу и жила с той девушкой, с которой раньше вместе в яслях работала. У нее было две сестренки, братишка и мама. С лета до ноября я училась в шестом классе, и жила на квартире. Давали триста грамм хлеба, голодно было. Я на октябрьские праздники приехала домой и сказала, что больше в школу не пойду. Потому что в сорок четвертом году я уже стала большая ростом, триста грамм хлеба – мне не прожить. Я пошла в леспромхоз, где сестра работала. Там шили одежду ватную. Меня взяли туда ученицей, я вату носила. И я там работала да сорок пятого года.

После освобождения были какие-то последствия для тех, кто жил в оккупации?

В нашей деревне был такой слух, что всех людей, кто был в оккупации, вышлют в Сибирь. Якобы Сталин дал указ. Потом стали приходить направления в колхоз, тогда поняли, что никуда не отправят, и все будут жить на месте.

Если обобщить – как, в целом, складывалась ваша жизнь в оккупации?

С сорок второго по сорок третий мы учились в школе. Там нас организовали из тряпок шить ботинки. Финны организовали, женщина, финка, руководила. Старые тряпки из дому приносили и резали такие стельки, сорок штук. Вместе положим и стегали их. Потом, когда выстегаем суровыми нитками, края заворачивали. Переда были уже готовые, как полуфабрикаты. Была машинка, чтобы делать кнопки, дырочки для шнурков. Потом я жила на квартире в Кондопоге, сначала без сестры. Она на бирже работала, бревна грузили, в Финляндию возили.

В целом, до войны ваша семья была занята в сельском хозяйстве, кроме тех сестер, кто вышел замуж и уехал в город?

В сорок первом, когда война началась, мы все ходили на пожню¹. Мама скажет: «Эту маленькую-то оставьте дома, что от нее толку-то». Папа говорит: «Да хоть двадцать соток ей напишут». Две сестренки пололи всегда. Старшая сестра бороновала. А я, дедушка, невестка и папа – мы ходили на сенокос. Мы грабили да сено переворачивали.

Во время войны большая часть семьи работала в промышленности?

Да. Колхоза больше не было. Кто желал уехать в Кондопогу, так как там маргарин давали, муку давали.

¹ *Диалект. Сенокос.*

И после оккупации они остались работать в промышленности, а не в колхозе?

После войны мы работали в Кондопожском леспромхозе. У меня было пять сестреноч, так две были эвакуированы на Урал. А мы в леспромхозе работали. Когда сплав окончился, то сестра, у которой был техникум до войны окончен, написала в Петрозаводск, в министерство, и ей дали направление в Медвежьегорский район. Она всю жизнь работала дошкольным работником. Только невестка наша всю жизнь отработала в колхозе. А сестра с Урала приехала, тоже хотела в колхоз, так ее не взяли. Все стремились в колхоз, потому что можно было сажать и картошку, и все. А потом и не жалела, в город уехала, стала на почте работать, квартиру ей дали.

Спасибо!

Интервью с Таисией Ивановной Максимовой, 1927 г. р.

*Записал А. В. Голубев
с. Шелтозеро, 19.03.2007 г.*

Расскажите, как для вас началась война.

Когда началась война, я жила в Матвеевой Сельги, там моя родина. Мы слышали, что всех наших молодых мужчин забирают. Через некоторое время уже слышим, что к нам подходят финны.

Сколько вам тогда было лет?

Четырнадцать.

Вы жили с родителями?

Да.

Отца забрали на фронт?

Отца у меня уже не было, была только мама да младшая сестра, на два с половиной года младше.

Вы пытались уехать?

Пыталась. Ушла вместе с семьей, которая поехала на баржу. Мы за ними два с половиной километра прошли, а потом эта женщина, мать, сама пятерых детей везет, увидела и говорит: «Вы куда» Я говорю: «Мы с вами». А мама была взята на оборонные работы, мы были с сестрой вдвоем, мне четырнадцать, ей двенадцать. Вот два с половиной километра прошли. «А ну, домой идите!» Тётя Катя нас проводила [*обратно*] и еще пригрозила: «Еще только увижу, не смейте! У вас мама где-то есть, найдется». Мы домой пришли, плачем, а что делать? Два или три дня прошло, мама стучится ночью. Убежала с оборонных работ, пришла: «Ребята, куда я вас оставляю». По лесу шла, правда, не одна она такая была.

Много уехало из вашей деревни в эвакуацию?

Немного. Не было транспорта, и те, которые были крепче, остались, мол, будь что будет, не пойдем скитаться по чужим углам. Уехало две или три семьи. После войны они вернулись, рассказывали, что очень трудно было.

Они хуже жили, чем вы здесь?

В какой-то мере. Первое время мы жили очень плохо. Сколько дудок мы делали, мололи да через сито... Муки-то нам давали всего двести грамм, и что с этой мукой? Трудно жили. Мне четырнадцать лет было, и меня еще взяли в школу. Просто погнали, идите. А нам же питаться нечем, а там кормили, геркулесовую кашу, помню, давали.

Помните, как пришли финны?

Помню. Пришли, их было четыре человека. У нас у соседей жила финка, наша, советская, они прибежала и говорит: «Тася, идите, собирают население». Собрались мы, они по-своему говорили, а финка переводила: «Вы нас не бойтесь, мы вам не будем ничего делать, если вы не будете хулиганить. Мы вас не тронем и ничего не сделаем». Так все и было: кто ничего не воровал, с тем ничего и не делали. Всем дали работу по способностям.

То есть как только финны пришли, они все трудоспособное население распределили по работам?

Да. Моя мама, например, пахала за плугом, а я лошадь гоняла. Младшая сестра в няньки пошла, в нашей же деревне потребовалась нянька.

Что стало с колхозными полями?

Наверно, мы уж колхозные поля и обрабатывали. На них что-то сеяли, сажали. Некоторые семьи более или менее жили, а у нас отца не было, мама одна, так все время деньги зарабатывала, и у нас не было подсобного хозяйства. Какую пайку дадут, так и жили. Это только первый год.

Тогда паек был двести грамм?

Да. Мы эту муку все с трубками и смешивали. Трубки сушили, пропускали через сито, и так употребляли. И в первый год финны нас погнали в школу. Там нас подкармливали. Не сказать, чтобы уж финны злые были. Нормальные люди.

Чему в школе учили?

Письму, которое мы никак не могли перенять хорошенько. Нужно было буквы снова учить, это же финские буквы да слова. Сколько могли, читали, двойки получали.

Кроме финского языка изучали еще что-то?

Был труд и физкультура. Помню, один раз на физкультуре стояла на коленях, потому что не пошла далеко. Надо было на лыжах пройти то расстояние, которое дали, и за определенные минуты. Издевательств никаких не могу передать вам, все мирно было у нас.

Чему учили на уроках труда?

Уже и не помню. Чем-то занимались.

Когда вам исполнилось пятнадцать лет, вас послали на работу?

Да, на вторую зиму послали на работу. Недалеко тут, перед Шокшей, раньше были лесозаготовки, стояло два барака. Отвезли нас сначала туда, в основном, молодежь – лет пятнадцать-шестнадцать. Что-то они там переговорили – мы же тогда ничего не понимали, потом нам приказ опять: «Садитесь в машину». Мы [*думаем*]: «Куда же теперь нас опять отвезут?» Они привезли обратно: «Идите все по домам». Несколько дней прошло, идет слухок, что нас везут в Вознесенье. Привезли, распределили по квартирам с девушками и дали работу. Я работала в сапожной мастерской: убирала, мыла, дрова носила. Я не одна была, там была со мной женщина старше меня. Не доверяли тогда, чтобы одних младших оставлять, всегда старшая женщина над тобой была, и будешь ты работать с ней. Работала я долго в этой мастерской, и где-то в конце войны я соскучилась по своим девушкам. Я жила отдельно, нужно было ходить к ним, и пошла я к их старшему: «Дайте мне разрешение, чтобы я пошла с ними работать». Сперва отказал.

Где они работали?

Они работали в прачечной. Стирали, развешивали, гладили, зашивали – такие дела. Потом я второй раз пошла, он говорит: «Иди». А потом в сорок четвертом [*вернулись*] наши.... Помню, я еще [*при финнах*] успела попасть домой. Давали две недели отпуска, я в Матвееву Сельгу и пошла. Мама провожала меня обратно, дошли мы до большой дороги¹, видим – несколько больших машин. Внутри за решетками девушки, парни... Мы спрашиваем: «Это что?» – «Везут в лагеря русских». Мать как услышала: «Таська, быстро», и мы убежали обратно в Матвееву сельгу. Видели немного страсти, когда финны уходили. Им все сообщали, что идут русские, нападают, и они этого, конечно, бояться. Вроде веселятся, зовут девок на танцы, а сами на ходу уже. Так-то ничего не случилось, [*когда*

¹ Очевидно, имеется в виду дорога из Петрозаводска в Вознесенье. – Прим. ред.

финны начали отступать], нам старший их сказал: «Девушки, по домам, быстро!» Мы по домам убежали. Два дня и две ночи в подполье ночевали, когда финны уходили, а наши приходили. Наших долго не было, потом смотрим – опять ходят финны. Двое ребят пошли на Кушлегу, в следующую деревню, и эти финны их подцепили и пошли за ними. На следующий день у нас, девушек, вожак была, говорит: «Пойдем, посмотрим, что там случилось. Раз проводили и пришли обратно одни, значит, где-то [*наши ребята*] убиты». Мы пошли и нашли – двое парней лежат, одна голова тут, другая тут. Финны их расстреляли.

За что?

Даже не знаю. Военное время, военные дела. Мы ничего не знали, нас ничего никто не спрашивал.

Расскажите, как вы жили в Вознесенье. Где вы жили?

Я, например, жила в пятиэтажном доме. Внизу была сапожная мастерская, которую мы обслуживали. Топили ее, были сделаны временки, и мы их топили. Двое нас было – я и женщина старше меня на шестнадцать лет.

И вы жили при этой мастерской?

Да.

Кто жил в других квартирах?

Мои девушки жили в прачечной, там стирали, мыли. Они были от меня больше километра.

А в этом доме кто жил?

Финны. Мужчины, были и женщины, но они как-то странно жили. *То есть у вас на двоих была комната?*

Да.

А в каких условиях жили ваши подруги?

Тоже в хороших условиях. Только тоже в страхе жили. У них неподалеку было [*Онежское*] озеро, а здесь была Свирь, и между этой водой они жили. Все боялись, говорили: «Тебе хорошо, ты на свободе, а тут у нас

и убежать-то некуда. Там вода, здесь вода». Но потом это все время прошло, утихомирилось, и меня отпустили жить вместе с ними.

Можете описать дом, в котором они жили?

Дом был двухэтажный. Мы жили с подругой на кухоньке на втором этаже, другие девушки в других комнатах жили... На первом этаже тоже девушки жили.

То есть это был целый дом, в котором жили только вепсские девушки.

Да.

Как вы в прачечной работали?

Там мы не вручную работали. Стирали машинами, в другом доме подвешивали, и сухое белье гладили. Вот на такую работу мы попали. Я, в основном, все гладила белье. Кормили хорошо, давали еще сколько-то денег.

Можно было что-то купить на эти деньги?

Конечно. Платья себе покупали. Финки их привозили. Я вот ничего плохого не могу сказать, страшно было, а так ничего не видела. Очень вежливо обращались, у меня не осталось впечатления, чтобы обидели они.

Как вы проводили в Вознесенье свободное время? По вечерам, например?

Проводили его в том же помещении, в котором и жили. Соберемся. Одни внизу жили, другие вверху, мы все соберемся да поговорим. Никуда не смели ходить. Просто сидели и разговаривали.

Могли свободно перемещаться по Вознесенью или запрещено было?

Конечно, не запрещено было, но нам было слышно, что нельзя никуда идти. Да мы и были такие, что не пойдём никуда. Старшие девки, конечно, и гуляли, и все, а мы были подростки... Четырнадцать да пятнадцать лет.

Праздники устраивали какие-нибудь?

Между собой.

Финны организовывали для вас свои праздники? Например, Рождество?

Мы же в Советском Союзе жили, какое Рождество. Никаких праздников финны среди нас не устраивали.

Финны агитировали, чтобы девушки уезжали в Финляндию?

Нет. Нас, младших, нет.

А старших?

А старших да. И сколько уехало! Счета не знаю, но многие уехали. Уже и жили вместе, и с финнами уехали. Особенно девушки из Рыбреки, Каскесручья, с той стороны. В нашем краю мы были такие... негулящие, так мы этими делами и не занимались, не гуляли. Наши вернулись на места после войны. А старшие девки из Каскесручья, из Рыбреки – девки были зрелые уже... Они и уехали. Начинали гулять, потом жили вместе с финнами и потом уехали.

Дети от финнов появлялись?

Не знаю об этом.

Финны пытались привить какие-то обычаи?

Не старались. Мы же такие послушные были, ничего этого не нужно было. На плохое мы не шли, так они плохо тоже не обращались. Я сама такое дитё было, только осенью [1942 г.] исполнилось пятнадцать лет.

Как потом относились к вам советская власть и люди, которые вернулись из эвакуации?

Начальство нам ничего не сказала вслух, но было сделано так, что... На лесозаготовках нас столько мучили! Именно оккупированных! Другой раз денег не дают, черт знает чего скажут, ни жилья путевого у нас не было, ничего. В пайском леспромхозе я работала, в ладвинском работала – там еще более-менее было жилье, там у бабушки занимали мы верх, а в пайском леспромхозе жили в холодных помещениях, да еще что сделали – карточка была шестьсот грамм [хлеба], а они взяли и сняли двести грамм. Наказывали свои уже за то, что мы в оккупации были. Всякими путями... Мы же не в силах были, молодые – меня в восемнадцать лет взяли на лесозаготовки.

А свои люди как отнеслись?

Очень нормально. У меня муж четыре года [во время войны] был в армии, так поженились – ни упреков, ничего не было. Только начальство очень нехорошо отнеслось.

Если сравнить, как жилось при финнах и после освобождения, когда было лучше?

Большая разница. У финнов, хоть и у чужих мы были, чужие ведь они были, так они хоть кормили нас. Мы и сытые, и хоть кое-как, но одевались. А после войны сколько у нас всего было... Сказать вам – вы и не поверите. Первый год после войны я еще в школе училась, так дали отрез белого ситца, этот ситец мама покрасила в розовый цвет, и это было единственное платье. Ничего не было – голая, босая, чего тут после войны было у нас, ой-ой-ой. При финнах я была и обутая, и одетая, когда пришла домой. Были сапоги, а при своих ничего нельзя было достать. И достать ничего нельзя было, и денег не было. В колхозе работали, так что уж тут. Финны человечнее отнеслись, [чем свои].

Вы упоминали, что в Вознесенье финны устраивали танцы.

Устраивали. Где жили, тут же и устраивали. Помню в том же [пятиэтажном] доме, где мы жили, в другом подъезде на третьем этаже, где сапожная мастерская, были танцы. Мы ходили, все нормально было. Я же жила со старшей женщиной, так она меня все время караулила. Говорит: «Твоя мама дала такой наказ, ты, Ануся, смотри за ней». Хочу еще танцевать – а она говорит, пойдём домой. Я подчиненно так...

Какие танцы были?

Летка-енкка¹, финские вальсы, такие все танцы. Нормально финны относились, ничего не могу сказать. Не было случая, так я не могу наврать. Все было хорошо. Конечно, бояться мы боялись, всего боялись. Особенно, видишь, я была молодая, так мама все той женщине, которая со мной работала, говорит: «Ты смотри за ней». Меня всё звали финны на танцы, так она меня пускала [при условии], что я с ней пойду и обратно с ней вернусь. Ничего плохого не могу сказать. Один раз был случай, так это случай такой больше смешной, под пьяную лавочку. Пришел один финн, работал в этой же сапожной мастерской. Мужчина где-то в сорока годах. Постучался – а у нас же была отдельная комната, потом зашел. «Я у вас тут буду ночевать». Эту старшую тетку звали Ануся, она говорит: «Как это

¹ Финская народная песня и танец. – Прим. ред.

так, будешь ночевать? Мы сейчас как постучим!» – а у нас внизу старший жил, вроде как комендант. Взяли и постучали. Нету – убежал финн. На второй день я ему говорю: «Еще ли будешь страшить нас? Мы приведем...» Такой шуточный случай, ничего серьезного. Так ведь надо самим быть серьезными. Старшие девки, конечно, гуляли... А воровства как финны не любили! Все время проверяли. Мы и не смели ничего брать, очень боялись, что накажут. Послушные были такие. В сорок четвертом году, когда наши пришли, вот с этого времени мы горечко-то увидели... Не было ни есть, ни одеть, ни обуть. То, что я приобрела в Вознесенье, у меня была еще младшая сестра – вместе с сестрой держали, а так остались голые, босые.

А что делала в оккупации ваша сестра?

С матерью жила, в няньках была. Там одна женщина на финнов работала, а дома оставались дети – вот сестра и нянчила. Вот ничего я не могу вам плохого рассказать.

А к вам раньше приходили и просили рассказать что-то плохое про финскую оккупацию?

Да. Спрашивают: «Может, плохое про финнов хотите [рассказать]?» Еще после войны нас все спрашивали, так мы говорили, что финны никого не трогали¹. Это давно было, очень давно. Доброжелательные были, нет никакого плохого примера. Девушки многие с ними уехали – Рыбрека, Каскесручей, Шокша. Наша-то Матвеева сельга далеко, да и наши девушки все моложе были, мы ничем этим не занимались. Нас мама в кулаке держала. Мы не гуляли.

Из тех, кто гулял с финнами, кто-то остался здесь, в Карелии?

Нет. Большинство уехали. Я же говорю, что из наших краев таких не было, это Рыбрека, Шокша, Каскесручей, там девки были гулящие. А в наших краях все девки остались своим парням. Парки приехали из армии, женились, все нормально.

Спасибо!

¹ Очевидно, имеется в виду послевоенная деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. – Прим. ред.

Интервью с Владимиром Степановичем Яршиным, 1929 г. р.

Записал А. Ю. Осипов
с. Шелтозеро, 19.03.2007 г.

Как для вас началась война?

Объявили, что началась война. Прошло какое-то время, стали готовиться к эвакуации. Часть эта, партийная прослойка, так кто на барже, кто на пароходах уехали. Нам, помню, была дана колхозная лошадь, мы собрали шмотки да уехали. В сторону Вознесенья поехали на лошадке. Отец, мать да я. До Каскесручья доехали, а там говорят: «В Вознесенье уже финны». Они со стороны Токарей, по узкоколейке вдоль Свири [*наступали*]. Мы обратно пришли, а здесь финнов не было еще. Прошло, наверное, три дня. Приехали, вещи в землю закопали, окоп на берегу выкопали, покрыли там кое-какими досками. Две ночи там, в окопе, ночевали. На вторые или на третьи сутки деревня запылала. Истребительный батальон был создан из партизан, поджигали вот эти госучреждения, больницы, магазины. А наутро уже и финны явились, пошли сюда. Ночь переночевали, говорят, уже и финны в деревне. Вот так прошла эта пертурбация. Так что, видишь, финны сами по себе ничего не жгли. Сожгли наши, наш истребительный батальон. База [*батальона*] была где-то на Свири, между Каскесручем и Матвеевой Сельгой. Вот так.

Сразу собрали, на второй или на третий день... В течение недели прошли фронтные части, а следом [*пришли*] их комендатуры да органы, которые должны были заняться населением на оккупированной территории. Стали назначать старост, собрали всех по деревням. Объявили о том, что окружным комендантом будет Орешпяя. [*неразборчиво*] не был сожжен, в этом помещении они штаб организовали. Поставили в деревнях старост и стали искать, где колхозное добро, где колхозное зерно, где хлеб лишний. Где старосты не выдали, зерно-то попрято, так зимовать с хлебом остались. А где выдали, так первый год прошел тяжелый в оккупации. В тех деревнях мужики-то попали более-менее, там уже не мужики были, в возрасте, считай за шестьдесят лет. А у нас тут староста был, бывший *маятник*, Володя [...]. Тот знал, кто и где спрятал, все ямы показал. Вещей не брали, а хлеб отобрали лишний. А нам стали давать карточки, талоны. Сколько? Двести, триста грамм. Стали привлекать на работу, на очистку всех этих руин. Они порядок любили, так все руины, где дома сгоревшие, разобрали. [*Проводили*] дорожные работы, если дома-развалюхи какие – тоже сносили. Навели в деревне порядок. Но весной уже стали... Видишь, скот, лошади были на руках. У нас лошадь была, мы прокормили зиму

лошадь, у нас ее отобрали. Потом их собрали вместе и стали продавать. Жить-то надо. Семена тоже – работаешь – покупай. Семена, землю. Ну, лошадь нам вроде как вернули за триста марок. Это тогда недорого было. В месяц платили триста пятьдесят, может, четыреста оккупационных марок. На триста марок нам дали лошадь на двоих и три гектара земли: выращивайте хлеб, картошку, делайте себе пищу, зарабатывайте. Вот так, такие условия были. Сказать, чтобы они злорадствовали, я бы не сказал. Порядок они любили, за каждую провинность и розги, и все, что хочешь. Порядок, если там ослушался или против что-то выполнил. Особенно не любили они воровства. Вот если у них положена вещь, то пусть она лежит. Тронул – тут тебе уже обеспечена задница красная. Ребят в школу. В первый же год в школу открыли. Двухэтажная средняя школа сгорела, а начальная осталась. Ребят всех в школу, в возрасте с семи, восьми лет и до четырнадцати лет. Соответственно, на финском языке все учили. И право избрания веры: либо лютеранскую веру, уроки там, как говорят...

Закон Божий?

Закон Божий, да. Или церковь православная работала, в православную. Я, к примеру, избрал православную, ходил, там классы разделялись. Тут Слово Божие преподавал батюшка. В лютеранской на финском языке другой класс занимался. Ну, кто какую избрал. Ну, что еще сказать? Конечно, первый год голодный был. Ели и опилки, все, что хочешь. Сто пятьдесят да двести грамм – прожить трудно. А вот в школе, между прочим, порядок был. Ребят там, хоть и скудный обед, но каждый день обедом кормили в школе. Это помимо карточек. Вот это можно и теперешним нашим властям подумать. В то время война шла ведь, по сути дела враги ведь были – это все ведь оккупировано было, а обедом ребят обязательно. Там кусочек хлеба, и грибы, или картошка, или морковь. Ну, у них развито, часто *риуго*, так называемая – крутая закваска ржаной муки. И, соответственно, на уроках порядок. Муха пролетит, на уроке слышно будет! А таких особо – выселений, наказаний не было. То, что если заслужил, если ослушался, как у нас ведь сейчас кто-то сказал: «А пошел ты!» – тогда уже, если это сказал, или получил десять, пятнадцать, двадцать розог, или за второй, за третий раз могли и в концлагерь или куда отправить. Но таких мало было случаев. По-моему, к местному населению они относились довольно лояльно.

В общем, первый год очень трудно было. А второй год, когда уже стали заниматься хозяйством, картошку вырастили, хлеб какой-то, это уже подспорье было. Вот так, пришлось тут школу их окончить, шестой класс. Начальная школа – шесть классов считалась тогда. Еще они каждого проверили, где отцы, где сыновья, где служат или где в партизанах. Каждый

человек на учете у них был, но особого такого, как у немцев в западных районах было, такого злорадства не было. Заработали все школы, церкви заработали все. Правда, из приграничных, прифронтовых районов, там были выселены. Там двадцать три километра от Свири от Вознесенья шел фронт, там остановился. От нас шестьдесят километров. Вот в радиусе двадцати километров они людей выселили в деревни сюда поближе, в Каскесручей. А по Свири, с Матвеевой Сельги были больше выселены на Кушлегу, в Яшезеро.

Вы сказали, что в школе кормили детей. А когда работали на руинах, разбирали дома, выдавали питание?

Да, карточки были.

Еще что-то?

Кроме карточек ничего. Это в школе только. Нет, взрослым нет. Только школьникам, поддержать, видимо, или как. Вот это у них было.

Скажите, а обязанности разделялись на мужские или женские? Или женщины тоже выполняли мужскую работу?

Выполняли. Женщины тоже мужскую работу выполняли. Женщины, в основном, дорожные работы выполняли. Дороги привели они в порядок, у нас же и сейчас они в безобразном состоянии. И до войны так же было, асфальта-то не было. Вот эти все работы они вручную они выполняли. У каждого есть лошадь, так надо пятнадцать-двадцать дней отработать с лошадью да с лопатой. И женщинам, и мужчинам. Кто печники, строители – работали по специальности. Женщины вот тоже дрова пилили для этих учреждений, для школы, для штаба дрова тоже нужны были. Вот эти все руины надо было разобрать, развалить, погрузить, что-то копать. А весна пришла – на поле. На второй год надо уже землей было заниматься: свою картошку сажать, зерно выращивать. И общественные работы тоже надо не забывать было. Надо было в неделю день, два или три, каждая женщина должна была попилить дрова или такие работы.

Как воспитывали детей во время оккупации? Чем-то отличалось воспитание?

Воспитание какое, дисциплина. Я говорю, в школе на уроке дисциплина была: муха пролетит – слышно было. Если рука заходила не туда, куда надо, можно указкой получить, или за волосы, или в угол на коленки учительница может поставить. Туда гороху или еще что насыплет, вот стой

там на коленках. Если пререкание с учительницей – розги могут быть. Одну, две, три розги учительница тебе назначит, и вот директор осуществит это дело. Ну, что характерно еще у них? Зимой они ребят не заставляли работать, а спортом, лыжами [*заниматься*]. Каждый день ты должен был ходить. Такой порядок. Первый год-то не было этого. Первый год пока организация, да и лыж не было, а вот второй, третий год, три года тут прошло, так последние два года уже в четвертом, пятом, в шестом классе уже каждый ученик школы должен пройти пять-десять километров на лыжах. Или по лыжне, которая идет здесь, вокруг лыжня сделана, или в залестье проехать, отметить у старосты, что был там. Или в Горнее [*Шелтозеро*] проехать. Если сам любишь, то подальше, в Вехручей, семь километров. Туда и обратно, если хочешь, можешь пятнадцать километров проехать. Но все чтобы было без обмана. В этом отношении они заставляли в зимнее время ребят, чтобы они все время были в движении, чтобы не зря кормили.

Летом, я уже был в пятом классе, они привлекали на работы, в Вознесенье на переборку возили. Здесь привезут, по Свири нельзя было возить, а по Онежскому озеру они на баржах привозили картошку, и на переборку возили наших ребят. На оборонные работы не брали. На оборонные работы двадцать шестой год, двадцать пятый был призван, двадцать шестой, двадцать седьмой годы – эти были и часть уже переростков, которые уже двадцать восьмого года, уже в школу не подходили – вот на оборонных работах использовались, при постройке блиндажей и окопов. Не на самой прифронтовой [*линии*], за Свирью, а здесь, по эту сторону. Здесь строилась оборонительная линия, туда привлекались. А вот нас возили на переборку картошки. Заставляли шевелиться, одним словом. Человек у них должен был шевелиться, хлеб зря не давали. Карточка зря сидячему не давалась, разве что если старуха там не может двигаться. Все остальные должны были двигаться. Нет, так подметай улицу. То, что нужно сказать, так это порядок они навели, порядок они любили. Вот у нас сейчас сколько пожаров было – два, три, четыре года лежат руины не убраны, власти ничего не могут сделать, а у них все были бы убраны сразу. В первый же год все было снято, и следов не было никаких. У дома тоже, что был забор, что не было – грязи чтобы не было, чтобы помойка тут не валялась. Вот это было у них, в этом отношении строго было. Не знаю, может в других местах ... Видимо, сказывалась политика их, как говорят планы были первоначальные, особенно в первые два года – это говорят строительство Великой Финляндии. Да и карты были – по Свири, часть Вологодской области, Коми и до Урала – вот это все у них на картах была Великая Финляндия.

Ну, а потом уже когда конец 1943 года, уже стал Западный фронт немецкий трещать, поэтому и отношения стали меняться. А так здесь регулярных частей у нас не стояло, только выводили иногда с фронта после боев потрепанных. И больница здесь, это бывший райком партии был, госпиталь здесь был. Ну, легкораненых, выздоравливающих они возили. А здесь были тыловые части, по обеспечению. Дорожники, строители, которые оборонительные сооружения вдоль берега строили. Ну, эти дорожники да строители, даже оружия у них не было. У старших там было, а у солдат нет. Форма обыкновенная, но я не видел, чтобы у этих, которые на дороге, оружие [было]. Может быть, где-то были в пирамидах свои винтовки, а так вроде не видно у них было. У нас на второй да на третий год уже появились курицы, и мы яйца меняли на галеты и часто с этими финнами разговаривали. Так они все время говорили: «*Isät ja velit...* Ваши братья, отцы скоро вернутся вот сюда». Ну, у них ведь тоже было: коммунистов они на фронт не направляли в регулярные части. Вот всех социал-демократов, более такой ненадежный контингент – вот они в таких частях по поддержанию инфраструктуры.

Вы помните рецепты военного времени? Вот вы сказали: мука с опилками. Может, что-то еще в пищу употребляли?

Собирали все. Дудки¹, когда снег выпал, да иван-чай – эту траву всю подобрали. Это все сушили. Ну, тогда почти в каждом доме была ручная мельница, как камень. Сушишь, мелешь, туда вот березовых опилок. А откуда березовые опилки. Если здоровая рабочая сила и другой работы нет, они вот тебе привозят машину или воз березы, и на маленькие чурочки шлишь. Машины-то все были газгены, с самоварами². Останутся опилки, их все собираешь, сушишь и тоже пропускаешь [через мельницу]. Весной вот уже немножко стало [полегче]. Картошку стали старую [собирать]. Ведь часть колхозных полей была убрана, а часть осталась неубрана, и уже весной эту мерзлую картошку пришлось собирать. На двести грамм, сам посуду, сколько там прожить?

Скажите, пожалуйста, как проводили свободное время?

Ну, у ребят, если хозяйство было свое, если корова или лошадь была своя, надо было работать. А в остальном, если время свободное было, зимой лыжи, санки, летом в лапту или что там, если свободное время. А так, в основном, в сенокосную да весеннюю пору уже некогда, там уже

¹ Речь идет о растении борщевик, чьи стебли имеют форму трубок (дудок) и могут употребляться в пищу. – Прим. ред.

² Машины с газогенераторными двигателями, в которых в качестве топлива используются дрова. – Прим. ред.

работать надо, все время шевелиться. Когда в своем хозяйстве, там некогда делиться, какую работу ты можешь, какую не можешь. По силе и работа.

Устраивали ли какие-то посиделки или вечера те, кто был постарше?

Посиделки у них вообще были запрещены. Никаких танцев, никаких песнопений, никаких сборов. Запрещены были как для нашей молодежи, девчат да парней, так и для самих финнов. Чтобы этих развлекательных мероприятий не было. У них КПЗ было за речкой, они туда и своих сажали, и наших девок. Если увидели, что с финнами римшуют, гуляют или что – дорогая, давай туда, там сутки, двое, трое. Вот это они открыто на финском языке говорили: «Ваши братья, отцы там кровь проливают, а вы здесь начинаете разводить гулянья». В этом отношении у них все увеселительные мероприятия были запрещены. Вот в школе урок пения был во всех классах. Ну и, соответственно, когда уроки Закона Божьего... Там, где православные – я, к примеру, в православные записался – так надо было ходить на клирос в церковь, петь по воскресеньям. Вот тут пой, пожалуйста, веселись. Ну, там какое веселье – церковная музыка. А кто в лютеранской церкви – они в школе собирались. У них своя музыка, у них у каждого книжка своя, сидя они [*пели*]. У нас в православной церкви стоять надо было, у них сидя все, и у каждого памятка, молитвенник небольшой. Пастор там объявит, какой псалом петь, номер такой-то, а сам играет там, на органе, пианино там или рояль.

Вы отмечали праздники, например, религиозные?

Какие там религиозные праздники... Их праздников мы не знали, разница ведь в праздниках две недели. А сами по себе... Ну, вот сегодня Илья, Ильин день – если есть возможность, калитки испекут дома, или олашки, или что-то еще. Только так, а массово не бывает. Массово не было этого дела.

А финны свои обычаи и традиции прививали?

Нет, они для местного населения ни своих праздников, ничего не прививали. Они соблюдали то, что вот своя община – лютеране они, уже известны были тем, кто в группу записался, они уже знали, когда сборище, когда должна быть беседа или что. Ну, а православные – в субботу вечерня, так ходи в вечерню, если можешь. А в воскресенье так обязательно в церковь ходить. Если не был, к примеру, я, так батюшка на следующем уроке или у родителей спросит: «Почему Володька – или Ванька – не был? Почему не пустили, в чем дело?». А так они своих праздников никаких не прививали, не знаю, тем более государственных своих. Вот только то, что изу-

чать гимн финский, прославление флага, вот это каждый уже должен был знать.

Староста был назначен из местных жителей?

Да, из местных. В 1944 году в августе или в июле нас освободили. День или два прошло, может, три, ну, неделю, не больше. Из особого отдела приехали, он тут жил через дорогу, забрали, [на дом повесили] доску «Изменник родины». Увели, и дело с концом. Вот так. В некоторых деревнях тоже были взяты старосты, но те все вернулись, потому что их сам народ [отстоял]. Они были, как говорят, душевные. Был, например, Шишов Александр Михеевич, старик, так он говорил: «Бабки, бабки, работайте спокойно». Ведь финны не любили, чтобы сидели. Вот работаешь все время, чтобы шевелился. Этот: «Потихоньку, потихоньку, не торопитесь, работайте вот так, не надрывайтесь». А [шелтозерский] был – мог и палкой ударить, и оскорбить. [После освобождения], может, неделя прошла, всех прощупали, каждый свое сказал. Как он в 1941 году яму показал, где у нас был хлеб спрятан, так тоже ведь сказали это. А для других никаких оснований не нашли, полмесяца, кто месяц – и те старики вернулись. Староста [...] вот только в Розмеге был, он тоже был осужден на шесть или семь лет. Тоже не вернулся домой. А все остальные – с Докучаевской, Гамовские, Верховские старосты все вернулись и прожили свой век.

А еще кого-то забирали органы госбезопасности?

Наших? Наших нет. Да, не было таких, забирать-то некого. Потому что двадцать шестой, двадцать седьмой год сразу, как освободились, призвали в армию всех ребят. Двадцать восьмой, двадцать девятый год – я попал, к примеру, на курсы ветфельдшеров, а остальные все в ФЗО. Тут почистили моментально, тут некого, оставались одни шестидесяти, семидесятилетние старики и старухи. А забирать стали, когда были осуждены те, кто в подпольщиках год-два просидели, или военнопленные. Год или два разбирались, вроде вины-то нет – освобождали. Только приехал в деревню, наши особисты начинали по новой, и смотришь – шесть, восемь лет клеят, опять отправляют [за решетку]. Таких много случаев было. Потом уже после освобождения просто перестали приезжать на родину, потому что одного, второго забирают обратно. Вот пишет, к примеру, [человек] из лагеря: «Меня через полгода – или через месяц – освободят». Он был военнопленным или раненым, не все же виновные были, которые сдавались. А родные пишут: «Лучше не приезжай, лучше в какой-нибудь другой район, устраивайся на работу в леспромхоз, или на предприятие, а потом годы пройдут – вернешься». Несколько человек, которые вернулись, наши особисты обратно... Накопят материал. Работа их была такая,

сажать надо было, показать себя. А так на моей памяти не было, чтобы за политические дела садили. А мужики некоторые вернулись домой, а тут их еще раз наградили.

Вот я уже в 1956 году был председателем колхоза, в Горнем Шелтозере работал. Вернулся мужик, он отсидел восемь лет, до войны учителем работал. И его обратно трясти, Егор его звали. Он говорит: «Я ничего не знаю. Когда меня допрашивали, папироски в уши засунули, я все забыл. Я ничего не помню». Несколько раз приезжали, Тогда здесь у нас еще был Шелтозерский район. Но, в конце концов, пришли, я при этом был, и говорят: «Егор Николаевич, вот такое дело, мы больше тебя трогать не будем, но и чтобы ты в деревне ни к кому не лез» – «А я, – говорит, – ни к кому не лезу». Через тридцать километров на Свирь ходил за хлебом, воду ночью заносил домой. Действительно, видимо, ему досталось. У него до войны было училище окончено, он учителем работал. Это уже на моей памяти в 1956 году было. А после войны Кургановы, Чубуновы, Игнатовы – те, кто вернулись из плена, отсидели несколько лет, вернулись – и по новой. Вот так.

Скажите, а были какие-то конфликты между односельчанами во время оккупации?

Нет.

Дружно жили?

Конфликты не за что было вести. Какие конфликты? Конфликт мог бы быть, если бы пили или что-то там было. А закон-то сухой, твердый, и работай. Если увидели, что на кого-то матюгнулся, или не работал, или накричал на кого-то, и довели до коменданта, там он уже своей железной рукой быстренько расправится.

Во время оккупации создавались новые семьи и рождались дети?

Во время оккупации? Не на ком жениться-то было. Этот весь контингент, считай, до двадцать седьмого года был убран. Все мужчины, которые в возрасте плодоносящем, все были убраны. Я не знаю, может, в других деревнях и было такое. Ну, а после пятидесяти лет недееспособны, редко бывает иначе. Вот меня мать в сорок девять лет родила, так это очень редкий случай. Молодежь, которая осталась – парни, которые не были призваны, двадцать шестой и двадцать седьмой годы и выше, у них этих встреч между парнями и девками и не было. Могли на улице встретиться, а вечером все эти встречи были запрещены. Да и потом в то время идти

семнадцати, восемнадцатилетней девочке куда-то к парню, то это само по себе было уже... Это не теперешние времена. В то время блюли, как говорят, кодекс чести.

А девушки от финнов не рожали?

Ну, это на всю округу, если два, три случая было на моей памяти. И то старались, если могли, как наши пришли, то делали аборты, прятали детей. Я вот три случая-то знаю, пострадали эти девки, аборты были строжайше запрещены. А так тетя Настя [...] родила, было это в 1943 году. Миша был, остался от финна парень. Его потом все финном, финном называли, он запил, да повесился. Больше не было слышно. С абортами было три случая таких после оккупации. Это на слуху было, как наши пришли, так на сплав леса этих девчат. Ну, может быть, было и больше, у кого наружу не вышло. А у нас тогда уже стала служба слежения друг за другом работать. Это стало все выявляться. А тот, что родился, так единственный парень рос вот у нас в селе. Крепыш парень был, да что-то не сложилось, запил и повесился. Один Бог знает, что повлияло.

Спасибо!

Интервью с Валентиной Васильевной Харитоновой, 1929 г. р.

*Записал А. В. Голубев
с. Каскесручей, 19.03.2007 г.*

Расскажите, как для вас началась война.

Все стали эвакуироваться, мы тоже хотели эвакуироваться, но было не с кем и не на чем.

Вы жили здесь, в Каскесручье?

Да, родительский дом через дорогу. И когда война началась – куда нам уехать? Мне тринадцать лет было, молодые еще. Потом, во время оккупации, я три года училась в финской школе.

Какой была ваша семья на начало оккупации?

Я жила с мамой. Так-то у моей мамы было девять детей, но четверо умерли еще до меня, я их не знала. Пятеро осталось. Мне было три с половиной года, когда отец умер. Двух братьев забрали на войну, они пропали без вести. Старший брат он уже служил на Карельском перешейке во время финской войны. Тогда он вернулся живым, ему был двадцать один год. Эта война началась – а он уже хотел жениться, с девушкой дружил. Не успел, война началась, его забрали. Младшему брату было восемнадцать лет, его тоже забрали. Вот эти два брата пропали без вести. Третий брат был, двадцать пятого года, остался здесь, его во время войны в Финляндию увозили. Когда наши вернулись, его вернули обратно из Финляндии. Он вернулся, хотел идти учиться на музыканта, и ничего не вышло. Он работал на строительстве дороги где-то под Шелтозером, заболел двухсторонним воспалением легких и в марте 1947 года умер. Сестра в начале войны попала на оборонные работы. Она была замужем, у нее муж погиб в финскую войну, детей не осталось – и ее отправили на оборонные. Оттуда она уехала в эвакуацию. Потом, когда наши вернулись, сестра стала работать в северной экспедиции, по горам ходила, что-то искали, пробы какие-то брали.

То есть в оккупации из вашей семьи остались ваша мама, брат и вы?

Да.

Как финны заняли Каскесручей?

Мы очень боялись, пока их ждали. Думали, что финны убьют всех. Они едут, все на велосипедах: «Räivä, räivä!» [*фин. Добрый день*]. Здравуются с нами. Много их было – целая армия ехала туда, в Вознесенье. Ну и стали жить. Сначала втроем, потом брата в Финляндию увезли. Только когда наши прибыли, затребовали всех этих ребят, вот он и приехал домой.

Финны оставили в Каскесручье воинскую часть?

Да, здесь была воинская часть. У нас была церковь, она сгорела после войны, рядом с ней роща, там дома были. Там стояли финны.

Вам назначили старосту?

У нас старостой был дядя Никита [...], его наши, как приехали, увезли. Он все говорил, что здесь русских не будет, а потом его за это и забрали.

Он сам решил стать старосту или его назначили?

Я не знаю. Он-то нам ничего не делал. Потом, когда финны говорят, что надо мясо военным, у нас корову забрали, сказали, что яловая корова – а корова-то была отгулявшая, забили ее, говорили, что будем вам молоко давать, кефир или простоквашу. В общем, будем из магазина давать. У соседа тоже корову взяли, а потом его самого убило самолетом, причем наши же, русские, убили – летали самолеты, бомбили, а финны заставляли наших мужиков, несколько тут оставалось, лед рубить. Не знаю, для чего. Осколок попал и убил двоих.

Староста помогал финнам или больше за вас был?

Нам он ничем не помогал, послушный были финнам. После войны его за это и арестовали.

Он вернулся?

Нет, не вернулся. В Петрозаводске на улице Красной есть тюрьма, у меня рядом после войны сестра жила. Однажды рассказывала: «Иду, смотрю: дядя Никита копает там канаву. Я ему: "Здравствуйте", а там часовые говорят: "Женщина, не подходите, нельзя посторонним" – "А можно ли ему передать папиросы да покушать?"» Она же не знала, за что его посадили. Но больше его не видела ни разу.

Сколько вы ходили в финскую школу?

Три года.

Что вы помните про нее?

Финской грамоте. Сначала алфавит учили. Я читала да читала по-фински хорошо, а теперь вот забываю. Молитвы были. Пели – на рояле играли учитель, нужно было петь.

Учили девочек вышивать, готовить?

Да, мы шили передники. Столовая была, кормили там неплохо. К тому же мы ходили в воинскую часть, где стояли финны – они там варили мясо, мы с котелками ходили, просили, когда голодно было. Хотя поначалу напуганные были – мы же думали, вот, русские уехали, что же теперь будет... Но финны нас кормили, давали в магазине муку, сахар, конфеты.

Был в первый год голод?

В первое время было. А потом финны велели нам сеять рожь, овес, пшеницу...

Вам дали участок?

Да, финны всем давали. Лошадей давали, мама, правда, не взяла – мы не могли содержать.

Финны разделили между населением старые колхозные поля?

Да, наши для себя обрабатывали.

Финны забирали часть продукции?

Не помню уже. Сколько-то, что мы собрали, они взяли, наверно. Не все же нам давали. Но факт тот, что наши мамы сеяли, все надо было для себя делать.

То есть после первой зимы проблем с продуктами не было?

Не было. Кормили, что уж тут сказать.

Все три года оккупации вы учились в школе и не работали?

Летом мы сажали овощи для школы, ходили полоть. Там клубнику выращивали, морковь, почти все для столовой делали. Летом кушать-то надо, деньги, марки, нужны ведь – нас заставляли окопы копать за Второй Речкой.

А так у вас работали с пятнадцати лет?

С пятнадцати, иногда и с четырнадцати. Но я работала только летом, зимой в школу ходила.

Во сколько начиналась учеба?

С девяти, и шла долго, мы обедали в школе – там столовая была.

Чем вы по вечерам занимались?

Грядки садили да ухаживали. Финны в этом порядок любили, заставляли... Вот если это моя территория, то сколько есть места – чтобы дорога была чистая, под окнами было чисто, и часто проверяли – что вы садите да как выращиваете. Они очень строго держали нас. И каждый человек чего-то выращивал. А в Второй Речке, говорят, даже помидоры выращивали – был большой участок, и каждый человек туда ходил работать, чтобы помидоры выращивать. Зимой тоже что-то работали. Вышивали.

Ходили на танцы?

Боялись мы танцев. Если только в Новый год – закроемся дома у кого-нибудь с подружками, закроем все окна, чтобы света не было, иначе попало бы нам. И там выступаем. Кто постарше – так те на беседы собирались.

А мать как проводила свободное время?

Мать пряла. Половики ткали.

Как вашего брата увезли в Финляндию?

Он был на три года старше меня, поэтому он не учился. Сначала здесь еще взял его финский агроном, чтобы он готовил – брат очень хорошо язык понимал. Он еще с нами жил, только ходил туда работать. Немного поработал и потом их всех увезли – сначала они еще здесь работали, а потом их увезли в Финляндию. Зимой он отработал у агронома, потом лето и зиму

он работал здесь, а потом уже в Финляндию. Многих из молодежи увезли в Финляндию.

Их заставляли, или кто-то ехал добровольно?

Силой заставляли, кто бы добровольно поехал?

Кто-нибудь из ваших односельчан сотрудничал с финнами?

Тут партизаны-то приезжали, на лошади. Ведь Ваня [...] да Борис [...] после войны десять лет сидели. Они молодые были, узнали, что партизаны приехали, и финнам рассказали. Мужик-то на лошади был, ускакал. Вот потом Ваню [...] арестовали, он десять лет отсидел, потом приехал, в Шелтозере жил.

Финны поддерживали жесткую дисциплину?

Жесткую, не то, что теперь. Теперь безобразничают, как попало. Не хотят работать, не хотят учиться – ничего не хотят. А тогда очень строго было. Да и времени не было – придешь из школы, мама заставляет полы мыть, надо полоть, надо копать, все время что-то надо делать.

Кто-то из девушек выходил замуж за финнов?

Двое от нас уехали с финнами, там вышли замуж и стали жить. Молодые девчонки. Были и такие, что рожали от финнов. Двое или трое тут родили.

Они в Финляндию не уехали?

Нет, здесь жить остались.

Как к ним потом относились?

Не обижали их, с пониманием относились. У одной женщины трое детей уже было, без мужа она осталась – так здесь у нее от финна четвертый родился. Одна потом воспитывала.

Финны звали кого-нибудь в Финляндию, например, на курсы?

У нас во второй половине дома финка жила, учительница, так она моей матери все время говорила: «Отпусти Валю со мной, в Финляндию» – «Нет, не отпущу в Финляндию» – «Пусть хоть Финляндию посмотрит» – «Нет, не отпущу никуда». Да я и сама не хотела.

Кто-то еще уехал в Финляндию, кроме тех девушек?

Больше никого не было. Староста остался, арестовали его.

Много финны наставили мин?

Полно было, везде. Я сама минером работала. Мне в сорок четвертом году было пятнадцать лет, мне вручили повестку – нас в Шелтозере немножко учили, и мне шестнадцать исполнилось, как раз когда нас направили на работу. Сначала работала здесь. Везде, в каждой деревне полно мин было. Миноискатель был только один на взвод. Я ходила с деревянным щупом, а на конце, как у вил, такие острые зубцы.

Какие мины у вас были?

Были противопехотные, похожие на коробочки. Были противотанковые – большие, крупные. Были шрапнельные, в них триста штук шариков. Были мины с сюрпризами – завяжут дерево, одно и другое, и вот ищешь с щупом и не знаешь – в землю тыкать или вверх смотреть. Нам обычно дадут территорию, метров пятьсот – от столба до столба. Нашли мину, ставим флажок, что уже тут не боишься. Два года я так проработала.

Много из вашего взвода погибло?

Лиза из Шелтозера попала на мину при мне. Мы за Шокшей, за мостом работали – век такого не забудешь. Мы с ней пошли на работу, она говорит: «Я, Валя, плохой сон видела» – «А что?» – «А как будто я в каком-то стеклянном ящичке лежу». Я говорю: «Лиза, не ходи на работу». Вроде молодые были, ничего не страшно, а такое... Щербакова Клава погибла в Каккарове – там очень большое минное поле было. Ей оторвало ногу, в сердце осколок попал, он в Рыбреке в больнице от этих ранений скончалась. Ее хоронило очень много народа, военные в воздух стреляли, двенадцать человек, когда гроб в землю опускали. При мне трое погибло, раненых было много. В Каккарове женщина с ребенком пошли в хранилище за картошкой. Потом оказалось, что это сестра моего [будущего] свекра была. Они ведь откуда взяли – пошли картошки взять, открыли дверь. Взорвалось и убило их с ребенком. В Рыбреке убило какого-то дедушку, ногу ему оторвало.

Как отнеслись к вам те, кто вернулся из эвакуации?

Так что с нами сделаешь? Мы не виноваты – не на чем нам было эвакуироваться. Не притесняли нас, с голоду не дали умереть. Некоторым, может

быть, и не понравилось – так мы-то как могли выехать? Ни лошадей, ничего не было. Пешком же не пойдешь. Некоторые укоряли: «Вот, у финнов были». А теперь они сами в Финляндию ездят.

Как в целом вы можете охарактеризовать этот период в вашей жизни?

Видите, вепсы ведь родственники финнам, и язык у них схожий немножко. Русских, говорят, в лагеря увозили, а к нам хорошо относились.

Спасибо!

Интервью с Рюриком Петровичем Лониным, 1930 г. р.

Записал А. Ю. Осипов
с. Шелтозеро, 19.03.2007 г.

Расскажите, пожалуйста, как для вас началась война.

Когда война началась в 1941 г., мне было одиннадцать лет. Я ходил в школу, перешел в третий класс. Мы учились в третьем классе, и наша учительница Мария Ивановна нам объявляет: «Ребята, я вас отпускаю на каникулы». Ну, мы многие уже думали, что раз война идет, то закрывают школу. Потому что финны уже наступали. Ну, мы радостные были, ведь дети есть дети – на каникулы отпустили. И потом через некоторое время учительница наша эвакуировалась, она была коммунистка и боялась оставаться. И по радио тогда еще объявляли, что коммунистам надо выезжать в первую очередь, обязательно надо выезжать, потому что финны уже близко. Вот она была коммунистка – уехала. А нам, населению, выезжать было совершенно не на чем. Я родом из Каскесручья, родился, вырос там. И в колхозе было две или три лошади всего. Так что больше лошадей не было, а разве пешком туда пойдешь? И все население осталось в оккупации. Финны уже наступают, уже подошли к деревне, и несколько финских солдат подошли на велосипедах. Это, видимо, были разведчики. А мы в тот момент были на дороге, собирались к родственникам, к тете Кате Авдеевой собирались пойти. И они возле нас остановились, эти солдаты, и стали спрашивать: «Как вы живете в колхозах?». В общем, разное *[спрашивали]*. «Есть ли коммунисты в деревне?». Мы говорим, что нет коммунистов в деревне. А всего было два коммуниста в деревне – это Мария Ивановна и председатель сельского совета Полина Полина, забыл отчество, та тоже уехала. Ну и финны дальше уехали на велосипедах.

И потом я подумал, надо зайти в школу. Зайти – все ли в порядке там в школе. В школу прихожу, открываю двери. А раньше в школе был мел в кусках, не как у нас палочка, а кусками колотый. Ну и этот мел на пол просыпан, натопчен. Дверь открываю – парты кувырком. Я сразу подумал, что это не финны, потому что финнов еще не было. Это было до приезда велосипедистов. Еще не было финнов. И книги с учительской разбросаны. Ну, думаю, надо мне подобрать несколько учебников, домой взять на сохранность, а потом учительница вернется, я ей отдам. Ну, я стопку набрал, стал смотреть, какие книги – ну, все учебники школьные были. Домой приношу эти книги, мать стала на меня ругаться: «Зачем ты чужое берешь? Не надо трогать! Не твои, чужие книги» – «Я потом верну ей. Надо спасти книги, а то их могут выбросить, сжечь, когда финны придут».

Потом второй раз еще сходил за этими книгами, открою свою библиотечку домашнюю. И потом я, конечно, сделал полку в коридоре, у нас коридор был большой, и эти книги все на полку поставил.

Пошел я второй раз за книгами, а надо было через дорогу проходить домой. Школа стояла на самом берегу Онежского озера, а мы [жили] через дорогу Петрозаводск-Вознесенье. По той стороне дороги мы жили, на окраине. И иду уже с книгами, книг опять я подобрал стопку, сколько мог нести. И смотрю – уже пехота финская идет, наступает человек по пятьдесят. Колонны человек по пятьдесят. И думаю – перебежать, так ведь меня могут увидеть эти первые ряды, могут меня и застрелить. Страшно было. А там часовня стояла рядом с дорогой, разрушенная часовня. Не от бомбы, а просто так разрушенная, местные жители разрушили. Тогда ведь часовен не надо было. Я спрятался за часовню, думаю, как колонна первая пройдет, я перебегу через дорогу домой. И как колонна прошла, несколько метров уже прошли, только хотел перебежать, смотрю – еще колонна идет. Где-то столько же солдат. И опять стал ждать, когда пройдет эта колонна. И вот вспомнил, как сейчас помню, что надо было товарища своего Назарова Мишу попросить сходить за книгами, не так страшно бы было. Та колонна прошла, и потом, немного позже опять колонна появилась в деревне. Ну, тут я решил, пусть будет, что будет, пусть видят они, я все равно перебегу дорогу. Я дорогу перебежал, а финны совсем близко – смотрят на меня, никто и не придрался: куда идешь, что несешь и зачем тут ходишь. Только на меня поглядели, и я прошел домой.

А потом ими уже вскоре был комендант [назначен], и староста назначен из местных жителей. Пожилой мужчина из местных жителей, Никита. И комендант был уже, чисто комендант из Финляндии – угнетать деревни. И потом уже в сентябре месяце объявили, что все дети должны пойти в школу такого-то числа, все поголовно дети. Те, которые ходили в детские садики, перешли в первый класс. Собрались в школе, много было детей. Я как перешел в третий класс в русской школе, так меня в финской школе в третий класс и поставили. Не знал я финского, и надо было осваивать алфавит. Помню, на уроке чтения учительница попросила встать и читать из книги, и я вместо финской буквы «р» произнес русскую «р». Она говорит: «Садись, потом в учительскую придешь на перемене». Она меня хватает за руку и ведет в другое здание школы, в первый класс. Потому что я учился в третьем классе и не знал даже букв. И меня держали в первом классе две недели, а потом уже освоил финский алфавит, и меня обратно в свой третий класс перевели. У финнов школа была очень строгая, за малейшую провинность наказывали. За партами нужно было руки складывать так: пальцы накрест, сидеть и слушать. Если повернешься или пошепчешься с учеником, так учитель, Микко его звали, хорошо

помню, на уроке географии показывал у доски указкой, ну я тут с соседкой пошептался, рядом сидевшей со мной девчонкой. Он увидел, с палкой это приходит ко мне, и сначала мне по голове, а палки были длинные, длиннее этого стола [*около метра*]. А потом ей по голове. Причем стукнул палкой по голове, так искры посыпались из глаз. Ведь мог бы расколоть череп. Надо было сидеть спокойно и слушать. Это по школе.

Ну и потом финских денег не было, ни у кого совершенно не было финских денег. Их не видели – даже какие деньги-то. И открыли магазин. Всем жителям дали талоны на продукты, и по этим талонам надо было покупать масло на продукты, муку, крупу, в общем, необходимые товары. Хлеба буханок в магазине не было, а сами должны были печь хлеб. Ну, и помню, еще подъехала грузовая машина финская с полным кузовом муки в мешках. И поскольку денег нет, и талоны имеются у каждого, а покупать не можем, то коменданту был дан указ, чтобы муку возить по деревням. И раздавали по ковшам. По одному ковшику на человека, а нас было трое с матерью: мать, мой младший брат и я. А потом, деньги-то нужны были, так многие женщины меняли свои украшения из полотна, эти свадебные платки, шарфы на деньги. Финским солдатам продавали, а они своим женам или кому там отправляли. И продавали яйца, у каждого были куры. За это уже давали деньги. Еще помню, что наш дом был двухэтажный, а детей было очень много, и тогда финны открыли вторую школу, [*которую*] поместили к нам наверх. Там моя мать работала уборщицей, и какие-то деньги стала получать. Но голода не было, потому что был скот, коровы были почти у каждого в хозяйстве, овцы, куры. Голода мы не видели. Вот после войны уже, когда обратно наши русские пришли [*неразборчиво*], мало давали нам по карточкам, был у некоторых голод. Финнов все считали врагами, но голода не было. Сажали картошку. Колхозы все были ликвидированы, и колхозная земля была роздана частным хозяйствам. Частники сажали для себя и рожь, и овес. Ну, работы было очень много, самим питаться и жить – работы было много.

Финны организовывали работу для местных жителей?

Была организована работа у финнов в Вознесенье. В Вознесенье пустили на автомашинах – а Вознесенье в тридцати километрах от Каскесручья, так вот сажали на автомашины, большие были машины, и везли в Вознесенье, там они строили укрепления. Финны строили макеты небольших танков. Рубили лес, очищали дороги – за это им платили. Набирали взрослых, но не насильно, а просто, кто желал там поработать. В Вознесенье было завербовано много молодежи из Карелии, от нас и ото всей Карелии. А потом, когда наши советские войска стали возвращаться, финны всю эту молодежь увезли в Финляндию. В лагеря увезли. Финны хотели, чтобы,

конечно, вся эта молодежь осталась в Финляндии и работала там. Но потом наше советское посольство требовало, чтобы все, кто попал в плен, вернуть обратно.

Много ли здесь оставалось мужчин во время войны?

В Каскесручье, помню, было двое трудоспособные мужчин. Как они оказались на месте – не знаю. Остальные были престарелые мужчины и женщины и дети. Мужчин не было.

А женщины выполняли мужскую работу?

Ну, они чаще очищали дороги, канавы для оттока воды с дороги. А так не было других работ никаких.

Вы помните, что собой представляло финское начальство?

Можно сказать, что если ты не провинишься никак, то они не обижали население. Вот в 1944 году дом двухэтажный от шалости детей сгорел. Остались без крыши пять семей. Так комендант подыскал всем квартиры. А когда мой отец вернулся из эвакуации в 1944 г., то они с матерью сразу купили квартиру. Картошки было много у них, продали картошки, и денег набралось. Теперь этот дом недавно продали.

Как воспитывали детей во время оккупации? Воспитание отличалось чем-то от довоенного или нет?

Не отличалось. Также мы и жили. Как до войны, так и во время войны. Правда, финны брали в школу с шести лет. И мой брат пошел в школу в первый класс в шесть лет.

А в школе были какие-то новые предметы?

Новые предметы? Была только религия.

А остальное все то же самое?

То же самое.

Вам пришлось столкнуться с рецептами военного времени? Может быть, что-то добавляли в пищу?

Нет, не было. С продуктами было нормально, Нормально кушали. Все хозяйство было свое.

(реплика жены) У них все свое хозяйство было, куры, овцы.

Как вы проводили свободное время?

Играли в разные игры. В карты, в дурака, в прятки. Летом на озеро купаться ходили, озеро рядом.

Молодежь устраивала вечера или посиделки?

Посиделки были в зимнее время. Женщины ходили по очереди в один дом, второй дом. И с прялками ходили, уже тогда редко кто вышивал, пряли пряжу.

(реплика жены) Молодежь-то, скажи, на танцы ходили, с финнами танцевали.

Ну, запрещали это. Рассказывали, что [*во время войны*] наш [*будущий*] дом пустовал, поэтому-то родители после войны его и купили. Так вот, в том доме молодежь устроила танцы. Комендант узнал об этом и наказал. Была привезена колючая проволока, из которой забор был вокруг комендатуры. Так вот и столбики привезли, и колючую проволоку привезли, и заставили построить забор из колючей проволоки. Не разрешали. И даже в том доме, потом разговор был, когда были танцы, в деревне были партизаны, двое или трое. И они сидели в подвале. И значит, музыка играет, без музыки танцев не бывает, а в подвал дверца была из коридора, и они там сидели. И они будто бы хотели взорвать этот дом вместе с танцорами и финскими солдатами. Но потом говорили, что будто бы один из них сказал, мы пожалели одну девушку. Была очень красивая девушка в том доме, и пожалели только ее. Но я думаю, что пожалели не только ее, куда бы они ушли, если бы взорвали. Они бы сами себя взорвали вместе с ними. И за себя тоже боялись они, ведь финнов вокруг много было.

Скажите, а какие праздники вы отмечали во время оккупации?

Ну, отмечали только религиозные праздники. Они пришли осенью, а весной – Первое мая. Но Первое мая никто не отмечал, не было [*у финнов*] такого праздника, и чтобы никто не отмечал, они устроили уборку на кладбище. Все население вышло на кладбище со своими ведрами, метелками и подметали могилы. Потом этот мусор выносили и сжигали, чтобы не праздновали Первое мая.

Были православные праздники?

У них – католические, у нас были свои, православные. И они не запрещали эти праздники праздновать.

А как их праздновали?

Хозяйки дома настряпают пирогов, калиток. Конечно, без водки. И водки в магазинах не было вообще, три года не было водки. У нас был один пьяница старик, так он одеколон покупал, водки вообще не было.

Женщины на праздники украшали дом или сами одевались нарядно?

Да, нет. Как всегда одевались, специально не одевались.

Чем занимался ваш староста?

Он наряды давал для рабочих. Я вот знаю, что на берегу озера затаривали лед для морозильников. И было там двое мужчин трудоспособных, и староста их направил, а старосте уже комендант давал наряды. И при заготовке льда прилетел самолет, русский самолет, советский, и бомбу забросил на них. Летчик подумал, наверное, что финны там работают. И они погибли от бомбы. Потом их хоронили, нас всех в школе выстроили на улице по классам, и чтобы все были на похоронах. Народу было на похоронах... Поп пришел, церковь была открыта. На кладбище возле могилы поп молитвы пропел перед покойниками. Их двоих опустили в яму, для двоих была яма широкая выкопана. Первое время часто бомбили, особенно те деревни, которые находились вдоль центральной дороги. С озера с пароходов, с орудий [*стреляли*]. Мы с матерью пошли копать картошку на поле в середине дня, и начали бомбить с озера. И такие красные шары летели, и больше всего снаряды рвались за деревней. С парохода думали, что деревня очень разбросанная, большая деревня. И ночью тоже и с пароходов, и с самолетов. Как услышишь гул самолета, так бежишь домой, куда-нибудь спрячешься, потому что сейчас начнут бомбить. А бомбили наши советские войска по финнам. Они, конечно, считали, что там стояли финны. И из-за финнов наше население и страдало. В школе учишься на уроке, и были выкопаны окопы. Комендант дал распоряжение жителям, чтобы выкопали около своих домов окопы. У нас был выкопан окоп буквой «К», моя мать, помню, тоже помогала копать. И мы в этом окопе ни разу не были. А когда начинали бомбить, мы с братом, у нас была старая русская печь, мы за печью [*прятались*]. Ну, конечно, в печку попало бы, все бы взорвало. Так туда прятались. Ночью начнут стрелять, мать нас уже будит: «Давай, давай, за печку». Хоть от осколка укрытие. Одно время

весь месяц почти каждый день стреляли. Одна бомба упала рядом с домом, а там береза стояла. Толстая береза стояла. И около этой березы бомба упала, и на березе, мы потом посмотрели, такой шрам, и стекла выбило в доме. Я уже говорил про Авдееву, у них тоже возле дома был окоп изготовлен, небольшой, для членов семьи только. И потом хозяйка рассказывает: «Начали бомбить, так мы в окоп побежали и спрятались там. Рядом с окопом снаряд упал, такую вот воронку [образовал], случайно остались живы». Первое время страшно было, а потом фронт уже перешел за реку Свирь, за Вознесенье, тогда уже стало спокойнее. А так боялись, что самолеты прилетят, наши же самолеты. Наших самолетов надо было бояться. Ведь вражеские войска надо было бомбить, а не местное население.

Скажите, а финны пытались распространять какие-то свои обычаи?

Финны считали себя освободителями. В своей книжке¹ я пишу, что финны считали себя освободителями, вепсы и карелы относятся к финскому племени, что мол, вепсы – их народ. Поэтому-то и не обижали так, обижали только, когда провинишься, тогда давали страсти. А в столовых кормили бесплатно, все школьные принадлежности, все учебники были бесплатные.

Вы сказали, что финны могли наказывать за провинности. Отличались ли наказания для мужчин и для женщин?

А вот не знаю.

(реплика жены) У вас в классе девочки-то были, так как наказывали?

Я рассказывал, что у нас в классе была Харитоновна Валя, мне попало указкой по голове, и ей тоже заодно. В общем, не различали, девушка или парень. Вот я хотел сам сказать, [знакомый респондента] был на [праздновании] восьмидесятилетия Карелии, так он рассказывал про школу в Рыбреке. Он тоже был в оккупации в Рыбреке, и пошел дров рубить для себя. Привез дров полный воз одной березы на лошади. И потом за эту березу его розгами побили. Спросили: «Кто привез березу?» Мол, березу нельзя рубить, береза – ценная порода дерева, рубить нельзя на дрова. Он рассказывал – его привязали к скамейке, ноги и руки, и по спине чем-то били. Так вот наказали. У нас ведь такая привычка – не различали дерево, какое лучше, такое и рубили. Это вот до войны было, да и теперь тоже не следят. А как во время войны стали рубить березу, так сразу наказали за это.

¹ Лонин Р. П. Детство, опаленное войной. – Петрозаводск: Verso, 2004.

Скажите, во время оккупации появлялись ли новые семьи, заключались ли браки?

Браки заключались. Вот умерла уже Шура [...], во время войны она вышла замуж, в церкви венчались.

Отец вернулся из эвакуации после войны, [*рассказывал, что*] еще бы год, и все. Он рассказывал, что сто грамм хлеба получал. Мать на лесозаготовку была отправлена. И он больной, мы малыши такие. Но потом ей удалось уйти с лесозаготовок как-то, и она домой пришла.

Во время оккупации рождались дети?

Рожали, да. Вот старосты дочь родила от финна даже двоих. Были такие женщины в деревнях, может, еще, кто и рожал, я не знаю. Такие случаи в деревнях были.

(реплика жены) Да было и здесь, в Шелтозере, гуляли девки с финнами.

Некоторые были даже замужем, мужья на фронте, а они с финнами гуляли.

А что было с этими девушками и детьми потом?

Здесь же оставались.

(реплика жены) Некоторые-то уезжали в Финляндию, взяли финны их с собой.

Были случаи, что и уезжали. У Насти Мелеховой сестра в Верховье, когда финны ушли, она в Финляндию переехала.

(реплика жены) Уехало много девушек туда, у нас тоже родственница уехала. Там в Финляндии у нее уже шесть или семь детей было.

Скажите, а когда финны уходили, они оставляли мины?

При их уходе весь Шелтозерский район был заминирован, чтобы задержать наступление советских войск и чтобы вывести в Финляндию обратно все, что было сюда привезено. Задерживали наступление. В нашей школе даже парты забрали, которые из Финляндии были привезены. Хорошие парты были, увезли их обратно. Я вернусь немного к школе. У школы

тоже был выкопан окоп, и вдруг во время урока бомбить стали. И нас всех учительница отпустила домой. Я прибегаю домой, и мать испугалась, говорит: «Только пошла картошку взять на ужин из подвала и бомбить стали, чугунок из рук вывалился». И раз еще мать поехала дров заготавливать в лес для себя, и вдруг треск такой, стучаться стали в двери. Я открываю, вернее, выхожу в коридор, и матери голос: «Открывай скорее!». Я говорю: «Мама, труба упала на чердаке». А труба была длинная. А она говорит: «Нет, не труба упала, бомбят, открывай скорее». Я дверь сразу открыл, мать сразу в дом, а лошадь-то испугалась, так она на дыбы встала и стоит на дыбах. Было, мы страсти видели в первый месяц. А потом уже не бомбили, ничего.

Скажите, а то, что вы были в оккупации, повлияло потом на вашу жизнь?

Не знаю, вроде бы нет. После освобождения я пошел в школу в Рыбреку, учиться дальше, в пятый класс. В Рыбреке один год проучился и уехал в Петрозаводск в ремесленное училище. Мне мой брат старший посоветовал: «Давай, давай. Я работал на Онегзаводе. И специальность у тебя будет». Я согласился, там общежитие было на Калинина, там, где высокие дома напротив Онегзавода. Там проучился два года и на экзамене получил пятый разряд слесаря. Меня в Онегзавод позвали на работу, я четыре года проработал на Онегзаводе, потом меня в армию взяли. Более трех лет служил в армии. Так что на дальнейшую жизнь не повлияло. А после войны колхозы восстановили, и работали в колхозах женщины бесплатно.

Те, кто вернулся из эвакуации, нормально относились к тем, кто жил в оккупации?

Первое время пренебрегали теми, кто был в оккупации. Ну, ехать-то было не на чем. По радио объявили, что все, мол, уезжайте, финны уже близко, в деревнях уже финны, груди у женщин обрезают. [*На самом деле*] такого не было, не слышно было. Моя мать говорила: «Ну, как ехать? Сейчас схожу за стенку к соседям, уедут ли они?» А на той половине жил сосед и говорит: «Никуда не уеду. И скот на дворе, и корова, куры, куда все оставляю? Пусть финны придут, даже если убьют, так я не уйду из дома». И потом к соседям она побежала, что, мол, уедут ли. И они говорят: «Не уедем никуда». Все население осталось. Были случаи, что прятали в ямах кое-какое имущество на случай, если придется уехать или разбомбят дом. Так что имущество надо было раскопать снова: швейную машинку туда положили, какой-то обуви, и прикрыли досками, еще сверху землей. Ведь после войны было уже такое сделано постановление: всех, кто попал в Финляндию, возвращать обратно. Это через посольство наши

заставили всех вернуться обратно. И вот случай я знаю, была Валя Назарова, стала учиться в Финляндии по желанию. Кто желал, мог ехать на учительские курсы. И она вернулась и после этого здесь преподавала в школе, в Кварцитном.

То есть не было последствий со стороны органов безопасности, что она была на этих курсах?

Нет, не было ничего. В Финляндии она проучилась на преподавателя финского языка, а уже здесь она преподавала русский язык.

Вы помните, в школе были уроки труда?

Были.

Чему там учили?

Девочек учили вышивать, а нас, парней, учили столярничать. Были привезены навесные столярные станки, они были в том же доме, где столовая, и они висели на стенах, на петлях, чтобы можно было поднимать. Как только обед, значит, перед обедом эти станки поднимают. Два что ли урока труда было, и учитель спрашивала, кто сегодня желает сделать для дома и что. Я однажды сказал: «Я изготовил бы грабли». Грабли-то всегда были нужны: скот, для сенокосов. Она мне говорит: «Давай я начерчу чертеж, какой фасон у грабель. Есть ли дома палка для грабель?» Я говорю: «Может быть, и есть» – «Сбегай, принеси палку, и по моему чертежу будешь делать грабли». Я изготовил, сделал грабли и домой отдал эти грабли. Кто поварешки, кто что делал, разное.

Спасибо!

Интервью с Тойво Иосифовичем Вяйзьяненем, 1934 г. р.

Записал А. В. Голубев
г. Петрозаводск, 24.04.2007 г.

Расскажите, как для вас началась финская оккупация.

Я оказался на оккупированной финнами территории, в Пряжинском – тогда в Ведлозерском – районе, глахая деревушка Пихтолахта. Сейчас ее уже нет. На шоссе Петрозаводск-Сортавала есть населенный пункт Юргелица, оттуда идет дорога на север, и через семнадцать километров и находится эта деревушка. Финны оккупировали нас уже в августе, и к ноябрю уже начали создавать свои школы. *Kansakoulu*, то есть народная школа, обычная начальная школа. Мне в октябре 1941 г. исполнилось семь лет, и я оказался в первом классе. Они обращали большое внимание на то, чтобы в этих деревнях, где оказалось местное население и где были дети школьного возраста, чтобы их всех привлечь в школу. Поскольку учителей не хватало, они брали мужчин-учителей с линии фронта преподавателями и директорами в эти школы. Естественно, из Финляндии привезли женщин, своих жен – если у них были жены, а они, как правило, все были женаты. В ноябре наша школа уже развернула работу. Там было четыре класса, помимо того, были подростки пятнадцати-семнадцати лет, которые еще не были призваны в Советскую армию. Таких ребят было не очень много, но для них тоже организовали *kansakoulu* [фин. народная школа] или *jatkakoulu* [фин. старшие классы] – дополнительное обучение после окончания учебного дня, специальные занятия. Их программу я не знаю. У нас программа была обычная. Нас учили – поскольку я еще в школу не ходил – с первого класса начали учить финской грамоте: читать и писать. Нас учила женщина, а в третьем и четвертом классе занятия вел мужчина. Первые мои учителя были: Эрки Симайоки – он вел занятия в старших классах, [попал в школу] прямо с линии фронта, такой боевой офицер, и его жена Валма Симайоки. Она вела занятия у нас в первом классе. Писать, читать, ручной труд – на нем мы шили из тряпок обувь, подошву подшивали, простегивали, потом на колодки – специально были привезены колодки разного размера из Финляндии. Наверх натягивали и пришивали их к пристеганной подошве. Таким образом был ручной труд. Там же делали разные поделки из бумаги, из тряпок, для украшения елки, к праздникам, соответственно, и так далее. Каждое занятие в школе начиналось с утренней молитвы. Была доставлена в нашу школу физгармония, на ней умела играть как Валма Симайоки, так и сам Эрки.

Это было перед занятиями?

Да, перед занятиями. Внутри, в классном помещении.

У всех классов одновременно или в каждом по отдельности?

Бывало, что вместе собирали. Исполняли религиозные вирши, потом один из преподавателей читал коротенькую молитву – минут десять, не больше – и потом заканчивалось опять-таки пением духовных песен. Предметы, которые нам преподавали: родной язык, то есть финский, поскольку учителя других языков не знали, затем арифметика, обязательно ручной труд, обязательно пение и физкультура. Это были основные предметы и в первом, и во втором классе. Учебный день длился так: в день было четыре урока, между вторым и третьим уроком был горячий бесплатный обед. Был специальный повар, который готовил этот обед, и мы ели его под строгим наблюдением преподавателя. Обычно мужчина следил за этим, причем разносил еще витамины из хвойного экстракта. Заставлял, чтобы каждый выпил по ложечке перед обедом.

Он следил за тем, чтобы вы все съели или чтобы дети друг у друга не отбирали?

Нет, он следил за тем, чтобы мы ели. Отбирать друг у друга – такой проблемы не было. Потом, когда на 1942/43 учебный год пришел другой состав учителей, там следили очень строго за тем, чтобы с картошки не очищали кожуру. Чтобы ели в мундире – это было строго. Чтобы сохранить витамины и другие полезные вещества, которые содержатся в кожуре. Еще о нашей учебе – оценки выставлялись от одного до десяти, была такая балльная система. Учебный год делился на два периода: осенне-зимний и весенний период. Как правило, в середине мая учебный год заканчивался и начинался в сентябре. Только первый год начался в ноябре. Особое внимание уделяли физическому развитию. Для этого были привезены лыжи и бесплатно на уроки физкультуры в зимнее время ученики могли подбирать себе лыжи и кататься на них. По ручному труду в первом классе делали поделки из бумаги и тряпок, а с третьего класса мы уже учились использовать молоток, ручную пилу, лично я запомнил, как приготовил вешалку. Обычную, простую вешалку – мне учитель дал березовое полено и все инструменты: топор, различные рубанки, наждак и прочее. Для этого был привезен столярный станок, на нем обрабатывали дерево.

Чем девочки занимались на уроках труда?

У девочек было шитье со второго-третьего класса.

То есть первый класс вы занимались вместе, а потом вас разделили?

Да. Уроков не больше пяти, обычно три. С третьего класса, если я правильно помню, изучали историю Библии. Каждый день, и на каждый день из этого учебника две-три страницы нужно было сдавать наизусть. Если не знал наизусть – а учитель успевал почти всех проверить – учитель оставлял после уроков. Пока не выучишь, никуда не уйдешь.

За что были наказания?

Физических наказаний особых не было, но если совершишь какой-нибудь проступок, то наказание следовало. Например, поздняя осень. Озера начинают замерзать. Чтобы не было несчастных случаев, чтобы раньше времени дети не ходили на лед, учитель строго-настрого приказал: «На лед не ходить, пока я не разрешу». Ну как так! Школа на самом берегу, утром попробовать хочется – как там лед, окреп или нет? Я полез с товарищем. Чуть-чуть, только по бережку, носком пробовал, даже не вставая на лед. Сумерки были, но учитель это заметил. Утренняя молитва прошла, начинаются уроки. «Были на льду?» – «Были» – «Идите сюда». В углу класса всегда была пачка ивовых прутьев, которые специально собирали для лыжных фабрик в Финляндии – из этих прутьев делали кольца для лыжных палок. Толщина палочек примерно с палец, мы сами их собирали, вырубали. Он достает из этой пачки прут и по одному удару за нарушению дисциплины. Больше такой строгости я не помню, но это было.

С оставанием детей возникали проблемы?

Просто оставляли после уроков. А так смотрели на это сквозь пальцы. Считалось, что не каждый способен усвоить программу. Снисхождения были, в принципе. Единственное – по истории Библии урок надо было выучить наизусть каждый день.

Проходили историю Финляндии?

Очень коротко. Историю, географию – этого больше было в третьем, четвертом классе, но я успел только третий класс окончить. Кроме того, готовилась вся школа, все дети, к праздникам. К Рождеству, в первую очередь. Готовили большую детскую программу: рождественские песни, обычно приглашалась на этот праздник вся деревня, дети пели и читали стихи. Пели рождественские песенки и читали стихи тоже на рождественскую тему. Что мне сейчас вспоминается, на что я в школе особого внимания не обращал, это касается общей художественной литературы. Не было даже обычных сказок. Может быть, что-то и было, но что-то немного.

Больше всего обращалось внимания на труд, на физкультуру, на пение. Распевали и разучивали рождественские, другие духовные песни под аккомпанемент преподавателя.

Именно духовные?

Духовные и некоторые детские.

Патриотические были?

Только гимн [*Финляндии*]. Учитель садился за физгармонию, у него самого не было певческого голоса, но он наигрывал мотив, давал знак, чтобы мы исполняли, и дети пели.

Что из себя представляло здание школы?

Обычный деревенский дом. В одной половине наверху жили мы с мамой, дядей, которому было шестнадцать лет, и бабушкой. Низ был разделен на две части, в одной – первый и второй класс, в другой – третий и четвертый. Занятия одновременно.

Там же была школа и до войны?

Да.

Вы не знаете судьбу советских учебников? Финны избавились от них?

Я не помню.

А портреты? В школе висели портреты вождей?

В нашей школе мало что было, но что было – с обоями было туго, и обычно стены были оклеены газетами с портретами Сталина, Молотова, других вождей. Конечно, они в первую очередь, еще когда пришли самые первые финские войска – разведывательный дозор – они уже начали срывать. Учителя потом заставили все это оклеить обоями.

Как пришли финны?

Советские войска через нашу деревню даже не проходили, они отступали по дороге Сортавала-Петрозаводск. Другая колонна наших войска шла из Суоярви на Петрозаводск. Наша деревня была между ними, по нашей

проселочной дороге можно было проехать только на телеге, а иногда даже только верхом.

Кто-то эвакуировался из вашей деревни?

Мы не успели. Мы застряли в лесу, пока добирались. Успели отъехать только на три километра, остановились ночевать, а утром парни, которым было пятнадцать-семнадцать лет, поехали в сельский совет узнавать, какая обстановка. Там им сказали, что пусть возвращаются. Дороги уже перерезаны, пути отхода отрезаны. Из деревни успели только вывезти колхозный скот, а также доярок и скотников. И все. Еще лошадей – там немного осталось лошадей.

Поля пожгли или оставили?

Поля не успели сжечь. Финны распределили поля между жителями, и они собирали там урожай. Потом семьям финны раздали определенные участки земли для обработки, и мы сами обрабатывали. У нашей семьи было полтора гектара, я помню.

Что представляла собой ваша деревня и ваша семья на момент оккупации?

В деревне было где-то двенадцать домов, из мужского населения – только старики и дети да еще подростки. Из молодых женщин тоже все почти ушли с колхозным скотом. Тетка моя, в частности, оказалась в Беломорске. Я остался с матерью, с бабушкой – мамина мама, и с дядей, младшим братом матери, ему было пятнадцать лет. Вчетвером остались. И нам потом на четверых дали полтора гектара [земли].

То есть получается, что в первый год вы не голодали, так как между вами распределили колхозные поля?

Мы не голодали ни в первый год, ни во второй, ни в третий, и еще запасы зерновых остались до сорок шестого. Впервые нас голод застал весной сорок седьмого года. А так жили на своем.

Финны вам выдавали какие-то продукты?

Финны выдавали сахар или сахарин, масло – бабушка шибко удивлялась, говорила: «Дураки они, что ли: у нас две коровы на четверых». У бабушки была корова, она отдельно считалась с сыном, и у нас. «Неужели с двух коров не хватает масла на нашу семью?» Они давали карточки. Но они за-

ставляли сдавать оккупационным властям мясо того скота, который был предназначен на убой. Например, от поросенка хозяин мог оставить себе только ноги, голову, потроха – а тушу надо было сдать на мясопоставку.

Кто был старостой?

Местный, из своих. Он тысяча девятисотого или девятьсот первого года, поэтому не попал под мобилизацию в сорок первом году.

Он сам изъявил желание или его назначили?

Нет, назначили. Он вел себя очень лояльно, корректно, и его после войны даже не трогали.

Деревня была карельская?

Вся карельская. В зимний период – у нас была одна деревня, по соседству была еще одна, шесть или семь домов, метров восемьсот от нас, и на зимнее время финны выставляли кордон из восьми, десяти или двенадцати солдат – не больше. Этот кордон обставлял контрольную лыжню вокруг деревни и ежедневно совершал обход по лыжне с тем, чтобы выявить возможных нарушителей. Таковых не было выявлено в зимнее время, ну а летом они солдат убирали, потому что контрольную лыжню не поставишь, и держать его там бессмысленно.

На каких работах было занято население вашей деревни?

Только на своих собственных.

Работал кто-нибудь на финнов?

На финнов работало, может быть, три или четыре человека с лошадьми. Они ездили в зимнее время на вывозку леса в район Кутижмы. Им за это платили, но это длилось месяца три всего, пока зимники стояли.

Финны использовали на работах подростков, когда тем исполнялось пятнадцать лет? Забирали кого-нибудь?

Нет, у нас не было. Я знаю, что в других деревнях отправляли работать в Видлицу и еще куда-то. Уголь жгли из березы, но у нас не было такого. Мало народу-то было, таких парней пятнадцати-шестнадцати лет было всего три или четыре. Вот они на лошадях ездили на лесозаготовки. Из других деревень назначали на работы, они там тоже деньги получали.

Солдаты в вашей деревне стояли только в течение зимнего времени?

Да. Был один свободный дом, они там жили.

Были какие-то особые рецепты в то время, или вы как питались до войны, так и продолжали питаться?

Да, собственно, все то же самое.

Суррогаты не пришлось употреблять?

Почти нет, разве что сахарин, да и то в первый лишь период.

Как население проводило свободное время?

Молодежь – ее было немного, правда – собиралась на беседы в каком-нибудь доме, там посиделки. Брали с собой прялки, чтобы не впустую сидеть и разговаривать, а полезное дело делать.

То есть как до войны?

Да. Выращивали лен, коноплю, из этого делали себе одежду. Ткали.

Финны организовывали еще какие-либо праздники кроме школьных?

Собирали всю деревню в День независимости, 6 декабря, в школу и с помощью ребят организовывали культурную программу. Собственно, пожалуй, и все. Отмечались религиозные праздники – Пасха, Рождество.

Деревня была православной?

Деревня была православная, и в сорок первом году приходили в нашу деревню православный священник и священник-лютеранин и всех некрещеных детей и подростков крестили. Я оказался лютеранином, поскольку мой отец – ингерманландский финн, и с маминой стороны бабушка лютеранка, дедушка тоже был лютеранин, выходец из-под Куопио.

Заставляли переходить в лютеранство тех, кто был православным?

Нет, не заставляли. Был православный священник. Финские православные священники были, в основном, все выходцы из Валаамского монастыря.

Кто-то из деревенских сотрудничал с финскими властями?

Нет. У нас никто не оказался репрессированным потом за это. Не было. А вот в восьми километрах от нас к нашим родственникам пришли партизаны, и те их выдали. Потом двоих за предательство расстреляли. Сам же из родственников рассказал, потому что если бы не наши, финны бы расстреляли. И так, и так... В общем, оказался человек меж двух огней.

Финны пытались привить какие-то обычаи?

В школе учили – девочек реверансы, мальчиков – кивок и каблуками ударить вместе.

В хозяйстве финны пытались привить какие-либо нововведения?

Единственное, что были рекомендации по использованию минеральных удобрений, но они так и остались рекомендациями, поскольку у нас был скот и мы использовали навоз.

К вам в деревню приезжали финны кроме военных? Например, для пропаганды?

Нет, не было.

Местное население как-то пыталось сопротивляться финскому режиму?

Как-то финны жили сами по себе, мы жили сами по себе. Так, само по себе, все это и шло. Детям организовывали для всего Ведлозерского кушта детский лагерь в районе Крошнозера. Там были большие поля – до войны был совхоз или колхоз, и эти поля были засеяны и урожай шел для обеспечения финской армии. Выращивали картофель, морковь. Детям организовали детский лагерь. Я, к счастью, туда не попал. Не хотелось испортить лето. Они потом рассказывали, программа была такая: каждый день ребята выходили полоть морковь, свеклу, капусту и так далее, а потом занимались спортом, культурными мероприятиями, купались. В этом лагере наши ребята были две недели.

Финны приглашали кого-либо из ваших односельчан в Финляндию?

Они предлагали, но у нас, собственно, некого было и забирать. При отступлении учитель погрузил личные вещи в телегу, запрягли лошадь, один сопровождающий до шоссе Петрозаводск-Сортавала, за семнадцать километров, довез туда, и все.

А в сорок втором, сорок третьем году приглашали кого-либо? Девушек, например, на курсы?

У нас ни ребят, ни девушек такого возраста практически не было. Еще хотелось бы подчеркнуть один момент – учителя, как первая пара, Симайоки, так и вторая пара – они никогда карельского языка не слышали, но они начали с нами занятия и в первом классе, в третьем-четвертом, и с подростками без всяких переводчиков. Мы запросто находили общий язык, понимали друг друга.

Были девушки, которые жили с финнами или выходили замуж и уезжали в Финляндию?

У нас таких не было.

В вашем районе финны оставляли мины?

У нас не оставляли, потому что к нам даже боевая техника не могла попасть. А заминирована была деревня Куккозеро, в восьми километрах от Юргелиц. В сорок первом году дорога была заминирована, и на мины попал один наш танк. Танк сгорел, танкисты не выжили. Больше на дорогах минных заграждений не было.

Как-то сказалась жизнь в оккупации на дальнейшей жизни?

Мы начали учиться на финском языке, и потом в школе на финском языке были почти все предметы. Я продолжил учебу в третьем классе, мне из трех финских классов два засчитали. На финском языке все предметы плюс русский язык. В семилетке учился – там тоже почти все предметы были на финском языке. И даже в десятилетке в Ведлозере, в восьмом классе историю еще читали на финском языке. Математика была там же все три года на финском языке – алгебра, геометрия, тригонометрия, и физика на финском языке.

После освобождения были проблемы с органами госбезопасности?

Нет, у нас этого не было.

Сравнивали потом те, кто остался здесь, и те, кто уехал, где было легче жить во время войны?

Кто-то из эвакуированных жили еще лучше, чем мы. Например, мои дядя и тетя из Палалахты – это на самом шоссе Петрозаводск-Сортавала.

Они успели уехать и жили в Архангельской области в очень хорошем колхозе. Оттуда они привезли всякого зерна и еще много чего прочего. Они не голодали ни в войну, ни после войны. А те, кто уехали со скотом – они видели и голод, и холод во время войны. Но что касается наших деревень в Ведлозерском районе, их население практически не пострадало. Хлеб был.

В целом, как целом было отношение к финским властям во время оккупации?

Лояльное.

После того, как финны ушли и вернулись наши, население сравнивало финскую и Советскую власть?

Такой общий настрой – хоть и жилось неплохо, но как только наши пришли, все были, естественно, обрадованы. Даже первый приход наших войск, когда они оказались в нашей деревне. Вошли – тут же на столе автоматы, тут махорка, дым коромыслом. Мама говорит: «О, наконец в родной стихии оказались!» Но и финны относились к нам неплохо. Очень даже лояльно. Был такой эпизод. Все же мясо нужно было сдавать властям. И вот один дед резал на мясо поросенка. Так он взял и отрубил голову так, что топор оказался чуть ли не у задней части. Приезжает, сдает – а приемщик был финн, солдат. Это в соседней деревне, не у нас. Тот говорит – в шутку превратил все это дело: «Впервые вижу, чтобы у поросенка голова начиналась у задней части». Он говорит: «Сыночек, видишь, я же одноглазый, да в темноте – у нас же света нет. Махнул топором, да топор туда попал». Ну и все, не наказали деда.

Спасибо!

Раздел 2.2

Свободное русское население

Интервью с Александрой Ивановной Пименовой, 1920 г. р.

Записала И. А. Осипова
с. Толвуя, 04.05.2006 г.

Я – Пименова Александра Ивановна, 23 апреля 1920 года рождения. Я окончила ветеринарный техникум в сороковом году, и меня направили работать в Карелию. Родилась я в Вологодской области. Мы с мужем поженились и вместе поехали работать – он тоже окончил ветеринарный техникум. Когда мы приехали в Петрозаводск, нас направили работать в Поросозеро Петровского района. Там мы и года не работали, как началась война.

Как вы об этом узнали?

По радио. Все заволновались. Я пришла в магазин, и там сказали, что война началась. Мы там проработали до оккупации, а потом началась оккупация. В Поросозере стояла военная школа, и туда все время набегали финны, тайно приходили и беспокоили военных. Ну, а мы, простые люди, не знали, а просто слышали, что набегали финны, беспокоили перед войной. Началась война. Мы все переполошились, и нас сразу на второй или третий день стали эвакуировать оттуда, дали всем эвакуационные удостоверения. Мужа взяли в армию. Он ушел, а у меня еще только шестнадцатого апреля родилась Таня. И нас эвакуировали. Дали эвакуационные удостоверения в Вологодскую область или же в какой-то край, куда-то далеко. Так вот, в Поросозере была пограничная школа, и война шла уже около самого Поросозера. Туда на грузовых машинах везли солдат и военное оборудование. А нам велели взять только сорок килограмм, и на этих машинах, когда они пойдут с фронта, нас и должны были повезти в Медвежьегорск, а там дальше по железной дороге в Мурманскую область или куда-либо еще. У нас было удостоверение в Вологодскую или Молотовскую¹ область – куда попадем.

Привезли нас в Медвежку [г. Медвежьегорск] на машинах, и выгрузили в какое-то помещение, не приспособленное для жилья. Всех поросозерских людей с ребятами и без ребят [*привезли*], всякие были люди. Молодежь, которая подлежала военному [*призыву*], вся была взята на войну. А меня еще папа приехал с Вологодской области проведать. И мы поехали трое: моя дочка, папа и я. Везли нас машинами. Привезут в какую-нибудь деревню – а я ведь ничего не знала: нездешняя, не карельская была, не знала никаких деревень – привезут, выгрузят всех, кто сидел, и скажут:

¹ Ныне Пермская область. – Прим. ред.

«Завтра мы опять приедем, солдат отвезем на фронт, и вас опять заберем». На другой день так и не приедут. В общем, обманывали людей. Наконец, привезли нас в Медвежку, в какое-то общежитие всех выгрузили и сказали, что сообщат, когда ехать по эвакуационным удостоверениям по железной дороге. Но финны были уже близко, пути все были закрыты, и по железной дороге нельзя было проехать. Говорят: «Поезжайте по воде!» Привезли нас в Типиницы и посадили в баржу. Хотели перекинуть через озеро туда, где нет войны. Но баржа вмерзла, и мы остались. Пришли финны. Мы сидели в барже, они пришли ночью, всех оттуда выгнали и заняли территорию. Мы остались тут. Наутро всех стали развозить на лошадях, которые были в типиницком колхозе. Заставили возить людей по деревням. От воды надо было всех перевезти, чтоб они не попали на советскую территорию через озеро. Мы сначала жили в Типиницах, затем в Кажме, в Есино, в Кевтеницах, в Шуньге – все это нас перекидывали. Военные придут, скомандуют: «Берите свои вещи и садитесь на лошадь», и опять нас повезут. Все отодвигались. Почему они это делали? Потому, что хотели, чтобы мы не перешли через воду, на свою территорию не уехали бы, потому что эту они оккупировали. Возили-возили нас по этим деревням, так что я почти во всех деревнях здесь была... В Толвуе мы сидели на баржу. А когда война закончилась, мы были в Кажме. Всех вызвали в район, в Великую Губу: там район организовали после оккупации. У кого какая специальность была, [тем] велели работать. Война кончилась. В лагере во время войны я не сидела, нас никуда не брали, так как у меня был ребенок. И не работала я нигде. Люди некоторые работали, дороги делали здесь по району.

Помните что-нибудь про условия принудительного труда? Были ли поощрения, наказания какие-нибудь?

Не знаю я. Не было ничего, не давали никаких поощрений. Я с ними очень мало общалась. Вот приедут в деревню, скомандуют и повезут куда-то. А больше мы ничего не знали, не видели.

Как финны относились к местному населению?

Первое время, конечно, плохо относились. Все люди голодные были, ничего не было у нас, никакого запаса не было. Помню, жили мы в Шуньге. Так в первое время пригласили всех, переписали, зарегистрировали. Помню, давали муку какую-то нехорошую, говорят, с примесью бумаги. А нам негде печь, мы по шесть семей в одном доме жили. Финны за всеми наблюдали, чтобы мы никуда не убегали. А тут как вода кругом, так не убежишь в нашем районе. Никто и не хотел бежать. Почти вся молодежь да мужчины были взяты на войну, одни только женщины да ребята оста-

лись. Трудоспособных заставляли работать на дороге, потом за кирпичом ездили. Я никуда не ходила, у меня ни знакомых, ни родных здесь не было.

Когда вам не хватало еды, вы пытались как-то ее добывать?

Конечно, был голод. Мы ведь ничего не садили, нигде не работали, ни в магазинах, нигде. А некоторые работали на дорогах, в лесу. И ничего никто не помогал, своих не было никого. Так ни одного человека знакомого не было, не только с Поросозера. В Поросозере ведь и года не жили, так и там не успели познакомиться.

Финнов вы не помните? Про начальников ничего сказать не можете?

Нет, я не знаю. Я не знала финского языка.

Организовывали финны школы?

Нет.

А наказания были?

Воровства они не выносили. Слышала, рассказывали женщины, что кого-то там наказали, да хлестали там, садили в какую-то кабину. Некоторые в лагерях были. А нас сначала привезли в Медвежку, а потом вот в Толвую привезли. Помню, мы в церкви ночевали не один день. Эвакуация началась раньше, поэтому тут многие дома уже свободные были некоторых партийных работников и других людей. Вот нас куда-нибудь и сунут в дом, где крыша есть, да топить еще можно. А так я никого не знала, меня никто не знал. Все люди только о себе заботились, потому что время было беспокойное.

Про партизан не слышали ничего?

Говорили, что партизаны приходят, когда озеро уже замерзло. А тогда ранняя была зима, рано озеро замерзло. Вот как мы в барже сидели. Надо было переехать на ту сторону озера, в Пудожский район. Погода очень холодная была. Баржа стояла не один день, все грузили народ, да маслозавод был погружен из Великой Губы, зерносклад, еще какие-то товары, вышив-ка заонежская. А баржа стояла, не было еще парохода, который тянет баржи. И мы стояли не одну неделю, там, в барже, и жили. Потом она вмерзла уже, и финны пришли.

Какое у вас было отношение к финнам?

Я как-то не касалась, ведь я все с ребенком дома. Как-то я с ними не разговаривала, я не знаю ни финского, ни карельского языка. А карелы, которые были в Поросозере, так у них [*с финнами*] схожие языки, они могли разговаривать.

А вы можете рассказать о карелах? Было ли у финнов особое отношение к ним?

Не знаю, не касалась. Не успела я касаться. В общем, жили как в тюрьме, ведь я никого не знала, меня никто не знал. Я молодая была, я боялась финнов.

Спасибо!

Интервью с Анастасией Григорьевной Зинатовой, 1926 г. р.

Записал А. В. Голубев

г. Петрозаводск, 11.02.2005 г.

Приводится часть интервью, касающаяся оккупации

Я – Зинатова Анастасия Григорьевна. Родилась пятого января двадцать шестого года. Фамилия по мужу, а девичья была Тиккоева. Я родилась и жила в деревне Тавой-гора Кондопожского района.

Что вы помните о финской оккупации?

В деревне я училась четыре класса, там была школа до четырех классов. В тридцать девятом году началась финская война. В пятом классе я училась в Кондопоге и жила в интернате. Тут была мобилизация, военные по городу ходили, а я хорошо умела флажками азбуку Морзе передавать. Все передавала приветы – окошко откроем, и передаем приветы военным. До четвертого класса нас учили два учителя, молодые были, их забрали в армию. Вот мы их провожали, отпросились из интерната у заведующей. Пункт, где на войну собирали, недалеко был, вот мы провожали этих двух учителей, так мы их любили. Школа была в деревенском домике, в школе у нас был свой повар, был участок нам выделен, мы его обрабатывали, картошку садили, ячмень. На жернове его [*перемалывали*], потом кашу варили. Овес растили, толокно делали. Жили мы дома, а в школе кормили, обеды, завтраки нам делал повар. Когда началась [*финская*] война, интернат под военных взяли, а мы жили по частным квартирам. Родители и брат жили в деревне, а на выходные мы домой ездили, в колхозе давали лошадь – папа мой в колхозе работал, мы переправлялись через озеро, и от озера на лошади [*нас*] привозили домой.

Потом сразу в сорок первом году, в июне, война началась. В шестом классе я училась в деревне Илемсельга, Илемсельгский сельский совет, там была школа-семилетка. Шестой класс я заканчивала там, и летом дома в деревне жила. Войну объявили, самолеты полетели, тут крик, приехал нарочный из Кондопоги, объявил, что началась война. Тут женщины все в рев, все плачут. Мама работала на скотном дворе, дояркой в колхозе, а папа был рабочим в колхозе. Сразу началась эвакуация. Стали эвакуировать нас в Заонежье. Жила еще сестра, была замужем, мужа взяли в армию. У нее осталось трое детей, и она была еще беременная. Мама не могла скот гнать, вот нас, детей, оставили гнать скот в Заонежье, и мы гнали скот. Из взрослых было только старичков два или три, детей много. Мы гнали скот, и идут военные... Мы не смели даже слова сказать. Наши,

русские, не финны, придут, за веревочку скот возьмут и уведут в лес. Так мы догнали скот до Кяппесельги, это все в Кондопожском районе. Наша деревня в четырнадцать километрах от Мянсельги, там станция была, в Кондопогу поезда ходили. А от Мянсельги до Кяппесельги тридцать пять километров. Там собирали весь скот с колхозов, вот мы пригнали туда скот, у нас его забрали в загон, там не с одной нашей деревни пригнали скот. Там мы и ночевали, там двухэтажный дом был.

Мама моя ехала со старшей дочкой, моей сестрой, у нее трое маленьких детей было, и она была беременная. Мы ночевали, военных было полно, среди военных спали на полу. У сестры начались схватки, она на печке там и родила, да еще двойню. Трое детей и двойню родила. Мама осталась с ней. У нас скот взяли, а меня обратно в деревню, там у меня остался отец и папин брат с женой, у них детей не было, вот они все колхозное [*добро*] прибирали, прятали зерно. Мы только приехали в деревню, ночь ночевали, на вторую нас всех эвакуировали в Заонежье. В Мянсельге хотели погрузить в вагоны, но не было эшелона, да и отец не хотел грузиться, что мама там, и он... Там на баржах стали эвакуировать, две баржи погрузили, у которых семьи полностью были дома. Их с берега только направили, мы приехали в Заонежье, нас стали на баржу собирать – и вдруг бомбежка, и эти баржи на глазах у нас разбились, все потонули. Нас не успели погрузить, и мы остались в Заонежье в оккупации. Мы неделю в Заонежье жили, а потом отправились домой в деревню. Мы очень боялись, так как не имели представления, что за финны из себя...

Как к вам отнеслись финны?

Нормально. Они нас встретили на лошадях, ехали, все нормально. Мы приехали в Мянсельгу, четырнадцать километров от нашей деревни. Потом мы пошли в деревню пешком: моя мама, я, еще две девушки моего возраста. Одна девушка была уже комсомолкой. Их родителей увозили на баржу, они погибли. Папиного брата с семьей эвакуировали, они тоже погибли, дочка была моего возраста. А мы в деревню пошли пешком, посмотреть, за четырнадцать километров. Уже снег кругом, пришли мы туда, смотрим – а у нас сначала деревня маленькая, в ней шесть домиков, и метров через пятьсот – еще восемнадцать домов, большая деревня. Пришли мы туда, смотрим – в нашем доме печка топится. Мы испугались, конечно. Но раз пришли, назад дороги нет, сил больше не было, решили зайти в дом. Заходим в дом – на правой стороне наша линия домов в деревне идет, потом дорога, потом вторая линия домов. На этой стороне перед нашим домом колодец, он уже разбитый был. У него сруб высокий, там ходят трое мужчин. Ну что, надо сходить, узнать, спросить. Омелькина Таня, которая комсомолка была – мы зашили ей в штанишки комсомоль-

ский билет, не выбросили, и пошли. Трое нас девчонок. Я спрашиваю: «Дяденька, вы кто будете?» – «Тетенька, мы русские, не бойтесь, мы русские». Мы еще не верим: «Точно русские будете?» – «Точно, точно, вы не бойтесь, подходите поближе». Мы подошли к этому колодцу, разговорились, они спросили наши имена, мы узнали, как их зовут: Степан, Иван, а третьего точно не помню, Григорий, что ли. «Мы в этом доме, – говорят, – были. Но мы затушили печку». Когда мы в дом пришли, увидели, что действительно было снегу набросано в печку. У нас картошка была в подполе, как в деревенском доме. Она вся замерзла, так они эту картошку оттаивали на печке, чтобы поесть. Голодные, видимо.

Кем они были?

Это были партизаны. Мы с ними сразу встретились. Говорили: «Мы ходим, ищем одежду, чтобы переодеться». Двоим они нашли, невысокого роста мужички были, а один был высокий, метр восемьдесят, у нас таких больших мужиков не было в деревне, ему не могли найти одежду, чтобы переодеться и отправиться в Кондопогу. Вот мы по домам стали ходить, искать, потому что знали, где какой мужик живет, не осталось ли там. Был у нас Дуденков дядя Ваня, ростом большой, вот нашли. Штанишки, конечно, короткие были. Они с нами до утра побыли в доме, утром мы им наказали дорогу, как идти в Мянсельгу, четыре километра дорогой, а потом влево, там сандалский лесопункт был раньше. Там можно на озеро выйти. Мы им наказали эту дорогу, у нас с собой было взято хлеба, накормили их, сами поели, вот они и пошли.

Когда я была в оккупации, я работала на бирже, мы пилили дрова. Потом весной собирали топяки. Топяки были большие. Я с сестрой работала, дрова пилили, а зимой вагоны грузили. Вагоны грузили с мальчиками, они снизу все подают, так легко было. Потом в августе сорок четвертого года наш район освободили. Работа уже была в тылу – с сорок четвертого года до Девятого мая я в тылу работала, тоже дрова пилила, потом на сплаве работали. Лес переплавляли. Сплавляли кошелями, он рассыплется, так потом собирали его в кучу: в лодке стояла лебедка, и мы крутили вручную. Процесс такой был: река Сандала разделена пополам, вроде как мост такой, с одной стороны моста бревна навалены, с другой – мы бревна переправляем, и там на лодках кошель связываем, вот там нам требовались багры.

Как вы встретили девятое мая сорок пятого года?

Когда я работала в лесу, я заболела цингой и лежала в больнице, у меня зубы еле держались, потом [подхватила] брюшной тиф. Волосы сняли.

Нас пустили на площадь Мира в Кондопоге. На площади Мира торжества были, но я без сил была, долго не могла [*оставаться*]. У меня была шапочка, я в ней была, потому что волос не было. Потом я приехала домой в деревню к папе да маме. Поправилась немножко. Надо работать. Сандальский [*лесопункт*], в восьми километрах от нашей деревни... Это туда мы этих партизан направили. А когда эти партизаны на берег вышли, лед стоит, но между льдом и снегом была вода, и они замерзли в этой воде, не добрались до Кондопоги. Открылся сандальский лесопункт, я устроилась туда на работу. Пока была слабенькая, была нарочным. Ездил по деревням, вербовала. С лесорубами договора заключали. Ходила по колхозам, писала договора. Потом женские работы были на лесозаготовках, валили лес ручной пилой. Была бригада, шесть женщин, и я попала под дерево. Фельдшер была на лесопункте, лечила меня, и меня взяли работать в контору. Я в конторе еще до освобождения работала. Тогда в конторе ни счет, ничего не было. Карбидные лампы горели, мы мешок разорвем, на столы постелем и фиксируем эти документы карандашом. Сопля из носа висит, потому что карбидка все время горит. Вот когда освободили, я в лесу поработала, попала под дерево, меня взяли в контору работать, потом меня выбрали председателем цехового комитета. Я по мастерским участкам ездила. В комсомол сразу меня приняли. Обуви не было, у финнов-то были выданы сапоги – здесь кожа, здесь резина, я в этих сапогах ходила, потом у отца валенки были, большие конечно, сена в них наложу, вот ноги у меня и болят сейчас. А потом стала работать в конторе, потом счета появились, арифмометр.

Спасибо!

Интервью с Антониной Александровной Кочановой, 1929 г. р.

Записала И. А. Осипова
г. Петрозаводск, весна 2006 г.

Я – Кочанова Антонина Александровна, 1929 года рождения. Родилась в Заонежье, деревня Загорье. В 1941 году началась война. О войне узнали, мы жили на Дзержинского¹, городская почта на углу Ленина и Дзержинского, этот дом до сих пор стоит. У меня папа был машинистом на железной дороге, его сразу взяли на войну. Он в 1944 году погиб в Кеми. Когда финны стали к Петрозаводску подходить, нас начали эвакуировать, мы в Заонежье и поехали. Мы летом приехали, а зимой в декабре месяце финны нас забрали. У финнов там был фронт, места Толвуя, Вырозеро, Шуньга. У них была здесь линия фронта, и нас всех отправили... И мы попали в деревушку Медные Ямы. Все деревушки в Заонежье – и Медные Ямы, и Великая Нива, от Космозера не так далеко, туда нас выселили. А нас же много очень было, местные и мы ещё, эвакуированные, полгорода попало туда. Нас всех выселили по этим деревушкам. В каждой деревушке в каждом доме нас было по пять, по шесть семей. И мы прожили там несколько месяцев, невозможно жить, спали друг на друге. Потом мы переехали в деревню Патрово, это от Великой Нивы недалеко, там четыре-шесть домов всего было. Но там хоть поменьше было, по три семьи в доме.

Мы как раз приехали на Патровщину, мне было двенадцать лет, сестричке было четырнадцать лет, и её взяли в лагерь. И вот она уехала в лагерь в Великую Губу, строили они там дорогу. А меня с мамой посылали в лес пилить дрова с корня, там мы складывали дрова в костры, какая-то нам была норма, я даже не знаю, мама знает. А братья у меня, четыре года и десять лет, оставались дома, а нас с мамой отправляли. Нас было четверо, пятый сын был взятый на войну. Вот так мы и жили на Патровщине, нам давали норму на месяц. Мука была, то ли финская, то ли что, как пыльца, и я не знаю даже, сколько грамм нам давали норму, очень как-то мало. И мы полмесяца солому [ели], ели зелень на улице, дрова пилили – ели мелкие опилки, хлеб уж не пекли, а с русской печки доставали полуды кочергой. Так вот и жили. Я голодала, опухала, сколько-то была дома, а потом сказала, что у меня сестрѐнка в Великой Губе, и я маме говорю: «Давай, мама, я пойду к сестрѐнке, там всё-таки ей хоть каждый день дают похлебку». И я поехала, сестра меня там взяла, сказала про меня: «Живѐт она там с родителями, два брата, я третья, она четвёртая, и вот они там голодуют, норму съедят, вот она уже такая больная приехала».

¹ В г. Петрозаводске. – Прим. ред.

И стала я работать, финны взяли меня на работу, но неделю я походила и не могла, дали мне лопату, но я раз, раз... Они видят, что не то, что я и хочу работать, но уже не могу. Они говорят, что такой работницы им не надо. Сестра говорит: «Тоня, тебя уволили, давай, езжай обратно с Великой Губы на Патровщину к родителям». А потом, финны уже стали отступать, и они-то [*заключённые лагерей*] тоже везде убегали. Финны хотели кого-то увести. Особенно парней готовили к себе в Финляндию. А потом сестра уже вернулась.

Но жили мы неважно, плохо жили. Хотя и проволоки колючей не было, всё время у нас дежурили финны, в лес даже за ягодами не разрешали ходить, думали, что мы там в какую-то связь с партизанами вступим. Кстати, у нас партизан не было на Патровщине.

Вот так мы прожили, а скоро уже война и кончилась. Я в лес ходила, дрова пилила, всё мы с мамой мучились. Вот почему я сижу в валенках, у меня ноги были замёрзшими всё время, тогда же обуви не было. Все пальцы были отморожены. В молодости ещё не так, а сейчас у меня уже стали ноги мёрзнуть, выйду куда-то на десять-пятнадцать минут, а у меня ноги уже замёрзли, вот и дома тоже. Вот тоже печень больная, я инвалид второй группы, был инфаркт, остеохондроз – это всё война.

Были ли у вас карелы, вепсы, другие национальности?

Нет, у нас не было. В Заонежье, где мы жили – в Медных Ямах, на Патровщине – не было ни карелов, ни вепсов, только вот наши русские и местные русские. Но кто-то рассказывал, что были карелы, приехавшие из Петрозаводска, а потом, когда финны уже отступили, и карелы просились обратно в Петрозаводск, и то вот я по слухам родителей своих [*знаю*], что карелам разрешали обратно возвратиться в Петрозаводск. И вот они жили здесь с финнами в Петрозаводске, даже не в лагерях, а свободно по городу Петрозаводску, вот это я тоже слышала.

Как относились финны к населению? Были наказания?

Наказания были такие, что нам не разрешали в лес за ягодами [*ходить*]. Мы ждали лета, думали, что пойдём за ягодами, за грибами, а финны говорили, чтобы мы все сидели дома. Кто вот ещё работал, мы, например, с мамой, работать уходили в лес и приходили с леса. А вот братишки маленькие, их даже ловили, мол, почему ушли без разрешения? У меня брату было десять лет, он уходил, брал даже маленького четырёхлетнего брата. У нас на Патровщине было маленькое озерко, на рыбалку ходил брат десяти лет, чтобы хоть рыбы наловить, что голод такой. Когда пойдут

и на финнов не наткнётся, так привезёт, а когда финны увидят, правда, не били ничего, уже отправляли домой к матери.

Жестокости не было?

Нет, жестокости не было, чтобы били. Ну не за что нам было. Били уже, кто так уходил. Ну, вот у меня братишки уходили в Великую Ниву к финнам за галетами да за кашей с котелком, просили. Когда дадут некоторые финны – хорошо. А некоторые не дадут не то, что каши, один раз было, что финн толкнул брата со второго этажа, лестницы в деревнях большие были. Он полетел, у него потом шрам был. Сейчас уже брат умер. Были и такие случаи. Другой раз даст, а другой раз...

Боялись финнов?

Мне сестра рассказывала, что финнов боялись. Меня взяли в лагерь, да и обратно к матери отвезли. Мне лопату в руки дали, я раз копну, да падаю. А я ведь видела, как мужчины старше меня лопатой раз – упадут или сядут, а по ним раз плёткой, два плёткой, что ты не можешь работать, и он, бедный, опять встает. И ведь много было, что умирали. А я, например, как маленькая была, финны взяли меня в лагерь. Я как раз упала с голода в Заонежье. Пришла в Великую Губу к сестре, там тоже был лагерь. Там всё-таки более или менее было, хоть раз в день какую-то похлебку дадут. А нам давали мукой, мы полмесяца ели всякую дрянь, а полмесяца ничего, вот я и стала опухать, и сказала, чтоб отправили меня к сестре, и я работать там начала. А я голодная была, ростом была с лопату. Хорошо, меня сразу плёткой не стегали, как других. Видят что я ребёнок ещё, меня обратно к матери отправили, говорят, такой работницы нам не надо. А остальные бедные мучились, кто постарше, они уже немножко закалённые, покрепче [были]. Хорошо, что меня к маме отправили. Нам с мамой норму давали, мы в лес ходили, пилили дрова. Мне уже было тринадцать-четырнадцать лет, надо было работать, не разрешали сидеть. Брату маленькому было четыре года, второму десять лет, они сидели дома одни, а мы мамой ходили на работу. А если норму не сделаешь, финны ещё и есть не давали. Вот так мы жили семьями. Вот у меня сестра старшая... Много умирало, много и выжило. Всё время под конвоем, вечером придут, их накормят, а утром снова на работу. По-разному было.

Рождались ли в это время дети?

У нас такого и не было. Деревня маленькая была, десять домов, не было такого, чтоб рождались.

Помогали ли друг другу?

Помогали, ещё как помогали. Делились и хлебом, и солью, жили дружно. Потом мы уже стали немножко целину обрабатывать в деревне, друг другу помогали картошку сажать, огороды копать, или что-то другое.

Были у вас военные?

Вот в Медных Ямах были военные финны. Там большая деревня была у леса, там финны были постоянно. Там вообще очень строго было. Финны нас остерегали, чтоб мы в лес не ходили. А вот на Патровщине не так было много. Было, конечно, что заезжали, но не было, чтобы били или колотили.

Про начальников ничего не может рассказать?

Мама ходила за нормой в Великую Ниву, там пропуск нужно было брать у финнов, а если без пропуска родители пойдут куда-нибудь хлеб искать, то их в будку забирали, они сутки в будке просидят, а потом выпустят, что дома дети. А так всё время с пропусками.

Что из себя представлял пропуск?

А я даже тоже не представляю. Знаю, что ходила мама за нормой по пропускам, было у финнов написано, что разрешается идти за нормой. Или куда-нибудь в другую деревню к родственникам, это тоже надо было по пропускам ходить, а так они не имели право ходить без пропусков.

Вы помните, как война кончилась, как русские пришли?

Война кончилась, я уже в Петрозаводске была. Когда мы получили от папы похоронку, папа погиб в 1944 году в Кеми, у мамы уже никакой надежды не было, и она привезла нас в Петрозаводск из деревни в Заонежье. Победу мы в Петрозаводске встречали, я пошла работать на Слюдяную фабрику сразу после войны, мне ещё шестнадцати лет не было. Там долго проработала.

Какие черты личности сформировала оккупация, какие последствия потом были?

Не хотелось даже и вспоминать о последствиях, когда я первый раз ходатайствовала, чтобы пенсию мне добавили, так не дали мне, инфаркт у меня тогда прошёл, вспоминала всё. А сейчас решили снова идти, так

не знаю, стоит ли мне опять судиться, а то, наверно, инфаркт получу и не добьюсь ничего. Но всё-таки решили идти. Когда не вспоминаешь, так ничего, а когда вспоминаешь, так неприятно. Что хорошего вспоминать. Я опухала, ноги у меня мерзли, что хорошего вспоминать, плохое только вспоминала. Потом папа ещё погиб в 1944 году, мы даже не знали с сестрёнкой, как сказать маме, что похоронку получили от папы. Она ждала, что папа придёт. Нас было четверо, старший сын пришёл с фронта, так тоже сердечник, умер в сорок четыре года, всю войну прошёл. Мы двоих потеряли: старшего сына, моего брата, и отца.

Какое у вас отношение было к финнам после войны и сейчас?

Не знаю, финны-то вроде относились неплохо, как вот говорят те, кто у немцев был. У нас такого, как у немцев, не было. Правда, били плётками, стегали за то, что убегали да уходили.

Спасибо!

Интервью с Таисией Андреевной Рогозиной, 1932 г. р.

*Записала И. А. Осипова
с. Толвуя, зима 2006 г.*

Меня зовут Рогозина Таисия Андреевна. Проживала я на Вырозере в деревне Мерзляки. Она находится в трёх километрах от озера Вырозера, это Заонежский полуостров, север Онежского озера. Я помню, как в 1939 году войска проходили по деревне, самолёты летали. Мы ребятами бегали, смотрели.

Расскажите, как к вам пришли финны.

Финны, когда пришли в 1941 году поздней осенью, только прошли по деревне на лыжах в белых халатах. Они зашли в соседний дом, а мы маленькие туда прибежали, интересно было, мы все по лавке расселись. Сколько их было, не помню. Когда они шли, собака в деревне залаяла, и они её застрелили. Больше мы их не видели. Потом нас эвакуировали, и мы четыре года прожили в деревне Комлево. В деревне Пургино – она находится рядом – тоже финны были, мы ходили к ним, плясали, песни пели, они нам за это морс наливали, еду давали. Есть-то хотелось. В Космозеро была школа, я в эту школу ходила, но недолго, потом ходить было не в чем, пришлось школу бросить. Мать работала на дороге. Тогда в Космозеро делали дорогу. Рядом у финнов была стоянка. Там даже были у них дома, вкопанные в песок, которые вывезли из деревни. А наверху была высокая вышка, дзот. Когда я выходила замуж, её еще было хорошо видно, а сейчас всё уже заросло. Наблюдательный путь у финнов был на Челмужи, где были русские. На Мегострове были финны, а на острове Берёзовце были русские. Они даже переключались, так близко были друг к другу. Сейчас всё уже заросло. В Комлево мы и прожили до 1944 года во время оккупации. Были там и местные жители, а нас уже сверх того вселили, некуда было больше вселять. Ведь вся местность была выселена: Вырозера, Никитинская, Лебещино, все эти деревни были выселены, только в Толвуе кто-то остался. И всех надо было где-то разместить.

Как вы жили в оккупации?

Жили мы по-разному. Мама одна работала, а детей было пятеро. И голод видели, и холод. Норму небольшую, когда получишь, туда всё, что можно, намешивали, чтоб только больше получилось. Ели мы клевер, разные травы, всё примешивали к муке, которую финны выдавали. Хотя финны нам больше норму галетами выдавали. Мать нам выкупала, но разве на пяте-

рых нам хватало? Хорошего не было. Мама вышивала салфетки, финки, которые тоже там работали, покупали их и отсылали в Финляндию. Они ей вместо салфеток давали галеты. Мама иногда ходит в Великую губу, что-нибудь продаст, потом кашу нам сварит. Мне тогда девять лет было, в школу я только до второго класса ходила. Деревней управлял староста, имени не помню, мы его Соловей-Разбойник называли. Его дом в Пургино стоял, теперь его уже нет. Он был хороший староста, всё финнам передавал, что где слышит. Нам нельзя было никуда уходить из деревни, хотя проволоки не было. Жили мы в домах. В нашем доме жило четыре семьи, три женщины, у каждой по четверо детей, у нашей мамы было пятеро. Одну семью увезли в лагерь в город. Было тесно, но так селили.

Были у вас партизаны?

Партизаны были, мать их даже видела. Мы с ними не общались, но и не выдавали. А одна женщина их выдала. Они пришли в Пургино в смолокурку – печка, где гнали смолу – чтобы погреться, а их там поймали и в Космозере расстреляли. Еще слышала, бои были на озере Романовском.

Были наказания?

Нас не обижали, на наказания мы не набивались. Наказывали они русских берёзовой вицей, её распаривали в горячей воде, и кому по двадцать, кому по двадцать пять ударов. Если кто ходил на поля за колосками, тех поймают и наказывали. У меня маленький брат был, приходилось нянчить, мы никуда не ходили, и розгов не получали.

Расскажите про условия труда.

Работали женщины под конвоем, рыли канаву, а финны-надзиратели с винтовкой смотрели за ними. Платили марками и давали норму, на трудоспособного давали карточку, на неё немного приходилось, бедно жили. Из дому ничего взять не удалось, быстро нас эвакуировали. Когда на следующий день приехали, то всё уже свои, не финны, растащили. Финны искали только хлеб, если хлеб был, то финны его находили и забирали.

Кто-нибудь из деревни сотрудничал с финнами?

В нашей деревне никто с финнами не сотрудничал. Мужчин не было, все женщины, в основном, на дороге работали, дрова заготовливали, а финны наблюдали.

Помогали друг другу?

Во время оккупации помогать друг другу было нечем, у каждого свои дети, все жили своими семьями.

Рождались во время оккупации дети?

Нет, дети в это время не рождались.

Что вы помните про школу?

Школа была в Космозеро, мы там молитвы читали, но учительница была не финка, а русская. А я чуть-чуть походила где-то месяц, потом обуви не было, и я перестала ходить. Далекo было ходить – пять километров.

Как финны относились к женщинам?

Финны женщин не били, не обижали, мы этого не видели. Не знаю, как в других деревнях, но у нас было спокойно. Финны нам худого не делали. Пришли мирно, и ушли мирно. Мы их и не видели, и боёв у нас не было. Где-то в Карелии бои-то были, под Медгорой. Финны только наблюдали за русскими в Чёлмужах.

Как изменились ваши условия жизни после освобождения?

После оккупации мы больше голоду испытывали. У кого-то дома были разрушены. Мы после оккупации жили в Заречье, в свой дом нельзя было зайти. Только когда папа приехал, дом отремонтировали. После войны не лучше. Поля были запущены, только потом стали разживаться колхозы.

Спасибо!

Интервью с Клавдией Ивановной Осиповой, 1935 г. р.

Записала И. А. Осипова
д. Падмозеро, 05.01.2006 г.

Я – Клавдия Ивановна, сейчас Осипова, а во время войны была Савельева. Я родилась 7 января 1935 года. Финны к нам пришли в ноябре, мне как раз доходил седьмой год.

Расскажите, как вы узнали о войне.

Тогда в деревнях не было ни радио, ни телефонов. Сельский совет у нас был в Шуньге, и оттуда к нам на лошади приехал нарочный сообщить, что началась война. Война-то фактически началась 22 июня, ровно в четыре часа, но сначала сообщили по сельским советам да по районам: сначала районы, потом сельские советы, а потом только и нам сообщили, что война началась. И тут же сразу начали массовую мобилизацию, на войну забирать. Забрали всех, кого можно было, из мужчин остались только больные и несовершеннолетние. В общем, остались старики, старухи и несовершеннолетние дети, остальных всех забрали на войну.

Как пришли финны?

Финны пришли в ноябре. Как сейчас помню, они приехали на машинах...

К вам в Падмозеро?

В Падмозеро приехали, со стороны Шуньги, Шуньга уже была под финнами. Они приехали к нам на машинах и пришли на лыжах, в белых маскировочных халатах. Они, конечно, чувствовали себя такими важными, сразу начали ходить по квартирам. Мы все увидели, [что пришли финны], и все уже сидели по домам, не смел никто выйти на улицу. И вот они стали ходить по домам. Я помню, как к нам пришли. Отец увидел, что идут финны, и сестрам Насте и Марии сказал, что вы спрячьтесь, потому что молодые финны... Думали, что их будут сразу брать или что... Они куда-то спрятались. Финны пришли в квартиру. Я как сейчас помню, у нас отец работал сапожником, сидел, сапоги ремонтировал. Пришли в квартиру. А мы же тогда язык не проходили. В деревнях до войны была школа, но иностранный никакой язык нам не преподавали. И вот они стали у нас спрашивать. Сначала спрашивали: *типа*, это яйцо. А мы не понимаем. Они начинают: «Ко-ко-ко», показывать, что курица. Мы поняли, что это яйцо. Потом [по-фински] свинину просят, мясо. Отец и мама снова

говорят, что мы не понимаем, что вы у нас спрашиваете. Финн тогда эдак: «Хрю-хрю-хрю», хрюкает. Курицы у нас были в то время, а поросенка не было. Мама и сказала, что у нас нет свинины. Я вот только не помню, были ли яйца, давали ли им или не давали. Но просить они спрашивали у родителей. Может быть, и были. И вот они походили, от нас ушли, потом по всем домам ходили. Сначала они всё просили, сами просили, и люди отдавали. Испуг этот да только бы отвязаться, всё так давали. А потом они уже маленько обнаглели, стали забирать сами. Придут да возьмут хоть поросенка, хоть куриц. Куриц так прямо захватят. Себе, наверно, некуда больше. А потом прошло немного времени, и нам сказали, что надо эвакуироваться из Падмозера. Дело в том, что мы жили на берегу Онежского озера. По ту сторону Онежского озера, где Челмужи, еще были наши советские солдаты, и они боялись. Тут как будто передовая была. И вот они нас гнали из Падмозера, выселяли, потому что тут оборона у них была. По берегу Онежского озера была колючая проволока. Столбы в восемь рядов, и колючая проволока была в восемь рядов. И на этой колючей проволоке было навешено разных пустых консервных банок, и поставили мины. Уже ноябрь месяц, уже Онежское озеро стало [*замерзать*], и они боялись, что с той стороны придут русские партизаны в разведку. Поэтому они нас и выгнали из Падмозера, чтобы тут местного населения не было. А сами, когда нас заставляли уезжать, предложили: можете ключи оставить на столе, через неделю приедете обратно, берите только все необходимое. А тогда же колхозы были. У нас колхоз имени Сталина был. Нам дали лошадь и дровни. Это уже в ноябре, по снегу было. И вот мы поехали в Паяницы. Мама, отец, сестры Настя, Мария, я и брат.

Что вы взяли?

Нам сказали, что [*едете*] на неделю, так что берите только необходимое. Взяли хлеб, что было немного, зерно – а зерно еще не было смолото. Сколько-то мама закопала в подполе, целая яма картошки осталась. Взяли только необходимое. [*Был у нас*] большой деревянный сундук, тогда ведь в деревнях не было ни чемоданов, ничего, жили же бедно. И в этот сундук положили необходимую одежду и посуду: кастрюльки, что-то еще, и даже несколько штук подушек мама взяла, а из остального [*постельного белья*] взяла такие постельники, чтобы там, как приедем, набить соломой, потому что некуда было положить. Ведь сани-то небольшие, дровни, и мы еще с братом на этих дровнях сидели. Они все шли пешком до Паяниц. В Паяницах мы жили у Дружининых. Правда, я сейчас не помню, сколько мы жили. А в Падмозере, как нас выселили, в больших таких домах стали жить финны. Они, по-видимому, охраняли [*занятые территории от проникновения*] с Онежского озера. Даже наше кладбище все было заминировано было, на даже крестах мины были. Мы их находили, когда вернулись

обратно. Потому что кладбище тоже на берегу Онежского озера. И эта колючая проволока была, как я сейчас помню, начиная от Толвуи, дальше по берегу до Шуньгского бора и еще дальше, в само Онежское озеро уходила колючая проволока. наших партизан они боялись, потому что [они] могли переправиться с той стороны Онежского озера. Боялись, что будут приходить и разведывать. А потом нас почему-то из Паяниц направили через озеро в деревню Шабалино. Жандаровы с нами были из Падмозера, и Марковы с семьей тоже переехали в Шабалино. Там жили мы на квартире у хозяйки, у тети Шуры Назаровой. Ее муж был на войне. У нее было своих две девочки. Мы, шесть человек, и тетя Дуня Мерзликова, [у нее] тоже муж на войне был, еще она с двумя ребятами: девочка и мальчик. Мы двое с братом, небольшие, и у хозяйки были [дети]. Хозяйка жила в горнице, горница небольшая была, а нам освободила квартиру. Тетя Дуня пораньше приехала, и им досталась кровать, она спала с детьми на кровати, а мы спали на полу. Так была постелена постель: мама да отец спали с одной стороны, а мы с братом с другой. [Спали] головами вместе, а [ноги] в разные стороны. Конечно, на полу уже холодно было, зима. Но ничего, перебивались. Настю еще раньше взяли в лагерь, так как она была совершеннолетняя. Сначала держали их в лагере в Шуньге. Они строили дорогу от Шуньги в Великогубскую сторону. Вся молодежь была взята, все работали на дорогах. Потом Настю переселили дальше, в Кяппесельгу. И Марию, как подошел возраст, сразу же взяли. Как шестнадцать лет справилась, тоже [оказалась] в Кяппесельге, потом в лагере где-то около Кондопоги или в самой Кондопоге. Они были в лагерях, а мы тут так и остались. Финны нас всех строго переписали, дали норму. Как кормили... Кто работал, тем больше давали, а ребятам по возрасту. Давали или муку, или финские галеты, как сейчас помню, давали масло сливочное – не помню, сколько грамм, сахар не давали, а вместо него давали сахарин, такой сладкий порошок. И почему-то вместо яиц давали нам яичный порошок, я [такого] больше не видала. Просто один высушенный желток, желтый-желтый. Сколько-то крупы давали. Был еще магазин. Когда Мария приезжала с лагеря – а им там сколько-то денег давали в лагере за то, они работали. Они копали канавы и окопы. Им с Настей надо было выполнить норму, выкопать определенное количество метров. А канавы они большие копали, дорогу строили. Так если кто-то выше нормы сделает, им давали марки. У финнов ведь марки были, не русские деньги.

Что на них можно было купить?

Все можно было. У них в магазинах все продавалось на финские марки. Туда они продукты привозили. А у нас отец, пока был живой, ремонтировал [обувь], и иногда к нему обращались финны, приходили ремонтировать сапоги. Они носили на лыжах такие пекши – это крючки на носках,

чтобы было удобно [ходить на лыжах]. У них палки бамбуковые, лыжи хорошие, железные крепления, и такое [устройство] в сапогах: они прицеплялись [к лыжам], не выпадали, очень удобно было. И когда у них рвалась обувь, они приходили к отцу, и он им ремонтировал. А они платили. Если есть, так марки давали, а нет, так приносили обычно галеты, галеты были ржаные и белые. Правда, вкусные галеты были, или, может, мы тогда голодные были. Местное население получше нас жило, у них там или хлеб, или картошка. А мы-то приехали, всё дома оставили. Мы уехали в где-то в конце ноября сорок первого, а обратно приехали только в июне сорок четвертого. Все это время жили там. Переселенцам, конечно, было труднее жить. Вот корову у нас отобрали сначала на скотный двор, и мы ходили за молоком на скотный двор. Потом тем, кто мог держать, коров отдавали обратно. А у нас отец больной был, мы сено не могли накапливать: сестры обе в лагере были, а мы с братом маленькие были. Брат тридцать восьмого года, мне было семь лет во время [первой] зимы, а брату только четыре года. Так кто мог держать, потом отдавали коров. Например, нашу корову с общего стада отдали местным жителям в Шабалино. У каждой коровы они делали контрольные дойки. У них это было четко налажено: и учеты, и молоко, всё. И потом мы к своей корове, к этим хозяевам, ходили за молоком. Было нам [положено] два литра молока на семью в день. Пока мы с братом не могли, мама каждый день ходила за молоком, и так все годы [в оккупации], брали молоко от своей коровы, но ходили туда. А отец все время болел. Таблеток не было, лекарств никаких не было, и он умер в сорок четвертом году. Война еще не кончилась, и умер там, в Шабалино. Настя, сестра, попросила старосту, который был в Шуныге, чтобы разрешили нам отвезти отца в Падмозеро на кладбище. Это был апрель. И в комендатуре Насте выписали пропуск и разрешили нам отвезти отца на кладбище в Падмозеро. Дали четырех финнов в сопровождающие и лошадь – лошади, как раньше при колхозах, тогда при фермах были. Я не ездила, мы с братом были маленькие, нас не взяли. Мама и Настя ездили с финнами. Финны даже помогли яму выкопать. Вообще очень хороший был староста, Александром звали, фамилию я уже забыла. Смог уговорить финнов [помочь]. Он заручился [обещанием], что когда отца повезут, [мама с сестрой] в само Падмозеро не пойдут шагать... Ведь в Падмозере у нас рядом был дом, через речку. Но [в саму деревню] они не ходили, даже домой не заходили. Разрешили только до кладбища, они туда через горку проехали, похоронили отца и обратно. А ведь с кладбища даже был виден дом, так они не ходили, раз пообещали. Конечно, был и голод, и холод, и вши... Хотя мыло давали. Одежды ведь лишней не было, как поехали. Люди давали: у кого были лишние [вещи], так давали нам с братом, потому что у нас все было оставлено дома. У сестренки тоже [одежды не было], их в лагерь взяли, так они почти полураздетые там были: одни чулки да голы ноги. Все дома было

оставлено. Навещать [нас] их, конечно, отпускали. И на похороны тоже. Как отец умер, так одна соседка, падмозерская, тетя Анна Жандарова, у которой дочка там же была, сходила [в лагерь], спросила разрешение. Пропуск надо было [иметь], чтобы сходить в лагерь. Мама ее попросила: «Сходи, Анна, и скажи Марии, что отец умер». Не было ни телефонов, ничего, вот она сходила в Кяппесельгу, где были тогда сестры, и Мария отпросилась. Но Настя была ближе, так она пораньше пришла, и Марию тоже на похороны отпустили.

Вы рассказали про голод. Что вы делали, когда не хватало еды?

Местные жители помогали, когда не хватало. Ели крапиву, ели клеверные шишечки, розовые. Собирали, мама сушила, и мололи на жернове. Ели льняное семя. Раньше, до войны, много сеяли в колхозах льну, оттуда льняное семя. Перебивались кое-как. Конечно, все было: и голод, и холод. И вши были, потому что жили в таких условиях. Одежды не было, мыла тоже. Давали норму мыла, я точно не помню, сколько, но, конечно, недостаточно. Как сейчас помню, что мама белье стирала и голову нам мыла, так варила щёлок из золы. Золы положат в чугунок, воды нальют туда, и в печку. Как вода прокипит, зола садится на дно, а сверху [остается] такое скользкое... В этом стирали белье и головы мыли.

Как была организована система управления?

Управление было такое. У нас был комендантский час. Около деревень колючей проволоки не было, потому что каждую деревеньку не окутаешь колючей проволокой. Это был не лагерь, просто туда мы были насильственно эвакуированы из своих домов. Но после четырех был комендантский час, чтобы никто из деревни никуда не выходил. Мы, правда, никуда и не ходили. Только в соседние деревни. Они обе через небольшое поле. С ними можно было общаться, днем туда мы бегали, но вечером нельзя было ходить. И за территорию деревни тоже нельзя было далеко, был определенный промежуток. Помню, в южную сторону была щельга¹, и туда мы с ребятами пошли за брусникой. И подошел финн. Правда, [выгнал] он нас не грубо, ничего. Они все время патрулировали. Они в Шабалино, в самой деревне, не жили. У них казармы были в Шуньге, но к нам все время ходил патруль. Несколько финнов ходили с автоматами, зимой на лыжах, а летом пешком. И вот мы пришли за ягодами, на горку поднялись, и шел финн с автоматом и нам сказал: *tyttö, poika* [фин. мальчик, девочка], и показывает, чтобы мы дальше территории, дальше этой щельги, не заходили. А там, за щельгой уже лес. Мы, конечно, повиновались, сделали, что нам сказали. А тогда еще электричества не было. У местных

¹ *Диалект.* Большой камень или скала.

жителей были лампы, а мы ведь ничего не взяли. Пользовались пилькушечкой¹, это маленькая баночка, куда нальют керосина или солярки, из тряпочки сделают фитилек, сунут фитилек в баночку, и вот эта пилькушечка и горит. Так [*требовали*], чтобы зимой окна были плотно закрыты, чтобы нигде ни просвета не было. Может быть, это была своего рода маскировка. Хотя нас там не бомбили. У нас же не было никаких предприятий, ничего. Просто была лесная деревенька, ничего такого не было. Но самолеты летали, и маскировка полностью была. А еще ездил, как сейчас помню, староста, и звали его Ялмари. Уже такой немолодой. Ездил в санях на лошади. Санки деревянные, красивые, изрисованные. Сейчас, наверно, только где-нибудь в музеях есть такие сани. И на них он объезжал все деревни. Сам он жил в Шуньге, а все деревни объезжал. В магазины придет, съездит на фермы. Через переводчика – мужчина с ним ездил, переводчик – спрашивает, что да как. Но никто не смел [*жаловаться*]. Все: «Хорошо, хорошо». Никто не смел ничего сказать. Мы же подневольные люди были.

Как относились к вам финны?

Финны местного населения не трогали. Не издевались, как, по слухам, немцы – говорят, что те жгли деревни да людей в амбарах жгли. У нас этого не было. Чего не было, того не было. Я вам за других не отвечаю. Но там, где мы жили, такого не было. Только они не любили воровства. Вот, помню, как ребята маленькие... Зимой финны ездили на лыжах, и у них были очень красивые бамбуковые палки, и на палках были длинные блестящие пики. И вот они, когда зайдут куда-нибудь в дом, а на улице оставят. А ребята есть ребята. Финны зашли в наш дом, где мы жили у тети Шуры Назаровой, а ребята взяли и как-то выдернули с нескольких палок эти пики. А ведь как без пик пойдешь, без них палки проседают и скользко. И на второй день финны приехали, собрали всех детей, что тут были, и спрашивали, что кто это сделал. Кто-то сказали, чьи ребята сделали, их двое [*было*]. Я сейчас фамилий не помню. Но ребят финны не наказывали, а родители были посажены в амбар холодный. Раньше, бывало, при колхозах там зерно держали. Так вот родителей, чтобы они смотрели за ребятами, держали несколько дней в холодном амбаре. Но не били, просто держали. Это они следили, чтобы ребята не воровали. Так, больше не наказывали.

Избивали финны людей?

Я только помню [*один случай*]. У мамы сестра жила в Онеженах. Они были не деревенские, они до войны жили в Медгоре, а когда дядю Ваню взяли на войну, тетя Паша с ребятами переехала в Падмозеро к сестре,

¹ Возможно, от фин. pilkutaa – мерцать. – Прим. ред.

к Кокотовой Ирине Андреевне. Потом, когда финны стали эвакуировать [население Падмозера], ее с ребятами отправили в Онежены. Тетка, Ирина Андреевна, была одиночка, у нее не было ни детей, ни мужа, муж к тому времени уже умер. Она была уже в годах, и ее сразу же взяли в лагерь. А тетя Паша Хорошкова поехала с бабушкой и дедушкой в Онежены. И вот кто-то однажды принес маме весточку, что тетю Пашу сильно избивали финны в Онеженах. Ведь были среди русских продажные шкуры, которые думали, что финны насовсем пришли. И вот был один падмозерский сосед, сейчас фамилию не помню, он сразу после войны умер, помню, где в Падмозере его дом стоит. Он жил по соседству с теткой, которая Кокотова Ирина Андреевна. Так вот, у этой тетки было много хлеба, она работала в колхозе, пахала на лошадах, сеяла, в общем, за мужика работала. У нее трудодней много было, а тогда в колхозах давали за трудодни хлеб: пшеницу, рожь, ячмень, овес. И, действительно, прежде чем ее в лагерь взяли, она, возможно, действительно хлеб где-то спрятала. Дома, может, закопала в подвале или еще где-то. А тетка Паша про это не знала. А этот сосед донес, что у Ирины было много хлеба, значит, тетка Паша должна знать. И пришли двое финнов с переводчиком и стали спрашивать. Тетя Паша сказала: «Я не знаю, где спрятано». Если бы действительно она знала, так, может, и сказала бы, тут уж терять было нечего. Она сказала, что не знает. И ее вывели в сарай, на площадку в сарае. В деревнях есть такие деревенские дома, с сараем, где держат сено¹. Ее положили на площадку для сена и были шомполами. Двое финнов раздели, раздетую на живот положили и били прутьями, назывались шомпола. Это такие прутья, сплетенные вместе, а на концах оставлены круглые кольца. И били. Бьют, бьют. Тетка Паша, пока не потеряла сознание, кричала: «Я не знаю, я не знаю». Но она же кричала... Она жила у Мишиных на квартире, и хозяйка сколько раз выходила на двор, просила финнов: «Перестаньте бить». Выйдет на дворные ступени [*и говорит*], что она действительно не знает. Финны, которые били, ей и говорят через переводчика, мол, уходи, а то и тебе такая же честь будет. А у тети Паши только был рожденный ребенок, сын, Леша звали. Старший, Женя, был тридцать восьмого года, а этот сорок первого. Вот так били, били. Она потеряла сознание. Они ничего не добились от нее. Она действительно не знала, и хозяйка подтверждала, что она не знает. Знала бы, так уж, конечно, показала бы. Мама, как ей сказали, пошла проведать, все же сестра родная. Вернулась и нам рассказала, что [*тетя Паша*] вся избита, вся спина, все бока, похоже на печенку. А ребенок был маленький, еще грудь сосал. Так мама рассказывает, что она ляжет на живот, приподнимется на локти, а хозяйка подпихивала Леньку под нее, чтобы он пососал грудь. Она не могла ни на бока лечь, ни на задницу сесть. Вот так она была избита. Тут, может быть, финны были виноваты или

¹ В домах в Карелии под одной крышей часто объединяют жилое помещение и хозяйственные постройки. – Прим. ред.

наши продажные шкуры, которые доказывали, что точно она знает. Хоть бы они надвое сказали, что, может, есть [хлеб], а может и нет. А старик был такой противный, все доказывал, что знает всё, что у них много хлеба. Вот такой случай был.

А другие случаи были?

Вот сестра, Мария, рассказывает, что у них в лагере не наказывали и не били. Но были ребята, молодые парни, им очень курить хотелось. Курили всё вату всякую. А тут они зашли то ли в ларек, то ли куда-то еще... При лагере что-то есть, где держат сигареты. Так вот, зашли и взяли несколько пачек сигарет. Я сейчас не помню, сколько [взяли], а парней было двое. Мария рассказывает, что они это сделали ночью, а утром обнаружили: пришла продавец или кто там заведовал. Обнаружили. Утром, говорит [сестра], по тревоге собрали весь лагерь, выставили в шеренги, как обычно в лагерях, поставили большие скамейки. Этим парням раздели догولا, положили на эти скамейки, привязали руки и ноги вдоль туловища. И били по два финна с той и с другой стороны. Финны страшно не любили воровства и [наказывали] показательно, чтобы другим не повадно было, чтобы другие не воровали. Вот это было, это сестра рассказывает, она и сейчас живая.

Какие условия жизни были в лагерях, где работали ваши сестры?

В лагерях все зависело, как говорит Мария, от того, кто заведовал этими лагерями, от надзирателей. Были человеческие [надзиратели], они хорошо относились. Мария говорит, что в лагере, где она была, лучше кормили. И, говорит, мы очень старались работать. Дадут [по норме] вырыть сколько-нибудь кубометров земли, так, говорит, мы стараемся, молоды были, да сила была. И стали делать больше нормы, чтобы дали паек побольше. К тому же, как больше сделаешь, сколько-то марок дают. Но потом один надзиратель сказал, что если вы будете так много работать, в следующий раз вам прибавят норму, так что сделайте норму с небольшой [переработкой], а больше не старайтесь. Если вам дали вырыть пять или десять кубов – я не знаю, сколько, а вместо десяти вырыли одиннадцать-двенадцать, то, говорит, в следующий раз вам норму дадут уже не десять [кубометров], а больше. Видишь, какой человеческий, подсказал им, чтобы они себе не зарабатывали повышенную норму. Марию отпускали домой, у них был в лагере, по-видимому, начальник был лучше. Чаще домой приходила. А вот у Насти более строгий был начальник. Их и кормили плохо. Она потом рассказывала, что, в основном, кормили мясом павших лошадей. Убивало лошадей взрывами или еще как-нибудь. Иногда уже запах от лошади, а все равно кормили. Но есть-то хочешь. Там и норма была большая, и она

так сильно истощала, что даже не могла ходить на работу. И ее отпустили домой. Как сейчас я помню, она пришла домой в Шабалино. Она была красивая, две косы были ниже пояса. Она пришла в квартиру, домой, за порог только ступила и упала без сознания. Долго мы ее отхаживали, думали, что не выживет. Помогло, что мы жили у хозяйки, что там корова была. Стали ее подпаивать молоком да *[из еды давать]*, что получше. Местные жители тоже узнали, так стали носить: кто яйца, что-то еще, кто мог, чтобы она выздоровела. Но потом, как выздоровела, ее взяли обратно в лагерь. И так все время до конца войны обе сестры были в лагере.

А рождались ли в это время дети? И как за ними ухаживали?

Дети рождались у тех, у кого мужья... В основном, тут много не рождалось, *[разве что]* кто-то оставался в положении. Вот, например, тетя Паша Хорошкова осталась в положении, как дядю Ваню забрали в армию, она и родила. А так *[рождались дети]*, у кого были мужья комиссованы. Вот, например, у нас, из Падмозера, не были взяты в армию Гагарин Дмитрий Михайлович, во время финской войны нога у него была потеряна, Абрамов Дмитрий Васильевич, по состоянию здоровья, Гаврилов Федор Михайлович и Румзин. Они были комиссованы, так они ловили рыбу для финнов. Я помню, они спускали большие сети. *[Ловили]* около самого берега: приезжали, вырубали лед, туда спускали сети и ловили рыбу, но для финнов. Каждый занимался своим делом. Кто коров доил, кто еще что-то. Например, у нас мама одно время коров доила, а потом, как раздали некоторых коров по частным *[хозяйствам]*, мама ходила в лес, кубики *[кубометры]* заготавливали, дрова. Финнам ведь тоже топить надо было. Правда, кое-где, в Падмозеро, например, они несколько домов сожгли на дрова. А *[мужчины]* ловили рыбу. Как-то они приехали к нам, а у нас отец – вечный рыбак. Он очень сильно болел, но маме говорит: пойду на Падмозеро, рядом у берега похожу, может дадут мне несколько рыбинок. Ухи хотел, потому что больной *[был]*. Так он потом скоро и умер. Ну вот, пошел. Мама ему сказала: «Не ходи, не дадут». Но в тот раз у них надзирателя не было. Он взял маленькую мисочку, пошел, чтобы попросить у своих же, которые с одной деревни, с Падмозера. Но ему не дали. Рыбы, говорит, много наловили, всякой было, а отцу не дали даже попробовать. Он вернулся весь расстроенный. Другие-то, может быть, и дали, а *[в тот раз]* бригадиром был [...], и он не разрешил. Потом этот [...] старостой был в Великой Губе да в Великой Ниве. И тут тоже был за старшего. Он очень грубо со своими обращался. Так финны не обращались, как свои свиньи обращались. Как сейчас помню, рассказывали, утром магазин открывается, и люди выставляются в очередь, по карточкам. А в Великой Губе ступени высокие в магазин были и перил не было. Финны заходят, так не трогают, пройдут. Люди, которые стоят, раздвинутся, и финны

пройдут, не трогают. А он, говорят, как зайдет на верхнюю площадку, руками раздвинет, и старухи, и ребята падали со ступенек. Вот какие среди своих сволочи были! Но потом, конечно, после войны он заработал срок. Как война закончилась, все стали на него жаловаться, и ему дали одиннадцать лет тюрьмы. Он одиннадцать или десять лет просидел, приехал в Падмозеро. Но если бы он *[тогда же]* не уехал с Падмозера, его бы, наверное, и прикончили, так он издевался над своими. Он уехал со своим семейством за Онего, в леспромхоз, и там умер. Заболел то ли туберкулезом, то ли еще чем-то. И все так и сказали, что таким гадам – такая честь. Финны так не издевались, как свои продажные шкуры, которые доказывали и издевались над людьми. И когда он после войны приехал, отсидев срок, так с ним даже никто не здоровался. И пришлось ему уехать.

У вас были карелы или люди других национальностей?

Нет, не было. У нас только было местное население. Вот после войны к нам откуда-то приехали. В Падмозере, помню, были с Мордовии. Мордовцев много было. А каким путем они здесь появились, я не помню.

В Шабалино для вас была организована школа?

Нет, школы у нас там не было. У нас маленький населенный пункт, школы не было. Рядом, в Толвуе, была школа, да еще в Шуньге. Там больше населения. А у нас мало было населения, и школы не было.

Как финны относились к детям?

Детей они не обижали. Маленьких-то мало было, но они все равно приезжали, медосмотры делали. Головы смотрели, они не любили, чтобы вши были, следили за этим. Когда мы жили в Шабалино, совсем маленьких ребят почему-то не было. Наверное, молодых мужчин не было. А так... Плохого ничего не могу сказать. Те финны, что были помоложе, конечно, были не такие *[внимательные к детям]*. А вот постарше, у кого были дома семьи, очень детей любили. Приведу один пример. Шесть человек нас детей – мы с братом, хозяйские девочки и *[два ребенка из второй семьи]* – сидело на печке. Пришли финны, по-видимому, выпившие, как я потом *[поняла]*. А хозяйка закрылась в своей комнате. Они постучались в горницу, а хозяйка двери не открывает, у нее там был мужчина, не финн, свой. Долго не открывала двери. Финны стучались, а она не открывает. И они стали стрелять, два раза выстрелили около дверей в потолок с автоматов. Мы, на печке, как заревели. Испугались. Все *[взрослые]*: мама, родители *[двух других детей]* и все соседи по вечерам друг к другу ходили общаться, их дома в тот раз не было. Мы, в общем, расплакались, и один

финн поднялся к нам на печку. В деревнях у печи есть прилавок, он туда поднялся и нас успокаивал. Мы три года жили под финнами и научились понимать много слов. И вот я, как сейчас помню, что *tyttö* – это девочка, а *poika* – это мальчик. Он нам и говорит, *tyttö, poika*, успокаивает, чтобы не плакали. Достал из внутреннего кармана френча фотографию. У них френчи были, хорошая одежда. На фотографии он, жена – красивая финка, и двое детей: девочка и мальчик. И показывает, что у меня тоже *tyttö* и *poika* дома, там, в Финляндии, да по-своему говорит. И дал нам коробочку конфет. Леденцы, маленькая коробочка. Я до сих пор помню, а ведь шестьдесят лет прошло. Нарисован лимон на коробочке и конфеты желтенькие, монпансье, леденцы, как с лимоном. Они же тоже не все добровольно шли. Мобилизацию сделали, отправили, и всё. Вот они и других жалели.

Вы встречались с партизанами? Или слышали что-нибудь?

Партизаны были, приходили. Марии, сестре, однажды летом встретился партизан. Наш, из Падмозера. Петр Беззубиков. Они здесь после войны не жили, и сейчас его в живых уже нет. Мария шла из дома в лагерь, с Шабалино в сторону Шуньги. Тогда машин не было, пешком ходили хоть в Кяппесельгу, хоть куда, и вот она рассказывает: иду и вдруг выходит на дорогу из леса мужчина, весь обросший, и мне говорит: «Не бойся, не бойся, соседка». Он-то ее узнал, он у нас в Падмозере через речку [жил]. Он Марию хорошо знал. Мария говорит: я как испугалась, говорю: «Не подходи», думаю, сейчас как выйдут финны, они же патрулировали. Могут за это дело [наказать]. Но он у нее только спросил, как вы тут живете и да какое расположение [воинских] частей. Она ему ответила, что, мол, я в лагере там-то и там-то, а скопления большого у нас нет ни финнов, ни техники. Они же в закоулочке были у самого леса. И, говорит, он потом-то мне сказал: «Ты же соседка мне». Сестра только потом узнала, что это был Беззубиков. Но разве она смела кому-нибудь сказать! Она только после войны нам рассказала, уже много лет прошло. А во время войны даже родителям не смела рассказать. Да, приходили [партизаны]. Были еще три человека. В Паяницах есть братская могила, пришли тоже наши партизаны... Одного хорошо помню – Федоров, он паяницкий сам, а был женат на нашей падмозерской Анне. И вот их трое – не помню других фамилий – пришли, и на них донесли. Наши, свои, донесли, где они были. И финны их расстреляли прямо у клуба. В Паяницах рядом с клубом есть братская могила, они там расстреляны. Свои донесли. Финны поэтому и боялись – там же за Онегой наши, красные войска были. Как финны ходили в разведку, так и наши тоже приходили.

Как вернулись русские войска?

Ой, как это было радостно! Было уже тепло, июнь. Вдруг видим, идет лодка, и на лодке едут солдаты. С красными флагами они ехали, оттуда уже, с Паяниц. Мы жили на берегу озера, рядом часовенка была и в этой часовне [располагался] магазин. Все собрались! Видели, как приехали с красными флагами, в своей [форме], с красными звездочками. Встали на крыльцо. [Красноармейцы] вышли с лодки. Все собрались на берегу, а они встали на крыльцо и сказали, что скоро война кончится, финны отступили, уже освободили Шуныгу. Финляндия же раньше вышла из войны, она не до конца воевала, не до 9 мая. И нам сказали, что можете ехать домой, можете возвращаться в свои дома. В Падмозеро тоже финнов уже не было. Нам разрешили вернуться обратно. Мы обратно и поехали. До Паяниц ехали на лодке. Финны, когда отступали, сестер не угнали никуда, как немцы угоняли. Они сами отступали на скорую руку. По-видимому, наши войска собрались с силой да с техникой да погнали их отсюда, освободили Карелию. До нас, например, уже был освобожден Медвежьегорск и Шуныга, и нам разрешили [вернуться] домой. Отца уже не было, как мы домой приехали. Сестры приехали. Мария взяла свою корову. Корова-то была наша, но [финны] отдали ее местным. Мария пришла на пастбище, тихонечко подманила корову – Малькой ее звали – и колокольчик заткнула. Пастухи не видели, и она угнала корову домой по берегу через Фоймогубу. Мы благодаря корове и выжили, потому что во время войны нам хоть сколько-то есть давали, а после-то войны все же разрушено, ничего нет. Вот голод-то был! Благодаря вот этой корове... Мы ходили, копали на полях прошлогоднюю гнилую картошку. Она уже вся сгнила, лишь маленько крахмала есть. Но потом стали давать и хлеб по карточкам. Так неоткуда было взять, во время войны на полях-то не сеялось ничего. Но верили в лучшее. Радость была, что мы домой приехали. А дома-то столько лет не жили, от нашего дома одни стены были оставлены. В нашем доме финны держали горючее, горюче-смазочные материалы. Полы и то разобраны были. Ни печек, ничего не было. Бурьян выше окошек был. Окон тоже не было. Хорошо, что после войны народ был добродушный. Мы жили рядом с Татьяной Ивановной Кирпуговой. Не один год она сама с семьей, с ребятами, ютилась в избе, а еще были переселенцы с Мордовии какие-то посланы. А нам она дала маленькую горничку, метров восемь квадратных. В этой горничке мы и жили несколько лет, пока строились. Кирпичи возили с Палеострова, там был разрушенный монастырь. Так там брали кирпичи, бревна собирали по берегу. Но тогда народ был очень дружный, помогали друг другу. У нас отца не было, мы бы разве справились! Только благодаря чужим людям. И так вот и выжили, пережили. Каждый год было лучше и лучше. С каждым годом снижались цены на продукты. И главное то, что ждали конца войны. А война кончилась, тут уж, конечно, радость. Какая

радость. Мы-то маленькие дети были – так радовались. А как помоложе, женщины да девушки, как обнимались да целовались! Красноармейцев наших обступили со всех сторон, целовали все. Не приведи Господи, не дай Бог никому пережить войну!

Какое у вас было отношение к Финляндии и финнам после войны и сейчас?

После войны, помню, финны посылали нам гуманитарную помощь. Ведь не было ни одежды, ни обуви. Нам в школах раздавали [вещи] и в [какой-то момент] сказали, что их посылали финны. Не новые вещи, гуманитарная помощь. Так некоторые не брали, отказывались, мол, они нас пришли завоевывать, а теперь нам помогают, они же все разрушили. А мы еще маленькие были, еще не все осознавали. Не сложилось отрицательное отношение. И я здесь многих [финнов] сейчас знаю. Вообще, во время войны, знаю, что молодые девушки даже влюблялись в финнов, в солдат. На танцы ходили. Молодость есть молодость. И много молодых девушек тогда просто вышли замуж и уехали в Финляндию, и по сей день живут в Финляндии, и хорошо, говорят, живут. Когда финны отступали, то увозили девушек, с которыми дружили. Там они и сейчас живут. Я сама сейчас ничего плохого не могу сказать и кого знаю из окружающих, хоть родственники, хоть кто, никто сейчас плохого [не чувствует]. Столько уж лет прошло. И еще радуется то, что они не издевались так, как немцы. Финны все-таки были добрыми. Может, были какие-то [другие], ведь в семье не без уroda. Как и русские есть всякие, так же и у них есть. Но такого, как у немцев, не было. Вон они-то что делали. Прямо детей [убивали], и крематории, и чего они только не придумали, чтобы издеваться. А финны нет... У меня сейчас [к ним] хорошее отношение. А тогда война... Их же тоже отправили на войну. Как Гитлер приказал перейти границу, не все, может быть, хотели воевать. Как и наши, тоже ведь наших солдат всех забрали. Кто-то убивал, кого-то убили. У нас, по Падмозеру, очень много погибло, сейчас не помню, сколько человек. У нас есть на клубе доска, и там есть те, кто погибли и в финскую кампанию, и в отечественную войну. В финской кампании много погибло народу из наших. Они воевали в Сортавальских краях. Там была Долина Смерти, я ее проезжала. На этой доске памяти указано, сколько у нас погибло из Падмозера. Большая ли деревнюшка! А в финскую и в отечественную, в общем итоге, сорок три человека из деревни только погибли. Но в нашей семье, например, еще и отец умер, во время Великой отечественной войны погиб дядя Николай, брат отца, потом двоюродный брат. И отец, и сын погибли Савельевы.

Спасибо!

Интервью с Анной Михайловной Хансен, 1936 г. р.

Записала И. А. Осипова
д. Космозеро, 30.12.2005 г.

Меня зовут Хансен Анна Михайловна, девичья [фамилия] – Меркулова. Я родилась 2 февраля 1936 года. Во время Великой отечественной войны и до сих пор я живу в деревне Космозеро. Финны к нам пришли в конце ноября или в начале декабря – уже был снег. На второй день, как они пришли, всех жителей села собрали на площади у школы и объявили условия, что мы должны делать: чтобы с восьми часов утра и до четырех дня мы находились в деревне, а после четырех не выходили никуда за пределы деревни. Вокруг деревни с трех сторон была колючая проволока, только озеро не было огорожено. В озере тем, у кого были лодки, разрешалось до четырех часов дня ловить рыбу. [К тем], кто исполнял их требования, финны относились нормально.

Мне, когда началась война, было пять лет, но я хорошо все помню. Нас выселили из нашего дома в дом напротив, двухэтажный. Наш тоже был двухэтажный. Нас было три семьи, и все три семьи поселили в один дом, где было еще две семьи. В нашем [бывшем] доме была тюрьма. В нижнем этаже – дом был поделен на две части – были камеры и там жили партизаны, в каждой камере по три-четыре человека. Даже до сих пор есть вытяжное окно на улицу – что-то вроде форточки из деревянных досок сделана. До сих пор на подоконниках имеются фамилии, имена и возраст партизан, кто сидел в камерах в нашем доме. Партизан было около семнадцати человек. Их расстреливали в сорок третьем году за деревней. Сейчас это все перенесено в братскую могилу в саму деревню. А там, [за деревней], была выкопана большая яма, и вокруг ямы [партизан] поставили и расстреляли.

Моя бабушка Матрена топила финнам баню. [За это] ей разрешалось ходить в лес. Другим не разрешалось. И вот я с ней ходила в лес собирать веники. Мы были недалеко от этой ямы, [где расстреливали партизан], метров в пятидесяти. Их закопали не сразу, и были слышны стоны. Вокруг этой ямы стояла [обувь], кто в чем был: кто в бурках, кто в валенках, кто в сапогах или ботинках: все это было выставлено вокруг ямы. [Из тех], кого расстреляли, были и раненые, их в тот день не закапывали, видимо, думали, что кто-нибудь за ними придет. Самому старшему партизану – такой дедушка с бородой – был восемьдесят один год. А самый младший был наш дядя Вася, которому было восемнадцать лет, Горшков Василий Петрович. У самого старшего, по-моему, была фамилия Тюрин. [До

расстрела] партизаны сидели несколько месяцев в тюрьме. Их взяли зимой сорок второго года, а расстреливали уже в сорок третьем.

Но финны сильно среди местного населения не злорадовали, кто выполнял их указания, тех не трогали. А тех, кто не подчинялся, били прутьями или розгами. Например, моего брата, которому было тогда одиннадцать лет. Нас у мамы было семеро, самому старшему было семнадцать лет, самому младшему было три месяца. Девочка Катя у нас часто болела, и брат Василий во время дня ходил под колючую проволоку за малиной. И каждый раз, когда он придет, его поймают и бьют розгами. Стояла в нашем дворе, где была тюрьма, такая скамейка... А на доме была цифра «66», видимо, лагерь такой. И вот [брата] били розгами, когда он сбежал, а он все равно убежал. И сколько раз его ловили, как только синяки отойдут, он опять убежал, [собирал] для сестры малину. Сестра Маруся – ей тогда было тринадцать лет – мыла посуду на кухне через дорогу. Кухня была сделана, как будка, которые сейчас в лесу делают. И она с подружкой Надей Горшковой мыла там посуду. Финны им за это не платили, а давали объедки в ведро, где и компот, и каша – все вместе было. А другим ребятам, кто не работал, два финна, которые работали на кухне, давали объедки. Один финн давал им еду в миску или в горшок, с чем они там приходили. А другой просто бросал [объедки] на помойку и смеялся, когда они подбирали эти объедки. А наша сестра приносила в ведре [еду], и мы этим питались.

В нашем доме жило еще пять семей. Моя мама этим Ерофеевым и Кромшиловым давала немного [еды], когда бабушки Матрены дома не было. Бабушка была суровая, не хотела делиться. Люди даже пухли с голоду. Вот Ерофеевы три сестры: Шура, Тася и Катя. Мама, когда бабушка уйдет баню топить, тихонько носила им еду. С нами еще жил дедушка, мамин отец, и две ее сестры: у одной сестры было два сына – Юра и Толя, а у другой детей не было. Так мы кое-как перебивались. Мама работала – следила за свиньями. Когда финны пришли, у всех жителей была своя скотина: овцы, курицы, коровы. Они все отобрали. У них был свой скотный двор в Космозере, и еще один в Пургино за пять километров.

В доме, где была тюрьма, наверху жили начальники, а солдаты жили в нашей двухэтажной школе. Их, наверно, было человек триста, потому что после войны мы учились, так нас четыреста человек было. До войны был еще детский дом, его эвакуировали перед [оккупацией], в августе или сентябре. Куда увезли, я не знаю. А там, где был детский дом, у финнов тоже было какое-то начальство. Они однажды напились, и этот детский дом сгорел. Больница была в елесовском двухэтажном доме, люди были выселены в меньшинский дом. Вообще, все население было переселено по

несколько семей в один дом, как мы, по пять-шесть семей в одном доме. Еще привозили переселенцев с Великой Губы и с Фоймогубы. Вот мы с одной семьей жили, девочками Галей и Валей Амосовыми, так они были переселены с Великой Губы в вороновский дом. А в ту школу, что была заселена финскими солдатами, ребята ходили с десяти до тринадцати лет, по-моему, всего два года ходили или даже, может быть, год. Моя сестра и брат ходили в школу в Терехово, за два километра, там их обучали финскому языку.

Расскажите про условия труда.

К труду принуждали всех детей старше четырнадцати лет. Мой брат Петр работал в Селецком, пас там коней. Раз он подошел к колодезю, поить коней. А там – это было, видимо, в Карасозере или в Мунозере, в тех деревнях – говорили, что были партизаны, и финны бомбили эти деревни. Так вот, только брат отошел, как бомба упала прямо в колодезь. Потом брата взяли строить дорогу где-то между Кондопогой и Кяппесельгой. Много у нас с деревни парней и девок пятнадцати-семнадцати лет было взято туда.

Были ли какие-нибудь наказания или поощрения?

Поощрений я не помню. А наказания были за опоздание на работу на пятнадцать-двадцать минут. Людей наказывали тем, что не платили денег. А вот они [*работники*] марками зарплату не получали, а получали продуктами – галетами. А девочкам двенадцати-тринадцати лет, которые умели петь и плясать – Изотова Маргарита, Антипова Клавдия – давали галеты, шоколадки за то, что они плясали. Одни приходили даже за два-пять километров, с соседних деревень. Сейчас этих деревень нет. Теперь вокруг ничего нет, в Космозере никто не заезжает, даже автобусы не ходят.

Как вы узнали о войне?

О войне мы узнали по радио. Война началась двадцать второго июня, а мы узнали двадцать третьего июня около десяти часов утра. У нас радио было только в колхозной конторе. Тогда около нее висела такая железка, то ли рельса, то ли что. И вот в эту рельсу били и собирали всех людей. Тогда председатель колхоза объявил, что началась война. Взяли на войну моего отца. По прошествии того, как объявили о войне, через десять-двенадцать дней, их увозили. А тогда дороги на Медгору не было, так наши мужики уехали на лошадях.

Помните ли вы финских начальников? Как они относились к местным жителям?

Имена их я не помню, помню только старосту, звали его Петр Иванович Тишин. У него сейчас есть сын, Станислав Петрович. Он не обижал местное население. Он знал финский язык, потому что был переводчиком. А так финны не злорадствовали сильно.

Рождались ли дети?

Ну, вот только Станислав Петрович и родился. А партизанам, [что в тюрьме сидели], есть памятник в деревне, и все их имена и фамилии высечены на этом памятнике. Каждый год там проходит митинг.

Что вы можете добавить о партизанах? Где они действовали?

Были они в деревнях Фоймогуба, Яндомозеро, Мунозеро, Карасозеро. Слышали, что они там есть, но вот у нас в деревне, может, и были, но я не знаю – маленькая была.

Какие черты личности сформировала оккупация и как сказалась на дальнейшей жизни людей?

Некоторые болеют: те, кто работал в тяжелых условиях, четырнадцати и пятнадцатилетние, как мой брат, Мария Филкина, Мария Ульянова из Шуньги. Они строили железную дорогу между Кондопогой и Кяпсельгой. Они рассказывали, что их там кормили бурдой, заставляли работать по четырнадцать часов в день, а кормили плохо.

Какое у вас какое отношение к финнам сейчас?

Большой злости нет, конечно. Нас не обижали, потому что наша бабушка работала у финнов. И к нам они несколько раз приезжали после войны, церковь смотрели. Тогда еще были живы родители некоторых, так финны все у них спрашивали. Нет такой злости на них, они не сильно обижали, если мы не нарушали закона.

А в деревне были только русские?

В нашей деревне и в близлежащих карелов и других национальностей не было.

Как вы узнали, что пришли советские войска?

Тоже по радио. Узнали, что Карелию освободили. Это был июнь сорок четвертого. Мне тогда было почти девять лет. Мы обрадовались. В школу пошли в том же году.

Жить стало легче после войны?

Ну, там карточки были. Полегче, конечно, в том случае, что мы могли в лес ходить по грибы, по ягоды и рыбу удить хоть до полуночи. И скотину нам обратно отдали, со скотиной было уже легче.

Спасибо!

Интервью с Раисой Леонидовной Агаповой, 1937 г. р.

Записала Ю. А. Иванчук
с. Суоярви, 04.01.2007 г.

Война застала нас в селе Кончезеро Кондопожского района. Отец у нас работал в МТС, машинотракторной станции. Отец у меня был мало того, что военный, [так] еще и партийный. Поэтому он был сразу же оставлен в Карелии для образования партизанских отрядов. Раньше он нас эвакуировать не мог, потому что было внегласное указание эвакуировать семьи в последнюю очередь. Поэтому, так как Петрозаводск не мог вмещать все вагоны, там же тоже шла эвакуация, было решено, что этот отряд, «Боевые друзья», будет своих отправлять из Ладвы. Нас [из Кончезера] отправляли в Ладву. И в Ладве мы должны были ждать поезда, который увезет нас вглубь России. Но случилось так, что, когда железную дорогу перерезали финны вместе с немцами под Тихвином, в поезде нам отказали, состав не подали. И военные, которые организовывали отряд «Боевые друзья», обошли всю Ладву и всех предупредили, чтобы все уходило в лес, поскольку финны должны были вот-вот прийти. Это было утром, часов в десять, потому что мы пили чай, и в это время забежал солдат и предупредил. Быстро собрали сумки. В это время финны уже въезжали на самокатах и велосипедах. Но дело в том, что вся регулярная [финская] армия ушла раньше, прошла уже Ладву, а к нам попал уже этот гарнизон, который и остался служить в Ладве, караулить население. Население ушло в лес, через дней десять, пятнадцать финны разбросали листовки, чтобы люди возвращались, поскольку армия ушла уже далеко, освободить нас некому. Возвращались и начинали жизнь осваивать здесь. Коренное население Ладвы эвакуировались раньше. А все, которые здесь оставались, ну, не все, какая-то часть ладвинских все равно оставалась охранять свое имущество, а так, в основном, были пришельцы типа нас. Пробыв какое-то время, народ весь вышел из лесу, и финны начали опись. Опись они сделали детальную: кто, сколько, когда родился, ну, в общем, все. И было предложено сразу желающим уехать в Финляндию. Но когда они посмотрели, что много очень было с детьми, то с детьми не брали. Сказали: «Будете зимовать здесь». И мы, таким образом, три года там зимовали.

Когда финны пришли в Ладву, там не оставалось русского гарнизона?

Нет. Они сразу же все ушли. Вот как предупредил нас тот молодой человек, сразу же все ушли. Это был партизанский отряд, он ушел в леса и действовал в лесах, а регулярной армии не было тогда, там формировался только этот партизанский отряд «Боевые друзья».

Партизанский отряд совершал набеги?

На Ладву не совершал. Их цель была отвлекать немцев от железной дороги. Они, в основном, действовали на Беломорск, на Калевалу, на Поросозеро. Они отвлекали немцев от железной дороги и нас они не беспокоили. Мы остались в глубоком тылу. Вначале финны, как только вошли, ведь зима приближалась... Они же пришли в августе, пока две-три недели, уже сентябрь, и финны всех отправили на лесозаготовки, заготавливать дрова на зиму. Сначала у нас бабушка занималась, мама была с маленьким братиком, который родился у нас перед войной, потом, через какое-то время, уже мама работала. Вначале заготовили лес, сколько надо было. А мама у нас бухгалтер, и ее взяли в комендатуру. И она до конца войны была в комендатуре. Что финны сделали правильно: когда они проводили опись, то учитывали так, чтобы каждый в семье работал. Если даже один человек работал, то продукты они выдавали на всю семью. Поэтому голодовки мы не видели. Вот нас было пять человек, на пять человек они и давали продуктов. Раз в месяц или в два они выдавали галеты, муку, сахар. Детей они не обижали. Даже иногда угощали конфетами, если встречали на улице. А мы особенно никогда не бегали и не баловались. Мы были все время под приглядом бабушки, поэтому играли только во дворе.

Как финны осуществляли контроль?

Ходили они, проверяли время от времени. Такие, как рейды делали. То ли по какому-то негласному [*принципу*] посещались эти семьи, то ли у них был обход, я, честно говоря, не знаю. Единственное, что они делали, они никогда не входили в квартиру с оружием. Ходили они, конечно, по улицам с оружием, но оружие всегда оставляли в коридоре. Насчет того, что кто-то кого-то обижал, тоже особенно не было, не слышно было. Воровства, как такового не было, да и нечего было воровать. Я, на пример, ни в курсе дела, да и мама ничего не говорила. Финны, когда уже начался учебный год, то они всех детей с шести лет заставляли ходить в школу. Моя сестренка попала не в первый год оккупации, а на второй. Ей исполнилось шесть лет, и она пошла в школу. Преподавание велось на финском языке, и первый класс она окончила на финском языке. Правда, ей это хорошо помогло, так как она потом была в медицинском училище, где тоже был финский язык. Но зато первый класс пришлось учить по новой, когда война закончилась.

Финны знали, что у вас отец был в партизанском отряде?

Вроде кто-то доложил. Потому, что маму они держали под контролем, чтобы на глазах все время была. Но как такового притеснения не было.

У всех спрашивали: «Где ваши мужья?» Все говорили, что в армии. Хоть стреляйте, хоть что. Но нет, финны были лояльны.

В свободное время финны устраивали какие-либо мероприятия?

Нет, я не знаю. В нашей семье было некогда, все-таки трое маленьких детей, работа была напряженная, с утра до вечера мама была на работе. Сами они, конечно, собирались, допустим, с соседями поболтать, поговорить. И еще, это уже с маминых слов, что был какой-то финн, лояльный к карелам. Он им иногда разрешал послушать сводки. Там уже, в комендатуре. Что они не успевали послушать, то он передавал на словах. Поэтому они хоть чуть-чуть, но были в курсе, что и где творится. А еще они обеспечивали, кроме еды, одеждой. Но зато когда они уходили, они прошли по всем домам и собрали все, что они давали финское, в каком бы оно ни было виде, и сжигали тут же, на глазах. И поэтому остались мы потом ожидать американской помощи. Уходили они так же тихо, как и пришли, тот гарнизон, который у нас оставался, и тоже на тех же велосипедах.

А много людей отправили в Финляндию?

Они не отправляли, а по собственному желанию. Были люди, которые шли туда. Они очень много добра обещали и всего. А так не знаю.

Когда финны организовывали управление, они местным жителям доверяли, назначали на ответственные посты, или в управлении были одни финны?

Вот была только комендатура, и все, мама моя была секретарь, а остальное они сами. Власти, как таковой, не было.

А старосты были?

Из наших не было. Так они опирались на народ, который был к ним более [лояльным], на бабушкину сестру, например, которая, может быть, и следила за кем-то. Но мы не подвергались [надзору].

Были ли последствия после войны?

После освобождения, в сорок четвертом году, за нами приехал отец и увез нас в Медвежьегорск. А раз мама была партийная, то КГБ сразу взялось за нее. Нас, детей, не трогали до института. В первый раз мне в институте задали такой вопрос. А в институте был прямо такой вопрос: имела ли моя мать связи с финнами во время оккупации? Не переписывались ли она

после войны? Я ответила, что, во-первых, четырехлетний ребенок и знать не мог об этом, а, во-вторых, у нее и дети, и бабушка старая на руках, поэтому вряд ли. А когда мы вернулись, то КГБ ее года три трясло, почему ее не расстреляли, зная, что отец в партизанском отряде и она партийная. Но это на совести финнов.

Уходя, финны оставили мины?

Если только на дороге. В Ладве такого не было совершенно. Не было, потому что вечером в десять часов уехали финны, мы наблюдали в окошко, а наши вошли в десять утра. Все спокойно расселись, спокойно все обошли, нигде ничего не было. Если только за дорогой, по которой они уезжали, за Ладвой. А тут ничего не было, потому что наши спокойно вошли.

Как потом к вам относились обычные люди, которые вернулись из эвакуации?

Ничего такого не было. Во-первых, мы из Ладвы уехали раньше, чем вернулись те, кто были в эвакуации. Когда стали ладвинские возвращаться, мы уже уехали. А в Медвежьегорске никто не знал, потому что мы этого не афишировали, знали только власти. В школе ни разу не вспомнили, хотя я везде в биографиях писала, что была на оккупированной территории. В первый раз только в институте зацепились, а так нет.

Была ли пропаганда со стороны финнов против Советской власти?

Вот только и было, что они уговаривали переехать в Финляндию, но это только трудоспособное население, без детей, для рабочей силы. Я не в курсе дела, но, думаю, наша мама говорила бы об этом.

В общем, получается, что у вас в оккупации была не такая плохая жизнь?

Да, никто и не говорит. Никого не притесняли, питанием обеспечивали, пусть не очень сытно, но все равно, разрешали ходить недалеко в лес за грибами, ягодами, щавелем. Картошку сажали сами. В первый год мы копали огороды тех, кто уехал, а на второй год посадили сами и жили этим. А так и финны обеспечивали. Не знаю, давали ли они дополнительный паек, если не хватало, но мама постоянно в определенный день приносила полностью продукты на нас пятерых.

Были случаи, когда партизаны приходили навещать своих родственников?

Я не знаю, но даже если и пытались... Ведь эта территория очень хорошо охранялась, финны по ночам ходили – иногда ночью в окошко помотришь, финны ходят. Значит, кто-то сообщал... А так нет, глубокий тыл. А отец наш и не пытался, потому что они в партизанском отряде Григорьева, у них был совсем другой порядок, они за Калевалу ходили.

Пытались ли финны внедрять элементы своей культуры? Песни, например?

Детей в школе учили. Но была палочная система. Если чего-нибудь не выучил, то указкой по голове или по рукам. Но это за непослушание. А так на финском языке и учили, и пели, и разговаривали, все на финском языке.

С жителями общались только на финском? Или через переводчиков.

Честно, не знаю. Наверно, по-русски, потому что мама финского не знала, а в комендатуре работала.

Спасибо!

Раздел 2.3

Заключенные финских трудовых лагерей

Интервью с Анастасией Тимофеевной Николаевской, 1921 г. р.

Записала И. А. Осипова
с. Толвуя, 05.01.2006 г.

Я – Николаевская Анастасия Тимофеевна, пятого января 1921 года рождения. Сегодня день рождения. [До войны] я работала в Урозере учительницей, а как объявили войну, была в отпуске. 22 июня уже была в отпуске, в Кирове, у сестры в гостях. Объявили войну, и я вернулась домой. Нас отозвали на работу. В нашей школе была лошадь, и на этой школьной лошади мы в колхозах косили сено. Сначала убирали сено, а осенью – картошку. Это было до конца октября. В конце октября директор съездил в Шуныгу – тогда был Шуныгский район – и привез нам трудовые книжки, где было написано: «Уволены в связи с эвакуацией». Мы поехали по домам. Школа больше работать не стала. Со мной жила сестра, Анна Корovina. Мы взяли школьную лошадь, [сложили] пожитки на телегу, и нас повезла еще одна девица. А девица такая, лошадь запрягла, да хомут не той стороной надела. Встретился по дороге мужчина: «Дочка, ты запрягла лошадь? Ты хомут-то не так надела!» Перепряг нам лошадь. Как только мы приехали – сразу пришла повестка, вызвали дежурить в сельский совет. Я ночь продежурила в сельском совете. Потом мы пошли с сестрой на Вырозеро. Я-то из Урозера уехала, а хозяйки к тому времени уже не было, ее взяли на оборонные работы. И я поехала к ней, чтобы за квартиру рассчитаться. Но там хозяйки не было, и обратно мы с сестрой идем – а уже финны пришли. Это было где-то около октябрьских [праздников]. Финны пришли, и уже по всем деревням рыскают. Я так испугалась, а сестра успокоила: это не финны, это наши. Но уж потом [услышали речь]: «Ла-ла-ла». Обошли стороной, с финнами не встретились. Ну, а уж домой пришли – тут уж все, [финны].

Через несколько дней нас всех выселили. В тот год зима ведь рано началась, быстро морозы [наступили]. Озеро замерзло, эвакуироваться никто не успел. К нам ведь наслали много эвакуированных с Мончегорска, карелы все были сюда выселены – очень много было. В школе было много всяких ребят: и карелов, и финнов. Русского языка не знали, но недолго пришлось им заниматься, потом, в первую очередь, их успели вывезти. Были белорусы тогда всякие, их тоже успели вывезти – не знаю, далеко ли, близко ли их везли. Другую партию привезли в Толвуя, в школе их поселили, а увезти не успели – замерзло все. И [финны] сразу нас всех выселили с домов, потому что по всему берегу [Онежского озера] была передовая. Этот берег занимали финны, а тот берег озера занимала наша армия. Чтобы не было связи с партизанами, всех выселили, начиная с Шуныги

и кончая Типиницами, Кижами и Сенной Губой. Все побережье выселили. Всех жителей из Сенного Губы в кижанках увезли в Петрозаводск. А Типиницы и все [*другие деревни*] – вглубь [*Заонежья*]. Мы жили в Тявзии. С первого дня, как только в Тявзию мы поселились, стали набирать тех, кто постарше, в Кондопогу. Идет староста, а мы с Анной на сарае зерно мололи. Я с ним встретила в коридоре. Он мне говорит: "Сколько тебе лет?" Я сказала как-то... мало сказала, с ходу у меня вышло. Он про Анну спрашивает, я говорю, что Анна моложе меня. Так мы от Кондопоги спаслись. Но [*одну*] партию туда отправили, вторую стали набирать. Как стали вторую группу набирать, тут и нас взяли. Мы с Анной, Александра Петровна Горева, Лидия Николаевна Кусова, и до нас еще Настя Тихонова со своей подружкой... Всего нас с Тявзии восемь человек. Везли нас на машине, потом высадили на лошадь. Это уже зимой. Повезли в лес, специально была проделана дорога. Привезли в бараки. Три барака. Бараки в лесу, где-то около Сандормоха¹. Болото, по лагерю протекала речка – там [*до войны*] жили политические заключенные. Двойные нары в бараках по стенкам, и посередине перегородка. Нас на одних нарах одновременно лежало (*перечисляет восемь имен*), это все наши были, а дальше – с Фоймогубы (*перечисляет еще семь имен*). Это в один ряд мы все. Я спала сверху, там еще народу было. И дальше, а еще напротив нас, тоже двойной ряд. Сколько же всего это? Человек сто было нас в этом бараке. А барачников таких три.

Зимой на работу ходить было близко, так ходили пешком. Под снегом ничего не видно – а было болото, очень сырое. Весной снег растаял, и вода... А дорога была сделана лежневка². Были настланы бревна, и бревна тоненькие, и [*до войны*] заключенные волочили по этим рельсам вагонетки с лесом. Лес-то заготавливали, а транспорта никакого не было. И вот проделали дорогу, лежневку, и по этим лежневкам вагонетками возили лес на сухое место, куда могло подойти машина или лошадь – на чем уж дальше увозили. А как снег растаял, мы по этой лежневке ходили на работу. Строили мы дорогу с деревни Медвежки через Янову гору и соединяли с тринадцатым или четырнадцатым разъездом железной дороги. Там шел фронт, и как бой идет – мы постоянно встанем и смотрим в окошко, как самолеты идут, как стреляют.

Сначала, зимой, когда нас привезли, мы гнали просеку. Мы рыли снег, снегу было в тот год очень много, так мы гнали просеку восемь метров шириной, чистили снег. А маленькие девочки с нами были – (*перечисляет*) – четыре девочки, две наших, другие не знаю откуда – так их не за-

¹ Место массовых расстрелов в 1937—1938 гг. – Прим. ред.

² Лежневка – дорога, сделанная из двух параллельных бревенчатых рядов по ширине автомобильной колеи. – Прим. ред.

ставляли снег рыть, а дали им по секатору, и они бегали по просеке и срезали кусты. Мы снег прорыли и потом пилили лес по этой просеке. Спилили лес. Потом, как потеплее стало и земля оттаяла, стали пни корчевать. Пни выкорчевали, рыли канавы. Давали нам по шесть метров канавы на человека. Кому попадетсЯ мягкое место, работает быстро – шесть метров, группа по трое – восемнадцать метров намеряют, и двое с боков [*копают*], а третий посередине. Кому попадутся камни или пни, то, конечно, повозятся, особенно если пень попадетсЯ сосновый – он уходит стержнем вглубь земли, хоть зубами грызи. Но канаву вырыли, и потом стали делать по болоту настил. Настил тоже из бревен. Так это, знаешь – спилят толстую сосну, в пятнадцать метров, и вот такую сосну надо из лесу вынести на дорогу, да еще проложить вдоль балки. И вот мы встанем по парам, как вцепимся в эту сосну, и на повороте первый сосну закидывает в снег. Это было очень трудно, очень тяжело. Сделаем такой настил из бревен, потом поперечный. Но поперечные не толстые, вдвоем уже несешь. Бревно восьмиметровое, положишь на плечо, и из лесу тащишь. И через болото был сделан бревенчатый настил. Бревенчатый настил сделаешь, потом уже песок возили – но возили уже машинами. А рыли да грузили лопатами. Машину нагрузишь, та уходит – подходит вторая, загружаешь. Два человека на дороге стоят, выравнивает этот песок, два человека в карьере ломami работают, спускают песок вниз, а остальные нагружают. Так и работали. Поощрений не было никаких. Деньги нам платили. Хоть и немного, но платили, в марках. Пока мы близко работали, так ходили на обед домой. Котлопункт работал, там пусть и худое [*питание*], но суп давали – нам всем давали по большой чашке, где-то по литру супа. Иногда из овсянки, иногда горох с травой.... Когда какой. И давали грамм по триста галет. Но галеты – нас было, допустим, сорок человек, и на всех вешали на весах. Взвешивала тоже учительница, она откуда-то из Шуныги, а работала в Типиницком районе, в какой-то начальной школе. Так она кладовщиком работала. Мы коробку принесем домой, вот она эту коробку и взвешивает. Дома у нас были сделаны весы, квадратная картонка с одной стороны, квадратная картонка с другой стороны. На эту картонку положат, например, плитку галет и еще две галетины сверху, на другую плитку, кладут и вешают, чтобы каждому поровну, без обид было. В каждом бараке была староста, которая следила за порядком. Финны порядок любили. Баня была натоплена каждый день, хоть каждый день мойся, лоханки там были – хоть каждый день стирайся. Но мыла давали по маленькому кусочку. Когда канаву по болоту копали – сыро же, тут уж поневоле часто мылись. А так один раз на неделе мылись. Финны следили, чтобы не было вшей. За чистотой очень следили. Были в каждом бараке старосты. Придешь с работы, а барак уже теплый, в порядке, подметен, намыт, печки натоплены. И вот староста сходит, получит хлеб, вечером сдаст... Но работать заставляли много.

Вы долго работали?

До освобождения.

А по времени – с утра до вечера?

Нет, не с утра до вечера. Как канаву копали, так подельно – хоть за час сделай шесть метров. Но ждали, чтобы все. Некоторые сделают быстро, кому мягко попадет, а некоторые... Так, часов до четырех. Не было ни у кого часов... Утром на работу привезут, вечером с работы привезут. Возили на бортовых, на открытых машинах. Часто, например, мы сделаем свой участок, десять километров – нас передвинут дальше. Там был семейный лагерь. Семьями жили. В том лагере, например, была Анна Федоровна Красильникова, так в лагере были она, брат, отец и мать. Четверо, такие семьи. Была такая старушка украинка, у нее было двое взрослых ребят, Дуся и Петя, еще жили (*перечисляет по именам семьи, жившие в семейном лагере*). Соединили нас с семейным лагерем. Мы дорогу сделали – нас еще двинули, там был лагерь парней. С парнями соединили. И построили мы дорогу, но до самой железной дороги нас строить не пустили, там дальше финны достраивали. Все боялись... А нас в другую сторону сдвигали. Потом уж нас сдвинули в Уницу. Поселили нас в деревне Спас, маленькая деревушка Спас. Но там мы жили недолго – народу нас много, да и дорога там была уже... на телегах ездили. И мы стали строить дорогу на Черкасы да на Красную Сельгу. Там тоже дорога была, на телегах ездили, и мы расширяли только, песком засыпали. До Черкасов мы не достроили километра два. Вырубили кустарник, прокопали канаву – засыпать песком не успели. И финны по этой дороге отступали, а потом мы по этой дороге бежали домой. Бежали домой... Мы в это время жили у Белой Губы, и потом уже двинулись в Батово. Два километра до Черкасов... Там был какой-то праздник, и мы ходили смотреть – все говорили, что там колокольня на боку, и мы ходили смотреть, правда ли, что на боку. Оказалось, что действительно – там церквушка маленькая, и у ней часовенка покосилась... И тут с работы идем, летом, хорошо, тепло, птички поют – и навстречу нам какая-то женщина. «Ой, дорогие, идите быстрее, у вас в лагере что-то творится, неизвестно что». Мы прибавили ходу, быстрее пошли – а это уж финны начали отступать, и все суматошатся. У нас матрасы были травой набиты, так все это вытряхивали. Мы поскорее собрали пожитки и пошли. У меня было хорошее новое осеннее пальто, и я его все годы берегла. Возила за собой, берегла, все держала. Была еще подушка и одеяло ватное. И тоже берегла подушку и одеяло. Думала, что война кончится, отправят куда-нибудь на работу, чтобы с собой было что взять. И вот мы все это собрали и пошли. Пошли, идем – а нести-то не можем. Идем-идем, завернем в лес и что-нибудь выбросим. Потом дошли

до Черкасов, а с нами были из Тявзии девчонка одна. Они [*семьей*] приехали из города, ничего не взяли – так и остались в оккупации. У нее была рваная-рваная кофта, и больше ничего. Так идем-идем, кто что-нибудь оставит, выбросит и говорит: «Маруся, брось ты свою кофту, одень мою, получше». Она и оденет. Пришли в Черкасы, зашли в одну избу посидеть. Посидели-посидели, и пошли. Валька валенки свои оставила в этой избе, так я и говорю: «Маруся, возьми, валенки же хорошие, подшитые валеночки, потребуются». Она и эти валенки взяла. А мы все бросили. Я бросила свой чемодан – чемоданы-то тогда были деревянные. Только несла подушку, одеяло и пальто на себе. Дошли мы до Палозера. В Палозере мы ночевали. Надо было через озеро переезжать, нас перевезли на второй день утречком, высадили на тропинку, и мы по ней, через горы, в Фоймогубу пришли. Из Фоймогубы в Тявзию, домой переехали. Ну мы-то домой приехали, нам хорошо было – у нас от финнов остались посева, восемь гектаров ржи, гороху было много. Горох хороший, наверно, метра два в высоту. У финнов все поля были обработаны химикатами – не то, что у нас. У нас-то до войны ничего не было. Трактор первый пришел – маленькая такая дрезина, можно сказать – из Толвуи люди бежали за этим трактором, к нам пришел – и мы тоже все бежали до загорья. До загорья бежали, потом уж все выдохлись, остановились, тракторист кричит: «Посмотрите, как он работает!» – и снова побежали. А первую машину я увидела в седьмом классе. Только тогда первую машину увидела. Вышла на сарай – а раньше сараи были большие, и ворота были большие, и съезд был с сарая большой, потому что сено на лошадях возили, с возом заезжали в сарай и там разгружали. И я стою в воротах – Господи, что-то по горе бежит. А у нас сосед был, мальчик, он такой же, как я, по возрасту, но учился годом позже. У него была ушиблена нога, начал развиваться туберкулез, и он в то время лежал в Ленинграде, в больнице. Ему этот туберкулез залечили, на ноге, чтобы она ходила, делали операцию – косточку вырезали, у отца брали косточку, приращивали ему... Он прихрамывал всю жизнь. Так он-то уж в Ленинграде машины всякие видел. Я говорю: сейчас по горе что-то бежали так быстро, а он: «Так, наверно, автомобиль». Это было в тридцать шестом году. Не было ведь ничего – одна лопата! И тогда же увидела первый трактор.

Были в лагере, кроме русских, другие национальности?

Нет. Были белорусы в соседнем лагере, и там же украинцы были – но лично в нашем не было. У нас все местные были. Карелов было много эвакуировано, и были спецпереселенцы из Украины и из Белоруссии. Это когда коллективизация началась, раскулачивали их и отправляли сюда. Их-то всех [*до начала оккупации*] эвакуировали, на барже увезли на другой берег.

Какова во время финской оккупации была судьба ваших родственников?

Папа у меня был старый, да мама старая, да еще и бабушка была... Как война началась, мама мне говорит: «Съезди в город, вывези бабку». Я съездила в город, привезла ее в деревню. Она с нами и жила, а потом финны всех старых увозили в Петрозаводск в лагерь. Увезли и их – бабушку-соседку, нашу бабушку, а там все были старые бабушки. Лагерь был на Перевалке. Был еще один такой случай: мы закончили работу и ехали домой. Машина была совершенно без бортов и нагружена песком. И мы, двадцать пять человек, стояли на песке. Первые стояли у кабины и держались за доски, а мы держались друг за друга. А шофер ехал с большой скоростью, как на повороте завернул – и нас всех выбросило с машины. Кто на ближней стороне стоял, так удар меньше, а кто по-дальше – так удар большой. Одна девица сразу погибла, насмерть, с нашей бригады, с нашей комнаты. Еще девушки (*перечисляет*) ушиблись очень. У одной была пробита голова, у другой сломана рука. У кого что. У меня было здесь пробито... а в основном ногами, коленками [*ушиблась*]. Сразу подъехали большие машины скорой помощи. В лесу связист по столбу вызвал [*машины*] – телефона-то не было, так он к проводу подключился и вызвал скорые машины. Большие машины. Нас всех на носилках в эти машины и в Медгору. В Медгору привезли, всем оказали первую помощь – и кто был тяжело ранен, и других. Тех, кто был сильно [*ранен*], оставили в Медгоре, а нас – опять в машину и повезли в Петрозаводск. И нас возили по всему Петрозаводску. Как привезут – выйдут [*врачи*]: «Это все больные – русские?» Шофер говорит: «Да». – «Нет места». И нас возили-возили по всему городу. Уже [*наступила*] ночь, и нас привезли на Перевалку, там, где был за проволокой шестой лагерь. На Перевалке была двухэтажная школа, в ней была больница, и в эту больницу нас взяли. Мы лежали тут, наверно, две недели. Господи, а там была такая комната – и в этой комнате лежали мужики. Это были наши заключенные, военнопленные. Как их били! Ой-ой-ой. А они были, наверно, венерические, что им не разрешали ходить. Так они к нам никогда не заходили, а дверь откроют и разговаривают с нами. Как мужик один ноги показал, так, знаешь, все в крови... Вот тогда как культурно финны-то... Но наши тоже, наверно, нарушали дисциплину.

Как там кормили. На обед хлеб нам принесут – самого обеда долго нет. Мы хлеб съедим. Как суп принесут – еще по кусочку хлеба давали, а второго нет. И мы лежали в больнице и как увидели однажды в окошко, за нами приехал патруль с нашего лагеря – а нас на работу возили с охраной, и строго следили, ведь там дорога была мимо и солдаты все время мимо проезжали, так солдат в лагерь не пустят. Забор, часовой в воротах всегда стоит. В этом отношении охраняли хорошо... Но, как увидели

в окошко: «О, Лаунен приехал», так обрадовались, чтоб только с этой больницы уехать. Так вот, когда мы пришли в эту больницу, там лежала бабушка Маша Семкина. И она-то мне и рассказала: «Ваша бабушка умерла и похоронена в Бесовце». А потом она, как вышла из больницы, рассказала другой бабушке, соседке, и соседка пришла ко мне в больницу и принесла плат – плат-то уж и не наш, но она рассказала: «Бабушка Маша умерла, похоронена там-то, вот от нее остался платок, я этот платок передаю тебе». Я взяла, потом постирала – теплый плат, и в нем на работу ходила. А эта бабушка, соседка, дожила ведь до освобождения. Освободилась, домой приехала. Потом у моей сестры была дочь, она у нас у мамы и папы росла, и мы пойдём с ней на улицу, так она: «Пойдем к бабушке [неразборчиво]». Эта бабушка, как чай попьет, так кусочек сахара останется – она его и в сундучок. А как [племянница] к ней в гости придет, так она достанет этот огрызок из сундучка, угостит – так [племянница] каждый день, как на улицу выйдем: «Пойдем к бабушке [неразборчиво]». Вот, беда, голодные были.

Мы-то, конечно, не сильно голодные были – как приехали домой в Тявзию, там у финнов была картошка посажена. Хоть мама и папа из годов вышли и старыми были, но работали, ведь тогда пенсии никому не давали, надо было работать. Так каждому работающему дали по сотке картошки – все-таки картошка не голод, да и гороху было столько! И еще было восемь гектаров ржи и еще целое поле ржи самосева. Финны сеяли рожь – людей заставляли работать, они работают, сядут отдыхать, колоски трут и каждый маленько украдет, ведь голод заставлял. Так трут, зерен насыпят, и целое поле самосева выросло на новый год, то есть на новый урожай. И как оно выросло, каждый тоже колосков нарвет да и у себя во дворе... Либо в ступке растолкут, пирогов с горохом настряпают, больших, как рыбники... Голода, в общем, не видели. А потом, у нас еще корова осталась. Корову-то финны отобрали, а у нас тетка, мамина сестра, в деревне Мустовской жила и работала там на скотном дворе. Раз она пришла к нам в Тявзию и говорит: «Машуха, ваша корова у нас на скотном дворе». Потом же коров стали раздавать многодетным семьям, у кого много ребят и ребята маленькие. По корове давали. Кому корову стельную, кому что. И каждому хотелось тогда взять корову получше, и она опять приходит и говорит: «Машуха, вашу корову Вохрушовские взяли». Ну ладно, взяли, и Бог с ним. Но как только район освободили, начальство приехало, нас всех сразу собрали – чтобы на работу, мы и говорим начальнику: «Как быть, если наша корова у кого-то? У нас корову отобрали, а кому-то дали?» Он говорит: «У вас корову отобрали бесплатно? Идите, уведите». Мы пришли домой, мама да папа ходили к этим Вохрушовским. Их баба сначала не отдавала, говорила, что в суд подаст. Мама говорит: «Подай, подай на суд. Если суд присудит тебе – мы тебе коровушку пригоним».

А она: «Да уж что». Корову она нам отдала, а их корова оказалась у кого-то, они свою корову нашли и отобрали. А потом ведь начали, знаешь, плутовать, ведь коров похожих много. Пойдут, чужую угонят. Корова у нас была свежетельная, дойная, и после войны мы жили не худо. Огороды у всех в Тявзии были посажены. А как перевезли нас работать в Урозере – в Урозере очень худо жили. Там ведь, знаешь, даже лопатой... У нас-то поля хорошие, ровные, гладкие, да и финны какие-то химикаты применяли, что сорная трава там не росла.

Что вы можете рассказать про персонал лагеря?

Были у нас в лагере начальники, но самый старший, который руководил лагерь... Имени не знаю. У каждой бригады был свой мастер, так у нас был хороший мастер, но мы как с первого дня прозвали его Огурцом, и – Огурец да Огурец. Он по-русски чуть знал, думал, что «Молодец». У него мама была русская. Кроме этого мастера еще был патруль, который возил нас на работу. Сначала нас строили, а потом мы уж растянемся, кто как... Мы в лесу жили, никуда не ходили, разве что на территории к своим. Там же не было ничего, ни строений, никого лишнего, только мы, рабочие, да обслуга. Повара у нас были свои, девки – у нас была женщина да девка с Типиниц. Вот они варили. У финнов своя была столовая, свои повара, они в стороне жили, отдельно от наших барачков. У них поваром работала Аля [...], а вторую не знаю – там они работали, там же, с финнами, и жили. Я один раз у нее там была... Она же в Урозере за Овчинниковым была замужем, и мы тогда с ней были близко знакомы. Я сходила один раз к ней по какому-то делу, пришла – она сидит и фотокарточку режет ножницами и вполголоса: «Если бы я знала, что его нет живого, я бы не так жила... Черт возьми, не так бы жила». Как [оккупация] закончилась, она сразу вещи от Овчинниковых вывезла, к своим родителям все привезла... А он оказался жив. Но обратно ее не взял. Она очень жалела, переживала, все меры прикладывала, чтобы хоть встретиться и поговорить...

Наказывали вас финны?

Наказывали, наказывали. За всякий пустяк наказывали. Меня один раз за волосы надергали. Концерт был, финн-то поет на финском языке, а я не видела, что за мной начальник стоит – и он поет на финском языке, и рядом рассмеялись девки. Я [говорю]: «Чего смеетесь, может про нас поют». Как начальник меня за волосы тряс! Мы ведь порядка не нарушали. Не за что было. Один раз нашу Анну да Лиду Кусову оставили в лесу, они не могли сделать канаву, и оставили их в лесу, пока все не доделают. У них был такой сосновый пень, хоть зубами грызи! А ехала какая-то машина, начальство. Увидели их, машину остановили. «Кто такие?» Сказа-

ли, что они рабочие, с такого-то лагеря, что их оставили. Их взяли в машину и повезли в лагерь. Привезли. Спрашивают: «Ваши?» – «Наши». Их отпустили, а начальству, конечно, была выволочка, чтобы больше не оставляли никого. А парней-то били. Сильно били.

За что?

А был голод, и парни ходили к финнам галеты покупать. И потом стали [делать] проверки. Вечером проверят – того-то нет, или утром проверят – нет, и стали бить. Били, еще наказывали работой. Вот так и жили.

Спасибо!

Интервью с Валентином Степановичем Кочановым, 1926 г. р.

*Записала И. А. Осипова
г. Петрозаводск, весна 2006 г.*

Я – Кочанов Валентин Степанович, родился 1926 году, жил в Петрозаводске, учился в четвертой средней школе, окончил семь классов. После чего началась война.

Расскажите поподробнее, как для вас началась война?

Узнал я том, что началась война, на парашютной вышке. Наш сосед Акулов Аркадий открывал и закрывал эту вышку, а нас брал в помощники, подвешивать парашюты. Мы там прыгали по очереди, он нам разрешал. Будучи на вышке, я услышал выступление диктора по радио, что началась война. Было очень хорошо слышно, диктор громко говорил. Так мы жили в Петрозаводске до конца лета, а потом эвакуировались на родину отца в Заонежье, где отец жил.

Вас туда перевели?

Мы сами туда уехали из Петрозаводска на пароходе. Сначала попадали до Типиниц, а потом попадали до Великой Нивы, Типиницкий сельсовет, отец мой там работал. Потом позднее началась оккупация, когда лёд ещё не встал, деревня была в километре от Онежского озера, финны пришли и нас выгнали с деревни.

Как пришли финны?

Деревня была полупустая, десять домов всего. Пришли они и просто командовали убираться отсюда, напротив, за озером, было Песчаное, советская территория. Нам велели эвакуироваться, и мы переехали в деревню Устьяндому за Типиницы и там стали жить, нам дали какое-то помещение в доме. Это было в 1941 году. 12 марта 1942 года меня вызвали в Великую губу, парнишку ещё, мне было пятнадцать лет, посадили на машину и отправили в Медвежьегорск. Там отправили в лагерь, как тогда говорили лагерь номер 2, это за Медгорой в сторону Чебино. Там была собрана молодёжь, с нескольких деревень, с нашей Устьянды и других. После чего строили мы дорогу, нас заставили работать на дороге. Колючка была протянута вокруг лагеря. Строили дорогу в сторону Мянсельгской, потом с этого места переехали дальше, после чего перевезли в обратном направлении. Там поселились мы в финских картонных бараках, и строи-

ли дорогу в сторону Кяппесельги. Я в самоволку ушёл с лагеря, тут мы в лесу жили, колючей проволоки не было И я пошёл в самовольную отлучку с другом из Вырозера. Только не успели отойти от лагеря, нас захватили финны. Посадили к полицейскому в деревне Шайдома, а потом вызвали машину и нас отвезли в Кяппесельгу, потом отправили в Кондопогу. В Кондопоге подержали полторы недели. Нас ещё спросили, из какой вы местности, мы ответили, что из Заонежья, с такого-то сельсовета. И нас погнали в Великую губу. Пришли мы туда, нас посадили в будку, в катажку, и держали две недели. Финны видели, что мы ничего опасного не делали, и дали разрешение идти обратно в лагерь. Друг пошёл через свой дом, я через свой. Родители жили тогда в Карасозере уже, я прошёл Карасозеро, Нижние Уницы, Кяппесельгу, потом Шайдому и пришёл обратно в лагерь. В лагере удивились, что я живой и что я вернулся в лагерь. А мне больше делать было нечего: житья не было никакого, дома остаться не разрешали.

Потом перекинули нас опять в Заонежье, недалеко от Карасозера, я забыл название населенного пункта. Там побыли немножко, и война кончилась. Я попал в Леликозеро перед концом войны в июне месяце мы бежали с лагеря. Мы видели, что финны беспокоятся, тормозятся, хотели убежать. Я пришёл из Леликозера, и как раз объявили, что оккупация закончилась, там радио никакого не было, по слухам прошло. Мне пришло извещение явиться в Шуньгу в военнначальный пункт. В Шуньге меня призвали в армию, через неделю мне исполнилось восемнадцать лет. Из Шуньги меня отправили в Петрозаводск, потом в Зашеек, под Кандалакшу, там, в запасном полку меня сделали ручным пулеметчиком, после чего меня отправили на Карельский фронт, на границу в Заполярье.

Как вы относились к финнам?

Я помалкивал, ничего такого особенного не было. Я тогда мальчишкой был, пятнадцать с половиной лет мне было, когда оккупация началась. День рожденья у меня июле, а в лагерь меня забрали через несколько месяцев в марте следующего года. А когда я в лагере был, мы самовольно бегали в лес, ягоды, грибы собирали. Потихоньку жили, скандала большого не было. Три раза только я получил. Один раз по носу, другой раз по спине палкой, был случай, а третий раз пинка получил и подзатыльник. А из-за чего, просто пацаны мы ещё глупенькие были, мы с другом ходили к финнам насчёт хлеба. Из лагеря убегали и меняли хлеб на ягоды у финских солдат, они стояли там, в палатках. Один раз я не пошёл, не помню почему, а потом узнал, что мой друг один сходил, и нехорошее дело случилось. Он нашёл листовку, а мы тогда много листовок в лесу находили, и завернул туда ягоды. А там было написано: «Финский солдат, переходи

на нашу сторону», на финском языке. Он эти ягоды отдал финнам, те ему галеты дали. И вроде ничего всё прошло, нормально. А когда мы второй раз пришли вдвоём к финнам, нас за ворота цап, и к офицеру потащили. Достает офицер листовку, листовка в ягодах. И показывает – «Вы принесли?» Я первый раз, говорю, вижу. А Вася говорит: «Не помню» – «Ещё раз попадёте, расстреляют вас». Пинка мне, пинка ему, подзатыльник мне, подзатыльник ему, и уехали мы обратно в лагерь, на этом обошлось. Так ничего больше такого не получалось. Ну, раз попал я, когда месяц болтался, пришлось палочкой получить по спине, и по носу дал мне, который смотрел, когда мы канавы копали. Я тогда шевелиться не мог, тяжело было. Ему показалось, что я лодырь, подошёл и дал мне по носу, и назвал меня *laiskamies*, лодырь. Особого вреда не приносили. Был знакомый хороший финн-шофёр, он по национальности швед, Энсио Фронгелиус. Он из Тампере¹, был шофером на грузовых машинах. Мы машины грузили, когда дорогу строили, а они отвозили. Я весил всего сорок-пятьдесят килограммов после оккупации.

Можете еще рассказать про то, как вы жили в Устьяндоме?

Когда мы ещё первый день ехали в Устьяндому, навстречу что-то попало, правда, я не видел, не ходил смотреть: убили одного жителя Устьяндомы, финны расстреляли его за что-то. А мне там и не пришлось жить, мы только поселились в Устьяндоме, меня уже в марте месяце отвезли в лагерь, а оттуда попал в другое место. Так что мне и не пришлось жить в Устьяндоме в гражданском виде. В лагере финнам строили дорогу, триста грамм на день, галетами давали, кашу, с утра до вечера работали.

А голод был в лагере?

Голод был, но лежать – не лежали, а пытались собирать ягоды, грибы где-нибудь найдёшь, соль достанешь и сваришь что-нибудь.

Что вы можете вспомнить про администрацию лагеря?

В первом лагере охраняли нас и бывших наших советских солдат, которые попали в плен, и в лагере у нас были как охранники, помогали финнам охранять нас. В другом лагере охраны не было никакой, была только колючая проволока. Всякое отношение было. Как-то я простудился, работая на дороге, и пришёл, поднялась температура. Пришёл финн, и перевёл меня в пустой барак, «тут будешь жить», со мной жил ещё один финский парень, он в самоволке попался. Меня туда поселили, помогли, принесли

¹ Город на юго-западе Финляндии. – Прим. ред.

горячий кофе, температуру смирали и дали ещё что-то такое. По-разному было в лагере, но всё-таки терпимо было.

Были ли какие-нибудь поощрения или наказания за работу?

Со стороны финнов не было поощрений, что вы. Они молчали, да мы молчали, лишь бы жив и всё, кормят так и ладно.

Слышали ли вы что-нибудь о партизанах?

Я был в лагере, туда партизаны не приходили, партизаны приходили, где наши родители жили. Был тогда командир Орлов – старший партизан, он с отцом встречался. Потом о них написали книгу, там отца упоминали.

Спасибо!

Интервью с Тамарой Ивановной Кошкаровой, 1927 г. р.

*Записала А. Кошкарлова
г. Петрозаводск, май 2006 г.*

Зовут меня Кошкарлова Тамара Ивановна, 1927 года рождения. Я хочу рассказать о периоде оккупации. Жила я в поселке Ладва Прионежского района.

Как вы узнали о начале войны?

О войне узнала двадцать второго июня утром. В тот день отмечался праздник, который праздновали за селом. Туда верхом на лошади приехал человек и объявил о начале войны. Времени было около девяти часов.

Как на это известие реагировали люди?

В большинстве своем эмоционально, некоторые плакали. Все стали расходиться по домам. В этот же день началась всеобщая мобилизация. Многие приходили в военкомат по собственной инициативе. Почти всех мобилизованных отправили в тот же день в Петрозаводск. Оставшиеся жители села стали готовиться к эвакуации, во всяком случае, существовало такое предписание. В шесть часов утра первого сентября в Ладву пришли финские солдаты, а эвакуация была назначена на десять часов. Все уже собрали самые необходимые вещи, много с собой увезти все равно не удалось бы, поэтому брали только самое нужное. Наиболее ценное, например, скот, нам предстояло оставить.

Расскажите, пожалуйста, о приходе оккупантов.

Сначала через все село проехали танки и направились в сторону Петрозаводска. За ними ехали солдаты на мотоциклах и велосипедах. Их было очень много. Солдаты стали с котелками расходиться по дворам и требовали молоко. Забрав у крестьян продукты, занялись приготовлением пищи прямо возле дороги. В 11 утра началась сильная бомбежка. Бомбили наши. До войны рядом с селом построили аэродром и ангары для самолетов. Эти ангары и уничтожили в ходе бомбежки.

Были ли жертвы в результате бомбежки?

Нет. Бомбили аэродром и ангары. Жертвы были при приходе финнов: погибли одна пожилая женщина и двое советских солдат.

В Ладве оставались советские солдаты?

Видимо, оставались. Мы нашли их трупы на берегу реки утром, после прихода финнов. Мы слышали стрельбу в момент прихода оккупантов, шла перестрелка. Остальные красноармейцы отступили, но их было немного. Мы наших солдат сами не видели, но односельчане говорили, что это были разведчики. Наверно, это правда, потому что так говорила женщина, у которой там воевал сын.

Как складывалась ваша жизнь дальше?

Всех оставшихся в селе жителей, в том числе стариков, финны заставляли на себя работать: строить дорогу, копать канавы. У всех переписали скот и сказали без разрешения с ним ничего не делать. Назначили старосту, и он следил за этим, также водил нас на работу.

Вы не были к нему плохо настроены?

Не были. Как наши пришли, он десять лет отсидел потом. А тогда ему трудно было отказаться: у него было двое детей. Он неплохой был человек. С 1942 года финны прислали бумагу, чтобы всех детей до 1928 года рождения собрать в лагерь. Мы уже не жили в своем доме, его заняли финские солдаты. Пришлось переехать к родственникам. Нас собрали и сказали, что повезут на работу. Посадили на поезд и везли до Лодейного поля, потом везли на машинах до лагеря. Там было три ряда колючей проволоки, лагерь разделили на две половины: мужскую и женскую. Мы жили в большой палатке, где стояла печь-буржуйка и ряды нар. Мальчики рубили лес, а девочки работали на лесосплаве. Мы каждый день промокали до нитки, а в апреле еще очень холодно. Финны не разрешали сушить одежду. Кормили очень плохо. Мальчики кричали нам через проволоку, чтобы мы не ели суп – там черви. Мы возмущались, пришел финн и заставил нас все съесть. Когда летом сплав закончился, нас перевели на другую сторону реки. Многих отправили домой – они были больны. В новом месте работали молодые мужчины и женщины. Нас, ладвинских, там было много. Этот лагерь был общим и состоял из двух барачков.

Как там кормили?

Чуть лучше, потому что еду готовили две русские женщины, которые относились к нам очень доброжелательно, но финны обращались очень плохо. На работу гоняли в любую погоду, если мы возмущались, то охранники нас наказывали – заставляли мыть туалеты. Охранники ловили рыбу и заставляли нас чистить и жарить им ее. Мы ее однажды остались

готовить одни в их доме. Я готовить не умела, пожарила, как могла, оставила и ушла. Ждала наказания, что плохо приготвила, но они ничего не сказали. Потом вскоре у меня заболела нога, и я не могла ходить на работу. В километре от лагеря находился лесной кордон, там заготавливали лес. Там работала одна учительница. Она меня определила работать на кухню, показала, что и как работать. Работа оказалась не сложной, в основном, приходилось готовить еду, мыть посуду и прибираться по дому. Мне приходилось ездить на лодке за обедом. Иногда человек, возивший меня на лодке, сам привозил продукты. У меня сильно нарывал палец на ноге, лечили народными средствами, чаще всего подорожником. К октябрю уже был иней, а я была обута в сандалии и сильно мерзла. Теплых вещей совсем не было.

Долго вы там работали?

Нет. Вскоре нас направили новое место работы. Мы жили в деревне в большом двухэтажном доме. Девчонок нас там было человек двадцать.

Долго вы там жили?

До октября 1943 года, потом, в октябре, нас направили валить лес. Это был уже не лагерь. Нам за работу даже платили какое-то количество денег, в марках. Чем больше напилишь, тем больше заплатят. Работали неделю, в субботу возвращались в свое жилье, нас водили в баню, а с понедельника снова уходили на неделю.

Долго вы там проработали?

Целую зиму. Весной нас направили делать дорогу. Работа была очень тяжелая. Кормили очень плохо, но оплачивали наш труд. В 1943 году нас привезли обратно в Ладву. Ходили на работу в лесу, в период работы жили в бараках. Нам платили деньги, и мы на них покупали продукты в период работы. Только на это их и хватало.

Различали ли вы друг друга по национальному признаку?

Такого не было. Относились друг к другу мы хорошо.

А к финнам?

По-разному, в основном, плохо. Но были финны, относившиеся к нам хорошо, их было очень мало. Помню за все это время только двух человек.

Как проходила жизнь в Ладве в период оккупации? Общались с оккупантами?

Кто-то общался. У одной женщины родился ребенок от финна, этот мальчик с ней жил, потом что-то с ним случилось, и он умер, уже после прихода наших. Еще одна сделала аборт и умерла. Еще некоторые сожительствовали с финнами, но не рожали детей.

У этих женщин после освобождения Карелии были проблемы с НКВД?

Отсидели в тюрьме, в основном, те, кто работал вольнонаемными у финнов или агитировал против СССР. После освобождения все сотрудничавшие отсидели в тюрьме.

Были в ваших краях партизаны?

Партизаны были, даже приходили к кому-то в Ладве, но сама я их ни разу не видела.

Как вы относились к партизанам?

Они приходили, в основном, за продуктами, к ним относились хорошо те, кто помогал. Остальные узнали об этом после прихода наших войск и с партизанами практически не сталкивались.

Что можете сказать об оккупационных властях?

В основном плохо относились, но некоторые нормально – те, у кого были свои дети нашего возраста.

Как вы сейчас относитесь к финнам сейчас?

Никак не отношусь. Они претендуют на наши территории, мне это не нравится.

Спасибо!

Интервью с Марией Ивановной Вагановой, 1928 г. р.

*Записала А. В. Коновалова
п. Пиндуши, лето 2006 г.*

Я – Ваганова Мария Ивановна. Родилась в Медвежьегорске в 1928 году. До начала войны жила в своем родном городе, Медвежьегорске. Училась в школе, а родители мои работали.

Не могли бы вы немного рассказать о своей семье? Чем занимались ваши родители, сколько у вас в семье было детей?

Отец мой трудился на лесозаводе сменным мастером, мама занималась домашним хозяйством, она и не могла работать, ведь у нас в семье было шестеро детей. Старший мой брат на момент начала войны проходил действительную воинскую службу в городе Гродно, что в Белоруссии. Вторым братом учился в школе, в десятом классе. Еще у меня были две сестры, самая первая 1928 года рождения, одна сестра была 1930 года, ее звали Валентина, третья сестра, Тамара родилась в 1933 году, а наша младшая сестра Галина родилась в 1941 году.

Расскажите, пожалуйста, о том, как вы оказались в оккупации и пытались ли эвакуироваться?

Когда нас стали эвакуировать с Медгоры, то мы шли пешком до Заонежья, и это в конце октября месяца. Надеялись найти там хоть какой-то приют, у нас там проживали бабушка и дедушка. Из Медвежьегорска нас выселили, квартиру нашу закрыли, а имущество все наше там так и осталось. Мама несла на руках младшую сестру, вела корову на поводу – мы держали корову и не стали ее оставлять – и несла за спиной берестяной кошель с чашками и прочей посудой. Мы шли рядом с ней, несли узелки. Дошли до Лобской горы и там заночевали. Потом ночевали в Побережье, а потом останавливались на ночлег в деревне Быково. В Быково жила сестра мамы, наша тетка, и мы рассчитывали, что там и будем жить. А оттуда нас снова стали эвакуировать, но не успели увезти. Надо было ехать в Великую Губу, но не успели нас вывезти, вот мы и горевали в оккупации. Пришли финны, стали заставлять нас работать. Мне было тринадцать лет, и я ходила вместе с мамой пилила лес на дрова. С одеждой и обувью были постоянные трудности: валенки рваные зашивали нитками, так и ходили. Да и эти скудные пожитки нам кто-то отдал – у нас же все было оставлено в Медгоре.

Как складывалась ваша жизнь на захваченной финнами территории? Приходилось ли вам работать на оккупантов?

С мамой мы работали, чтобы заработать марки – давали норму по триста грамм муки. Всех коров финны у местного населения отняли, забрали они и нашу корову, поэтому голод был страшный. Так что ни молока, ничего мы не видели весь период оккупации. Уже когда финны ушли, мы свою корову не смогли найти, наверное, финны забили ее на мясо. Мы все время с мамой работали, а сестренки сидели дома – они были еще малы и не могли работать. Потом меня отправили в лагерь, мне тогда было пятнадцать лет. Там строили дорогу, и я работала на этой дороге: чистила снег, потом копали канавы – все это делалось в Заонежье. Так пришлось работать целую зиму. А после этого стали все чаще ходить слухи о том, что скоро наши этих финнов прогонят. А кормили нас финны кашницей, очень жиденькой, сваренной из ржаной муки и остатков хлеба, недоеденных финнами, и несколько галетин давали. Сытым от такой еды не будешь, и жили мы впроголодь. Одеть тоже было нечего, можно сказать, что мы были голые и босые. А мама надорвалась на пашне. Заставляли пахать землю, а у нее была паховая грыжа. Случился у нее от этой тяжелой работы завороток кишок, а врачей никаких не было, и она так и умерла. Что нам было делать? Мать наша умерла, я осталась за старшую в семье в возрасте пятнадцати лет, а другие дети были младше меня. Самой младшей сестренке на тот момент было всего лишь три года.

Как складывалась ваша жизнь после освобождения Карелии?

Финнов прогнали наши войска, вернулся наш отец. Он был контужен на фронте и только полгода прожил после возвращения – с голода умер, потому что у нас не было ни хлеба, ни какой-либо иной еды. Очень трудный период был в 1946 году. После этого нам пришлось поскитаться. Младшую сестренку забрали в детский дом. Мы пристроились, кто куда мог, работали. Меня на почту взяли работать, я всю жизнь после этого на почте и проработала. Очень долго мы после этой войны не могли отабориться.

Расскажите о жизни в лагере.

В лагере, когда финны затормошились, собираясь уходить, мы спрятались в лесу. Боялись, что уходя, оккупанты либо убьют нас, либо угонят с собой. Лесом мы с девушками потихоньку ушли до озера Космозеро. Разожгли костер, стали просить деревенских перевезти нас через озеро, что они и сделали. Тут финны нам ничего не успели сделать, так мы спаслись. А до лагеря, когда жили у себя в деревне, то не имели права выходить

за ее пределы или ездить на лодке – финны нам это строго запрещали, чтобы мы не сбежали к партизанам. Нас приравняли к узникам концлагерей, пришла такая бумага, когда стали давать материальную помощь. Теперь финны нам платят за те годы издевательства. Жизнь у нас была такая же, как в лагерях, ничего у нас не было, условия жизни были очень тяжелые. Деревня была окружена, ее охраняли с собаками. Давали нам из продуктов только по триста грамм муки, а самим кормиться от даров леса или озера нам не позволялось. Могли бы гораздо лучше жить, если бы заготавливали грибы, ягоды, ловили рыбу, но нас специально морили голодом.

Как сложилась судьба вашего брата?

Наш брат, который не был на фронте, отправлен был оккупантами строить дорогу. Они с ребятами побежали к своим, его поймали и посадили в концлагерь в Петрозаводске. А когда его освободили, то мамы нашей уже в живых не было. Старший наш брат, служивший в армии на момент начала войны, погиб на фронте, отец умер через полгода после демобилизации.

Сколько у вас в деревне проживало человек?

Жили у нас местные: Логиновы, Мартыновы, Гришины, Филатовы, Меньшины. Было много и эвакуированных. Деревня была такая, что пять-шесть домов, потом через поле еще столько же.

Вы помогали друг другу?

Ни у кого ничего не было. Тетя наша была очень бедной, у нас вообще ничего своего не было. Другие жили также. В то время ни у кого не было возможности помогать односельчанам. Поэтому и не помогали. Рядом, в соседней деревне, была еще заготовленная при советской власти ржаная мука, а у нас давали муку пополам с бумагой. Нам одна женщина сказала сходить в ту деревню и по нашим талонам получить той муки. Мы пошли, потом еще один парень из нашей деревни туда ходил. Ходили без разрешения, но по той дороге, правда, не запрещалось ходить, и получили там ржаной муки. И что вы думаете? Все-таки и среди нас были предатели, кто-то доказал, что мы туда ходили и получили по нашим талонам их муку, а это запрещалось. И комендант вызвал меня, бабушку Ирину и того парня, звали его Василий, к себе в комендатуру. Как только мы пришли, он стал материться, плевал в нас. Секретарем у него была Ира Клепикова, она была хорошая женщина, стала ему доказывать, что мы не виноваты. Они дескать, маленькие, голодные и получили муку по тем же самым талонам и лишнего им ничего не дали. Комендант говорит: «Вы будете весь

день пилить дрова». А во дворе было очень много дров у него навалено, и нас, голодных, заставили их все пилить. Бабушке было восемьдесят лет, мне четырнадцать, а Василию столько же, сколько и мне. Нам дали пилу и приставили часового, следившего за нами, чтобы мы не ушли. Мы весь день пилили дрова, а в пять вечера нас опять вызвали в комендатуру и комендант опять кричал. А бабушка то старая стояла-стояла и упала – случился у нее от испуга припадок, а он подошел, плюнул на нее и еще пнул эту старуху. Мы плачем стоим, а он трясет перед нами кулаками, чуть ли не бьет. А секретарь опять ему и говорит: «Зачем? Маленькие они, голодные. Их же нужда заставила той муки купить». Благодаря ей он нас отпустил. В Медгоре у нас все было: корова, куры, в общем, был материальный достаток, и после этого нам очень трудно давалась эта новая жизнь, с постоянным недоеданием, нищетой. Нам даже одеть было нечего. Нас финны не угнали в лагерь лишь потому, что мы могли работать, я и моя мама. Поэтому сейчас мы получаем компенсацию абсолютно справедливо. Когда вернулся отец, мы поехали в Медгору, но там нашего имущества уже не было – даже дом наш, и тот не уцелел. Нам негде было жить, и мы, прожив в Медгоре одну зиму, вернулись обратно в Заонежье.

Какое у вас теперь отношение к финнам?

Как отношусь? Я к ним хорошо не относилась. Мы были беспомощными детьми, а они нашими врагами и издевались над нами, как могли, и эти воспоминания остались на всю жизнь. Какое уж тут хорошее отношение? Нет его.

Финны чем-то отличались для вас от других врагов?

А немцев у нас не было. Сравнивать не с чем. Финнов воспринимали как врагов. Они захватили нашу землю и вели себя на ней как хозяева. Мы были еще детьми, и жизнь у нас была очень сложной. Когда голодали, приходили, бывало к ним попросить хлеба, мой брат знал финский язык, и до того, как уехал, сказал, что им говорить. Говорили, что два дня не ели, просили хлеба. Редко кто давал, а многие гоняли безжалостно. Они были наши враги и не давали нам житья.

А в доме у вас что-нибудь было?

Ничего не было, спали на сене.

А зимой как же?

Тетя нам дала какое-то одеяло. Мы им и укрывались.

Как боролись с голодом?

Ели мох. Есть такой белый мох, он растет на камнях. Мама его собирала, сушила, толкла и добавляла в муку. Так желудки и испортили.

Что еще заставляли вас делать финны, кроме работы в лесу и строительства дорог?

Гоняли нас по болоту, думали, что оно заминировано, и хотели проверить это. Мы тогда насобирали ягод на болоте. Ходили мы по краю, чтобы не напороться на мины, и никто не подорвался. А ягоды финны забрали.

Спасибо!

Раздел 2.4

Заключенные финских концлагерей

Интервью с Людмилой Александровной Банкет, 1929 г. р.

Записал А. В. Голубев
г. Петрозаводск, 20.12.2005 г.

Помните, где и как вас застало известие о том, что началась война?

Это все осталось в голове так, как будто вот сейчас происходило. Ну, во-первых, то, что сама война, а второе... Нас в семье было шесть человек: четверо детей и родители. Мама не работала, она вела хозяйство – это в Подпорожье было, и отец работал в торговле, директором... Не вспомню. Работал, в общем, в системе торговли. Когда объявили войну, мы, ребята, собрались в четвертом, третьем классе, кто еще там постарше, и пошли навстречу финнам, сражаться с ними. Нашли – не нашли, видели – не видели, но все так быстро случилось, что Подпрожский район очень быстро окружили финны. Началась эвакуация населения на баржах. Мой отец руководил этой отправкой. И наступил такой момент, что он позвонил и сказал, что все, мы сейчас отправляем последнюю баржу, и я еду к вам, заберем на машине, загрузимся и будем ехать в сторону Ленинграда. Отец погрузил все, мы должны были ехать на последней барже. Но эту баржу еще до того, как она [отплыла], разбомбили.

С людьми или без?

С людьми... Конечно, с людьми. Он приехал домой, за нами, на полуторке. Про полуторку вы знаете, что она небольшая? На этой машине сидело тринадцать семей. Можете себе представить, что могли взять эти люди с собой? Ничего. У нас у всех все время висели вещевые мешочки. И когда начиналась тревога, мы уходили в убежища и ждали с этим. Отец приехал, мама закрыла ключом квартиру и мы с тем, в чем были, и уехали. Проехали тридцать километров. Шофер сказал, что у него кончился бензин и что ему нужно ехать за своей семьей. И мы остались в лесу. Без одежды, без продуктов, без всего.

Все эти тринадцать семей?

Да, все эти тринадцать семей. Знаете, что творилось! Весь лес был заполнен людьми, которые хотят уйти. Насколько это мое детское воображение [сохранило], все время ходили наши войска то сюда, то туда, то сюда, то туда. И говорят, вы никуда не стремитесь, к такому-то числу товарищ Ворошилов дал приказ Подпорожский район освободить. Но ничего этого... Ходили солдаты и офицеры и в одну сторону, и в другую сторону,

а мы между ними. В конце в концов, мы дошли до такой стадии: у нас ни еды, ничего буквально не было. И люди, которые остались, вот так ушли из дома, мужчины и женщины, взрослые, решили все-таки пробиваться к Важинам. И каким-то образом все-таки вырваться. Собрались, ночью шли по лесу, а под утро вышли на шоссе, и вот в этот момент, когда весь этот народ вышел на шоссе, примчались финны на мотоциклах, окружили нас. Они-то на мотоцикле, а мы-то пешком... и до Важин. В Важинах два дня нас держали в скотских вагонах, а потом отправили в Петрозаводск. От Важин до Петрозаводска ехали больше двое суток.

Не помните, как вас кормили, когда держали в вагонах?

А никак не кормили. Не кормили ничего. Даже в туалет не давали выйти.

То есть ходили прямо там, в вагонах?

Да. Вот такое было. Нас привезли в Петрозаводск, и мы попали в третий лагерь, который на берегу Онежского озера.

А где именно?

Рядом с кладбищем есть церковь. А за этой церковью стояли двухэтажные дома, и люди оттуда уехали раньше. Нас поселили в эти дома. Как мы все оставляли, так и они все оставили. И посуду, и что-то еще, что они не могли взять. В общем, там нас поселили. Все было уже проволокой перегорожено, никуда нас не пускали. Но мы, ребятня, все равно ходили. Я, в частности. У меня было трое меньших братьев и сестер, это две сестры и брат. Надо же было кормить. Взрослые ходили на работу. А я и соседка... Были такие отважные люди: одни держали проволоку, чтобы пролезть через нее, а другие шли в город. Кто что, как мог. На Октябрьском проспекте в то время были овощные поля. Но это уже был октябрь, то есть уже все замерзло. Так мы собирали все, что можно было собрать вроде как съестное, и несли с собой обратно в лагерь. У меня, в общем, все как-то шло ничего. А в один прекрасный день они, видимо, решили, что надо нас все-таки поймать. Никак не могли поймать, потому что у нас была команда: одна поднимали, а другие убегали.

А когда вы ходили, днем или ночью?

Всяко было. И в один из таких разов получилось... Ходили эти охранники вот так: сюда один, сюда другой, и в этот момент мы пробегали. А тут, значит, они вернулись назад и я... у меня на ноге до сих пор шов, даже два

шва, я разорвала ногу проволокой. Крови было очень много. У кого что было, завернули...

Это вы пытались обратно прибежать?

Обратно, да. Нам туда уже было невозможно идти... В общем, [финны] не нашли, кто бежал. Но у меня два шва до сих пор. Сколько лет прошло, так и осталось. А за водой нас водили – наш лагерь был прямо на берегу озера, и за водой ходили прямо на озеро. А у меня тетка, отцовская [сестра], она сама всю жизнь жила в Петрозаводске, и у нее была корова. У нее эту корову не отобрали. И она пыталась нас каким-то образом [подкормить]. Малышам-то молоко нужно, брату младшему был год. И я ходила с чайником, уходила вроде бы как за водой, а потом делала круг и приходила с молоком. В один прекрасный день понял товарищ охранник и отобрал у меня это молоко. Уж как я его умоляла: не выливайте, у меня брат маленький. Руками [объясняла], по-всякому. Нет, вылил молоко прямо на лед. Вот так и прожили.

Вы говорили, что ваших родителей водили на работу. Что это были за работы?

Работа – разбирали, где что-то взорвалось, где что-то чистили, такие работы. Кормили очень, конечно, плохо. Только потом, я думаю, когда Красный Крест выделил какую-то определенную, видимо, сумму денег, и кормить стали, продукты стали лучше.

А какой рацион был? Не помните, что вам давали?

Ну, что... каши, баланду всякую. Да, а что мы еще делали очень здорово. Мы, ребятня, ходили под проволоку на финские кухни. У каждого из нас была какая-нибудь баночка или что-нибудь, и они нам отливали. Причем, знаете что, что меня поразило, что большинство из них сначала нам отливало, а потом себе оставляли. Но были и такие, которые объедки отдавали. Но нам уже было все равно. Картошку копали мороженую, капусту. Так и жили. Вот через... я не могу сейчас точно сказать... наверно, через сколько-то месяцев стали немножко получше пайки давать.

А как вы общались с финнами?

С финнами? Очень просто. Я знала очень много слов, научилась. Научилась каким-то словам, например, хлеб – *leipä*. Везде есть плохие и хорошие, так и тут.

А помните, может быть, какие-то личности из финнов?

Ой! Я вам скажу про одну личность. Причем, он не финский, он русский, Ванька-палач, который нас загонял под мост и ловил. Вот это был такой товарищ, что творил он много.

Вы помните, что?

Ну, как что? Он ловил ребят – и в каталажку. Ну, его терпеть все не могли, конечно. И был он, по-моему, наш, русский. Мне так кажется. Тогда мы еще не соображали эти дела все. Ну, ничего, прожили. Прожили, и когда начала наступать наша флотилия, вот тут-то мы, вся наша команда, я имею в виду ребятню... и взрослые тоже... Финны в один прекрасный день, то есть ночь, сожгли мост через Лососинку и ушли. Ушли ночью... тихо-тихо, все спали. А утром оказалось, [что] они в очень многих местах поставили мины. И в этот день было столько раненых наших. В домах, под крыльцом, где только не ставили они. Это было, конечно, страшное дело. Вроде как они ушли, но оставили вот такую подлость. А кто попался? Ребятня, конечно.

Многие тогда инвалидами стали?

Да... Я сама видела, это страшное дело. В общем, финны ушли, а весь Петрозаводск собрался – я не буду говорить, что весь, но ребятня-то точно – и мы пошли встречать нашу флотилию. Часть из [частей, освобождавших Петрозаводск] пришла пешком, а часть – на кораблях. Это был праздник большой. И праздник, и горе, что было много раненых и даже убитых.

Были по отношению к взрослым в лагере наказания или поощрения, например, за труд или за поведение?

Вы знаете, я не могу сказать. Потому что мы-то были дети. Мы на своем фронте были, а родители... Они работали там, где дома, и все это дело надо было убирать. Но в один определенный день увеличили пайки уже через Красный Крест, потому что очень плохо кормили, насколько я помню.

К вам приезжали наблюдатели? Немцы или из нейтральных стран?

Я думаю, что да. Но так, чтобы в лицо их видели... Разговоры были, в связи с тем, что увеличили паек.

А для детей финны пытались организовать обучение?

Нет. Была финская школа. И наша была, это [для] тех, кто не был в лагере, которые жили в Петрозаводске в поселении. Ну, это уже в конце [оккупации]. Учились мы немножко сами. Нам же надо было научиться разговаривать по-фински... Немножко учились. Особенно такие слова, которые в быту необходимы.

Вы не помните, как люди организовывали свою жизнь в лагере? Как они селились, отдельными семьями или несколько семей в одну комнату помещались?

Сколько было жилья, так и селились. У кого семья... Там же семьями, в основном, жили.

Вы помните помещение, в котором жила ваша семья? Что оно из себя представляло?

По-моему, там было две комнаты и кухня. Как [предыдущие жильцы] уехали, у них все было оставлено. Вот они как только скоростигжно уехали, как мы... Как мы оставили все, так и они все оставили.

То есть у вас на семью была отдельная комната, даже квартира?

Квартира такая небольшая. Знаете, какие в этих домах квартиры? Я честно скажу, не помню, в одной комнате мы были или... Да, вроде в одной...

Рождались ли в лагере дети?

Честно сказать, я не знаю. Наверно... Наверно, рождались. Лагерь очень большой был. Наверно, были и такие. Точно сказать, не знаю.

У вас сохранилась общая картинка лагеря? Если на него со стороны посмотреть, что он из себя представлял?

А как же. Очень даже просто. Это двухэтажные дома. На два подъезда. И эти дома огорожены проволокой.

Много домов?

Там же был целый поселок. Только раньше он не был огорожен. А когда финны пришли, все огородили, и там все время ходили постовые.

Вы не помните, как вообще была организовано управление лагерем?

Этого я вам не скажу, потому что нас, детей, это не касалось.

Не слышали ли вы о случаях, чтобы кто-то уехал в Финляндию на учебу или на работу, или вместе с отступавшими войсками?

Вполне может быть. Я не могу вам точно сказать. Я не могу сказать, потому что я была занята совершенно другим. Когда освободили, нам надо было как-то пристраиваться, где-то жить, где-то учиться, так что у нас было забот полон рот. Тем более, что нас, ребят, было четверо. Младшему-то, я говорила, был год, а за это время он подросток. И этот лагерь надо было освободить, и мы искали в Петрозаводске где-то жилье. Уже когда наши пришли. Подходил учебный год, надо было нас определять в школу.

А в целом, после того, как освободили концлагерь, вы быстро перестроились к нормальной жизни?

Так конечно. Ну а как же? Город-то должен был жить. Город-то должен и хлеб печь, и всё остальное. Что-то осталось от того, что было. Были пайки, потом они потихоньку-потихоньку увеличивались. Я уж не могу сейчас сказать точно, потому что родители этим больше этим занимались, чем мы.

А после освобождения из концлагеря не было ли для вас последствий? Не было ли подозрительного отношения к оккупированным?

Я лично ничего не испытывало, но, думаю, что это было. А мы... во-первых, что было с нас взять? Дети и совершенно больной человек, который отдал всю жизнь работе. У нас даже крыши над головой не было. Люди же [после освобождения] начали приезжать, и нас начали выселять...

И последний вопрос: какие черты личности у людей сформировала оккупация, пребывание в концлагере? Можно ли говорить о каких-то особых чертах?

Я бы не сказала. Опять-таки, я же не знала всего. Я только могу сказать, что когда наши пришли в Петрозаводск, ребятня вся пошла помогать. Я сама приходила в госпиталь, писала письма раненым, приносила все, что у меня оставалась. Не было какого-то антагонизма.

Спасибо!

Интервью с Галиной Константиновной Ивановой, 1931 г. р.

Записал А. Ю. Осипов
г. Петрозаводск, 13.03.2007 г.

Я – Иванова Галина Константиновна, 17 апреля 1931 года рождения.

Где вы родились?

В поселке Вознесенье Ленинградской области. Поселок был небольшой. Когда война началась, мне было одиннадцать лет. Объявили войну по радио, Левитан¹, по-моему, выступал. На второй же день прилетел самолет без опознавательных знаков и начал бить из пулемета, и вот тут я увидела первого убитого на нашей улице. Улицы небольшие были. Стали эвакуировать. Начальство уехало, родителям денег не выдали. Мы шли, отступали вместе с нашими войсками. Тяжело вспоминать. Дошли мы до деревни Аристово. С той стороны, со стороны деревни Шимозеро, с двух сторон, в общем, шли финны: со стороны Петрозаводска и навстречу. И мы попали в кольцо. Уйти нам не удалось, нас приютили чужие люди, там мы прожили до ноября месяца.

В ноябре финны нас привезли в Петрозаводск, [до этого] я даже не имела понятия, что есть такой город. Привезли нас в четвертый лагерь, затянутый проволокой, разместили по баракам. Первое время дров не было, сидела так вот в холоде. Не кормили, ничего. Потом стали брать нас в списки, причем записывали мой год, тех, кто младше, например, мои братья, ни тот, ни другой не были записаны. Потом прошел год, люди умирали семьями, в лагере стало не то количество людей, видимо, которое этот лагерь мог содержать. Нас перевели в пятый. Пятый лагерь считался, как вам сказать, по-моему мнению, это был спецлагерь. Мое мнение такое. Потому что здесь были и семьи коммунистов. Прошел год, теснота была ужасная. Вот в такой комнате, примерно нашего размера², жили по двенадцать, по четырнадцать человек. Начался брюшной тиф. Ну, какая была организация лечения? У нас брали кровь, делали какие-то уколы, мы не имели понятия. Волосы у всех были сняты независимо от того девочка, женщина – у всех. Перестали волосы снимать тогда, когда одна молодая девушка лет восемнадцати, очень красивые у нее были волосы, кинулась на проволоку и погибла. Тогда перестали снимать волосы. Установлены были финские бани. Тепло нагонялось с помощью специального аппарата, одежду жарили. Дадут два тазика воды, мыло дегтярное, а если

¹ Левитан Ю. Б. – диктор Всесоюзного радио. – Прим. ред.

² Примерно четыре на семь метров. – Прим. ред.

это была зима, то в холодное помещение вели нас. Утром приходили в свои бараки, ночью там жгли колчеданную серу, и вот этим газом мы дышали. Открывать дверь и окна проветривать они не разрешали.

Норма была двести граммов галет сухих на человека. Потом, когда приехали представители Красного Креста, я не помню уже из каких стран, забываться стало. Помню только, что среди них был Маннергейм. Вот его я помню, высокий такой, с усами. После этого стали давать по триста грамм муки дважды в неделю на человека, больше ничего. Дрова, правда, привозили. Всех трудоспособных женщин уводили в город: мыть финские казармы, собирать железо и кирпич. Потом все это увозили в Финляндию. Так как наш лагерь был расположен в районе Товарной станции, то нам было все видно – целыми вагонами [*увозили*]. И не только: целыми вагонами, составами увозили наш лес. Кроме вот этих лагерей, здесь было шесть лагерей, один был лагерь для военнопленных, первый считался... Причем интересно, что все лагеря были расположены поблизости от железной дороги до единого. Кроме этих концлагерей были лагеря трудовые. Там была молодежь: это вот Орзega, Деревянка, Шуя, Кутижма, Виллагора, туда вплоть до Кедрозера. Тоже вдоль железной дороги. И там бараки сохранились до сих пор в Шуе, например, на станции Шуйской.

Какая организация была в самом лагере? В лагере были: начальник лагеря, палачи. Палач Вейкко, он все время ходил с тростью, и палач черкес, он тоже ходил в своей форме и с дубинкой. В общем, за малейшее неповиновение избивали. Однажды мы с девочками, наверное, человек десять было, ушли под проволоку просить хлеба в город. Нас поймали и дали по тридцать розог. Я месяц в шоке была, лежала, пока вот эти рубцы зажили, потому что березовые вицы были. Двое мужчин – финны – нас раздевали догола, расстилали на полу и вот так били. Так, теперь про время, когда был тиф. Был такой врач Богомаевский, с ним ходила женщина Раутио, но она евреечка, ее силой заставили ходить по домам, проверять. А этот Богомаевский все время кричал: «Мы вам припомним, как наши мамы бежали в 1917 году». В общем, из какого рода он был, представьте! Потом, примерно, в 1943 году я работала – плела лапти и корзиночки. Лапти делали интересно – не из войлока, не из чего, а мочили нашу осину, делали очень тонкую стружку. Мы из этой стружки, метра по полтора стружка была, плели косички. Для детских лаптей плели в три ряда косички, для женских – в четыре, а для мужских – в пять. Надо было две пары лаптей сплести, чтобы норму выполнить. Надзиратель ходил все время: если женщина какая поможет подростку – получала по заслугам. Вот это моя работа была. Потом еще что? Стали нас отпускать собирать в лес ягоды. Ну что, под конвоем мы ходили. Как только соберется, он [*надзиратель*] давал сигнал – стрелял в воздух, и мы собирались возле часового.

Ягоды, которые мы собирали, они через человека отбирали и ссыпали в бочки, увозили в Финляндию.

Когда стали наши самолеты летать, то листовки нам попадали. Маленькие, знаете, эти самолеты, из-за леса не слышно – «У-2», эти вот. Летали и бросали листовки, подростки, мальчишки уже повзрослели и эти листовки подбирали. Какое там было воззвание: «Родина вас не забудет и вернет в родимый дом». Вот содержание вот этих листовок. Потом, когда финны стали уже собираться, уходить, начальник лагеря всех собрал и сказал: «Из лагеря никуда не уходить, пойдут наши фронтовики, мы за них не ручаемся. Что они могут сделать – это не наше дело». Финны первыми погнало пешком наших военнопленных мимо нашего лагеря. Это все было видно, потому что станция была на виду. К самому лагерю столько навезли дальнобойных пушек, направленных на нашу сторону. Мы все ушли на ту сторону, к речке. Мы уже не боялись, что они могли нам сделать, нам было без разницы, что смерть, что жизнь – так вот все время было. Потом вот сразу все дальнобойные [*орудия*] исчезли, говорят, что в город сразу пришли наши – наша флотилия. Но мы очевидцы – десять дней в городе никого не было, ни наших, ни финнов. Но зато работали карелы, которые жили на воле, работали у финнов. Ездил дрезина по линии, финны хотели железную дорогу взорвать, но не успели, и эти люди стреляли из ружей. Одного мальчика ранили в полость живота, и он умер. Это вот люди, которые жили на воле.

Еще о чем там можно сказать? Когда нас собрали на площади Кирова, первыми в город вошли карельские партизаны. Вот там, где на лабане мост был взорван, они переправлялись на понтонах. Мы рвали цветы – а на площади Кирова все было разрушено – и бросали им под ноги. Народа было очень много. Мы стояли мы под деревьям, там по правой стороне деревья, и минеры снимали мины. Потом нас начальник лагеря предупредил, чтобы не выходили далеко, поскольку даже деревянные дома были заминированы.

А что из себя представляло финское начальство?

Ну, как вам сказать? Жестокие, жестокие. В каждом лагере жизнь узника зависела от самого начальника лагеря. От самого начальника лагеря – как он себя вел.

Были в начальниках местные, например, карелы?

В лагере был один черкес. Карелов не было. Я только позже поняла, когда прочитала книгу «Нюрнбергский процесс», когда училась, что [*финны*]

разжигали национальную рознь. Был такой случай, что приехали в лагерь и сказали: «У кого были дедушки или бабушки карелы или вепсы?» Ну, находились люди, которые говорили, что были, и их увозили из лагеря на свободу. Вот такое было.

Была ли какая-то рабочая одежда?

Нет, у нас и носить-то нечего было. Я плела лапти, в этих лаптях и ходили. Летом они не разрешали обувь носить, но у нас и не было, босыми бежали. А уколы делали, я не знаю, что за уколы были. Во всяком случае, если бы уколы помогали, люди бы выздоравливали. А увозили по и по сорок, и по двадцать гробов дважды в неделю. Хоронили в Песках, причем хоронили гроб на гроб, в три ряда. У меня там родственников много.

Скажите, а как воспитывали детей во время оккупации? Уделялось ли этому какое-то внимание?

Родители очень оберегали детей. Книг, ничего не было. Только добротой, и чтобы ребенок был сыт. Мать иногда останется голодная, а ребенку она отдаст. Вот так. У нас мама такая была.

Вы помните какие-нибудь рецепты того времени? Кроме того, что ходили в город просили хлеб, как еще могли добывать и готовить пищу?

Ну, как готовили – травку собирали в лагере, она вся была съедена. Крапива, подорожник, лебеда. Летом ее не увидишь, как только она появлялась, ее тут же рвали и тут же ели. Да, еще вот, когда нас в лес стали отправлять за ягодами, с нами встречались мужчины, партизаны. Они были одеты в гражданское, но все выведывали: «Откуда, как живете, где, что?» Они приходили и в город, но, в основном, все через лес. Был случай, одна женщина, видимо, имела связь с партизанами. Была специальная будочка для наказаний, кто провинился, туда и сажали, «холодной» ее называли, в ней ее били через соленые простыни. А потом увезли куда-то, [о ее судьбе] так и не знаем. Были такие случаи. Финны – народ жестокий. Мужчины более покладистые, чем женщины, женщины еще хуже. Когда ходили просить, то мужчины хоть крошку хлеба дадут. Мы ходили к кухням, в основном, да один раз и ходили, больше мама меня непустила. Женщины были коварнее, так сказать.

Как вас кормили?

После того, как Красный Крест пришел, не галетами стали давать, а триста граммов муки на каждого члена семьи дважды в неделю. В каждом

доме был избран человек, который ездили за этой нормой, брал людей и приносил все в дом. Сначала мерили стаканами, весов же не было, а галеты – штуками. Вот дают, остатки останутся – опять дают. Больше не было ничего.

В то время складывали какие-то песни, стихи о своей жизни?

Песни пели, в основном, о Сталине, но пели так, чтобы никто не слышал. И мы, конечно, благодарны нашей армии, потому что, если бы наша армия дней десять задержалась, нас всех увезли бы в Финляндию, вагоны были готовы. Причем вот дети, у которых умирали родители, дети оставались сиротами. Куда они их увозили – этого никто не знает. Может, в интернаты, но в Финляндию их увозили, а куда – кто их знает.

Чем вы занимались в свободное время, по вечерам? Как его проводили?

Сидели в квартирах. Они уже в восемь часов не разрешали никуда выходить. Сидели в своих квартирах. А что? Шить? Я умела шить, я умела вязать, все. А с чего будешь делать? Не с чего. Вот, иногда, когда в город ходили, мама и тетушка приносили выброшенные тряпки. Перестирают их мама и тетушка, и с этих тряпок нам сошьют какую-то одежду. Нам же ведь вывести ничего не дали.

Молодежь не собиралась?

Нет. Сидели в домах, потому что вечером уже ходили по квартирам часовые. Даже ночью они не разрешали дверь на крючок закрывать, иногда даже ночью придут и посмотрят. Вот сядут на стул с автоматами, и не знаешь – убьют тебя или оставят. Вот так было.

Никакие праздники вы тайком не отмечали?

Ну, как вам сказать? Отмечали взрослые. Соберутся тихонечко, у нас в квартире жило двенадцать человек. Соберутся так, переговоят, вспомнят, как да что. Так боялись ведь даже песни петь – а вдруг придет финн. Они этого не любили.

Финны не пытались навязывать свои праздники?

Нет. Церковь была открыта, Зарецкая церковь. Правда, один раз нас водили, это было в четвертом лагере, в наш университет¹, показывали какое-то

¹ Петрозаводский, в то время Карело-Финский государственный университет. – Прим. ред.

кино, но я уже это кино теперь не помню. Один раз они собирали всех и водили в кино: независимо там, взрослые, дети, кто. В актовом зале. Вот это я помню. А больше нет.

Финны как-то пытались еще проводить свою пропаганду, агитировать, проводить собрания?

Нет, не собирали. Вот, когда они стали уходить, они старались деньги наши каким-то путем взять. Как только финны почувствовали, что уходят, так в лагерь приехали на лошадях, привезли много колбасы. Продавали за наши деньги. Так мальчишки, короче говоря, растаскивали эту колбасу, финн не успел повернуться. Но они не стреляли в ребятишек, ничего, они приезжали невооруженные. Вот это было еще, вот такой случай был. Больше ничего не было.

А деньги откуда у вас были на руках?

А у нас лично денег не было. Мы, когда поехали из дома, зарплату ни отцу, ни матери не выдали. Даже документы – и те, мама говорит: «Мы вернемся», и под матицу их убрала в доме своем. У нас ничего из денег не было. Потому что отец работал на пароходе, перевозил через Свирь людей. В армию его не взяли, потому что он хромал, на одну ногу хромал. Денег ему не выдали, бухгалтер или кассир деньги эти увез, и никто в поселке деньги не получил. Ну, а семьи водников – начальство, они все уехали на пароходе. А война уже шла, продуктов уже не было в поселке, так с барж очень многие женщины, я лично сама видела, как одна женщина взяла двух ребятишек и прыгнула в канаву. Короче говоря, утопила сама себя с голоду. Трудная была война, чего уж там говорить. Но мы рады тому, что, вот помню, утром встали, смотрим – идет морячок по лагерю, как маячок! Как все выбежали из домов к нему. «Я, – говорит, – ищу своих, отца, мать и сестру». Но в нашем лагере он их не нашел.

Какими были ваши бытовые условия?

На полу спали, на чем спать-то было. Люди ведь уезжали из города, оставляли кровати, да все. Но в нашей комнате ничего не было. А в других комнатах там были кровати оставлены, столы оставлены. Потом, когда город освободили, приехала женщина, мы, оказывается, жили в ее комнате, нас всех переселили в другой барак. В барак переселили, дали по отдельным комнатам, а она свою квартиру заняла. Потом отцу дали, он работал строителем, тоже восемнадцатиметровую комнату. Нас пятеро тогда было, дедушка остался со второй дочерью, а бабушки все в Песках похоронены.

Дядя похоронен там, много похоронено, я все могилы эти братские знаю. Хоронить не пускали туда, так, предположительно ставили крестики.

Скажите, вы дружно жили с соседями по комнате?

Вы знаете, настолько народ был доброжелательный. Никогда никто никого не обидел, делились последним. У нас, помню, заболел брат, поднялась высокая температура. А там было так во время болезни – вот придут, если человек лежит – забирают. Ни температуру, ничего не спрашивают – увозят. Он так заболел, мама уложила его на пол, ему было лет шесть, наложила тряпок всяких, и в это время пришла медсестра с финном. Тося звали ее. Но она – молодец, она не выдавал никого. Никого не выдавала, потом она пошла минером и погибла. Так вот, когда водили нас в баню, соседка-то и говорит: «Ты бери самого малого, – а тому было два года, – а я посильнее тебя, понесу больного». И вот в бане там парили, парили, парили, а что там попаришь в бане? А водили всех вместе, и мужчин, и женщин, и подростков, всех-всех. В одну парилку. Два тазика воды и мыло дегтярное [*выдавали*]. Потом он пошел немножко на поправку. Так опять пришла медсестра, посмотрела, не выдала. А то бы не было его.

Вы сказали, что если человек заболел, то его увозили. Куда увозили этих людей?

В больницу увозили. А где больница? В лагере больницы не было. Но люди, в основном, умирали в лагере от голода.

А из больницы возвращались?

Нет, кто туда попадал, уже все.

Скажите, а во время жизни в лагере рождались дети?

Ну, во-первых, кто уже приехал в лагерь беременными. Ну, и как вам сказать? Если девушки были по возрасту, а очень многие родили от финнов, многие. Ну, как вам сказать, не насиловали их, было там что-то, много таких случаев было.

Они сожительствовали с финнами?

С финнами они не жили. Как это получалось? Они ходили в город работать. Может, так что-то получалось. Потому что финны в лагере ходили по квартирам только проверять. Если только за пределами лагеря, когда

они уходили работать – только тогда. Многие уехали в Финляндию. Много уехало в Финляндию девушек.

Как относились к детям, которые появлялись от связей с финнами?

Одинаковое отношение было. Во всяком случае, народ был очень сплоченный, добрый, сплоченный. Старались друг другу помочь, какого-то зла, ненависти не было. Вот этого не было, чего не было, так не было.

То, что вы были в лагере, сказалось как-то на вашей дальнейшей жизни?

Ну, как вам сказать? Благодаря советской власти – не сказалось. Я сама для себя решила, что мне надо быть учителем, воспитывать любовь к родине, ненависть к врагу, уважение к человеку, терпение и любовь к труду. Меня дети, не хвастаюсь, очень любили.

Вы хотите что-нибудь добавить?

Ну, во всяком случае, я вам говорю, что среди людей, которые жили у нас в лагере, предателей не было. Ну, только что вот этот черкес, ну что – это его было дело. А так предателей не было. Люди оберегали друг друга. Оберегали настоящим образом. А то, что кушать нечего – что делать, травку собирали. Соли не было. Дрова, правда, они привозили. Дома топились дровами. Вода была, в лагере была большая бочка, и из этой бочки мы ходили, брали воду. Тоже по часам, не каждый [час], чтобы была вода.

Спасибо!

Интервью с Валентиной Васильевной Луковниковой, 1936 г. р.

Записала И. А. Осипова
с. Толвуя, зима 2006 г.

Меня зовут Луковникова Валентина Васильевна, девичья фамилия Коятьева. Когда началась война, мне был шестой год. Родилась я в 1936, а финны пришли в 1941 году. Мне почему-то запомнилось, это был, наверно, январь, погода морозная, снежная, солнце на улице, мы в Сенной губе жили, сидели на печке, бабушка, Аля, сестра, маленький мальчик, брат, был. Мама с дедушкой пилили дрова под окошком. И вдруг смотрим в окно: [*финны*] в белых халатах подошли, что-то говорят, руками размахивают, потом зашли в комнату, по-фински говорят, что тут дети и что-то ещё, и ушли. Потом мама с дедом пришли, а мы говорим: «Мама, а что там?» Она говорит: «Это финны». Неделю никого не было. Через неделю они приехали на больших машинах. Сенная губа – это же первая деревня от Петрозаводска через Онежское озеро. Их много приехало. Они нас переселили в старый дом. А наш-то дом был хороший, новый. В нашем доме сделали штаб. Там одна женщина ухаживала за ними, ведь переходили на их сторону. У нас корову отобрали, она ее доила. Мама иногда ходила туда, просила молока ребенку. Вот так мы и жили. Потом в нашу деревню стали свозить со всех деревень: с Кижей, с Великой Губы. Везли на больших машинах. Селили [*в бараки*], сколько влезет. [*Финны*] рыли большие окопы на Онежское озеро. В один прекрасный день [*финны*] нам сказали: «Собирайтесь, всё оставляйте, никто ничего не унесет, всё останется здесь». Повезли нас в Петрозаводск через Онегу, зимой. Мороз, [*дело было*] в январе. Машина была ничем не крытая. Нас было пять семей в этой машине. Была я, Аля и мальчик сорок первого года рождения, несколько месяцев от роду. Мы замерзли. Нас отвезли в Петрозаводск на площадь Ленина. С собой мама взяла немного: еды, несколько каких-то вещей. Я помню, у нас была игрушка: большой плюшевый мишка. Все наши вещи вывалили на площади Ленина. Вещи пересмотрели, этого мишку у нас взяли и не отдали, мы потом долго плакали. Нас поместили в какой-то барак, и мы жили на нарах, в лагере. Первый раз мы были в пятом лагере – это Пятый поселок. Потом мама стала просить, чтобы нас перевели в седьмой лагерь на Кукковке¹ – там жили все наши родственники. Мама долго болела, лежала. Мы жили с дедушкой, а бабушка жила с папиной сестрой, тётёй Диной. Финнам не нравилось, что мы все время хотели есть. Однажды дедушка куда-то ходил за едой, так они его избили за это, так что он долго не мог ходить. Братик умер в сентябре, похорони-

¹ Пятый поселок и Кукковка – микрорайоны Петрозаводска. – Прим. ред.

ли в Песках¹. Там была большая яма, и в ней было тридцать или сорок гробов. И дедушку там похоронили. Пока мама была жива, мы ездили в Пески на кладбище. Она как-то узнала, где они похоронены. Мы жили на улице Будёнова, на Перевалке, в двухэтажном доме. В комнатах была мебель. Мама, когда перестала болеть, устроилась на работу. Меня отправили в школу в первый класс. Я в школу ходить не стала. Мы в школе изучали Закон Божий, и поп часто бил указкой по голове, поэтому я перестала ходить в школу. Много раз приходили со штаба. Они спрашивали маму, почему я не хожу в школу. А она им говорила, что у меня валенок нет, а на улице зима... При этом всегда присутствовал переводчик. Вообще, у финнов строго все было. В баню нас водили, чтобы чисто было, чтобы вшей не было. Проволока колючая была везде... Мы часто бежали с котелками, каши просили. Кто добрый был, давал ложки две. А кормили нас... давали лук, хлеб давали. Но все равно мало было. Мама иногда ходила в хранилище, приносила моркови или ещё чего. Финны не любили воровства. Если найдут что, то били сильно, издевались. Но обращались хорошо. Помню, когда мама болела, к ней фельдшер приходил, лечил. Аля еще тогда не ходила в школу. Землянки тогда были... На месте Республиканской больницы были землянки и склады, застройки не было. И вот, когда война уже кончалась... в июне, день был такой светлый хороший, мы утром встали – что такое? Все полыхает, финны убегают. Они все поджигали – все горело. Люди бросились на склады, брали, что могли. А финны стреляли с вышек, многих ранили. Потом к Ивановским островам подошли военные русские катера. Они стояли, ждали. Одна женщина рассказывала, что выкинула какой-то флаг. Они не стали стрелять, а просто подошли к берегам. А мы все пошли на митинг на площади Ленина. Там было здание с балконом. На этом балконе стояли освободители: женщина и мужчина-военный. Митинг был по поводу того, что нас освободили, что всё закончилось. Потом стали прибывать поезда с военными. Многие встретились с родными. А война-то дальше шла, и те, кто поехал на войну, погибли. Мы долго жили в Петрозаводске. Потом нас опять перевезли в Сенную Губу. Когда мы приехали туда, все наши дома были распилены, дрова сложены, нам было негде жить. Мы переехали в старый дом маминых родителей. Там и жили. Много деревень было заминировано, много людей подорвалось. Целая деревня Лонгасы была заминирована. И когда люди стали возвращаться в свои дома, вся деревня взлетела. А там была большая деревня.

Был ли принудительный труд? Наказания, поощрения?

Был. О поощрениях не знаю. Наказывали тех, кто на работу не выходил, или плохо работал, или же в воровстве был замечен. На улице Зайцева

¹ Пески – место на берегу Онежского озера к северу от Петрозаводска. – Прим. ред.

был совхоз, там выращивали морковь и ещё что-то. Мама ходила туда. Всех выстроят: если найдут что-нибудь при обыске, положат на скамейку, сверху клали соленную тряпку, и избивали розгами. Однажды дедушку избивали, он долго поправиться не мог. Работать надо было обязательно, заставляли. В баню водили, пока ты в бане, все вещи в парилке, чтобы не было насекомых, термическая обработка. В домах и квартирах серу сжигали, как дезинфекция. Парилка большая была, без воды. И надо было там полчаса сидеть. Если маленький ребенок был, то разрешат немного воды. Там отсидишь, потом мыться, а там [в бане] холодно. Стоят просто котлы с водой, вот так и мылись. Каждую неделю приходила финка, проверяла, чисто ли в квартире. Сначала мы жили в бараках, потом нас переселили в двухэтажные дома на улице Островского.

А дети рождались?

Да, кормили их неплохо. Тогда дружно жили в лагере, помогали друг другу, чем могли.

Что вы знаете о начальниках?

Мало... Был один финн. Часто приходил к моей маме, просил отдать меня ему, говорил: «Тебе ведь тяжело, а у нас в Финляндии такая же дочка есть». Приходил, сажал на колени, гостинцы давал. Везде колючая проволока, патрули. Если увидят [патрульные], что кто-то пытается сбежать, то сразу стреляли насмерть.

Были ли в вашем лагере карелы, вепсы?

В нашем лагере были только русские. Про вепсов, карел не знаю, вроде в Петрозаводске их не было. После войны расспрашивали, кто был старостой. В основном ими становились предатели. Их всех после войны осудили, но с нашей деревни никого не было, так что я ничего не знаю.

Какое у вас осталось впечатление о финнах?

Мы были маленькие, ничего не помним. Избивали, перевозили в открытых машинах, в будки сажали. Да, жестокость была.

Сейчас как относитесь к ним?

Не знаю. Мы ведь мало общаемся. Когда война еще только начиналась, к нам были высланы финны из Ленинградской области – ингерманландцы. Там была одна семья, у них был сын – летчик. Перед началом войны

он прилетел на гидросамолете. Не помню, забрал он их, или они переехали, но они в плен не попали. Когда война кончилась, здесь [в Петрозаводске] было много пленных, и они ходили в специальных ботинках. В основном, к нам везли с Великой губы. В архиве есть список, кто в каком лагере был. Аля ездила брала там справку для выплат ветеранам.

Спасибо!

Интервью с Галиной Александровной Лодыш, 1937 г. р.

*Записала А. В. Коновалова
п. Пиндуши, лето 2006 г.*

Зовут меня Лодыш Галина Александровна. Я родилась 3 июля 1937 года в Ленинградской области, село Ровское Вознесенского района. Жила я там до 1941 года, то есть до начала Великой Отечественной войны. Когда началась война, то наше село заняли финны. Всех жителей села погрузили на телеги и увезли нас оттуда. Это было в декабре 1941 года. Везли нас на телегах, и нам было очень холодно. У меня ехали папа, мама, бабушка, брат, который был двумя годами младше меня. Финны нас привезли в Петрозаводск. В Петрозаводске было несколько концлагерей, и нас поместили в концлагерь номер пять. Взрослые, папа и мама, конечно, работали, их возили на лесозаготовки. А дети были в лагере. Условия жизни были очень тяжелые: голод, холод. Жили мы в бараках, постоянно недоедали. Родители старались что-то дать нам из своего пайка, но этого все равно нам не хватало. Мой брат умер в концлагере, а я осталась живая.

Как с вами обращались в концлагере?

Обращение было очень жестоким. Всего не помню, потому что мне было четыре года, но то, что помню, свидетельствует о жестоким обращении. Если дети подбегали к ограждению из колючей проволоки, которое преграждало путь в концлагерь, то их беспощадно избивали. Дети познали ужасы войны, главными из которых были голод и холод. Питание было очень плохим – нам давали некачественные продукты.

До какого времени вы находились в лагере?

В лагере мы находились с декабря 1941 года и до лета 1944 года, то есть до момента освобождения Петрозаводска советскими войсками. Тогда моряки подошли к Петрозаводску и освободили всех людей. Пятый концлагерь находился в Пятом поселке, там мы и жили. С июня 1944 года я пошла в школу в Петрозаводске. После войны стали восстанавливать поселки, в Пиндушах была судовой верфь, и в Петрозаводске набирали людей, желающих переехать сюда для постоянной работы. В 1945 году мои родители переехали в Пиндуши. Родители мои стали работать на судовой верфи, а пошла в школу, тогда ходила уже во второй класс. Среди тех людей, которые были вместе с нами в пятом лагере, помню несколько семей: Максимовых, Евдокимовых, Лучиных, Дьяковых. Они вместе с нами также

после войны переехали из Петрозаводска в Пиндуши. И до сих пор мы живем здесь, стали уже коренными жителями.

Расскажите о том, как складывалась жизнь после войны.

Хорошо помню, что после войны взрослых, которые во время войны находились в концлагере, постоянно вызывали в органы. Наш папа ездил в органы госбезопасности для разговоров, для проверки. Родители долгое время это скрывали, старались нам не рассказывать, для чего их туда вызывали, и буквально недавно мы от них уже узнали некоторые подробности. Позднее узникам концлагерей стали присваивать специальный статус, но мои родители до этого момента не дожили.

Расскажите подробнее об условиях проживания в лагере.

Жили мы в бараках. Там не было даже перегородок, ни шкафчиков, никакой мебели не было вообще. Люди помогали друг другу, чем могли. Питание тоже было скудным. Родители старались отдать лишний кусочек хлеба, несмотря на то, что постоянно недоедали сами, и им еще приходилось работать. Тем не менее, очень много детей умерло от голода. Когда нас везли в Петрозаводск из Ленинградской области на лошадях, финны нам, детям, давали кусочки сахара. У них, наверное, было какое-то сострадание, понимание, что мы маленькие. Некоторые нам сочувствовали и угощали детей кусочками сахара. Не все были плохие, были и плохие, и хорошие. У некоторых были свои дети оставлены в Финляндии.

Скажите какое у вас отношение сейчас к финнам?

Какое у меня к ним может быть отношение? Я же с ними никак не связана. Другое дело, когда у людей там есть родственники. Сейчас же многие ездят в Финляндию, финны приезжают к нам. Между странами вроде как дружеские отношения.

Спасибо!

Указатель населенных пунктов

Батово	161
Быково	176
Ведлозеро	105, 113, 114
Великая Нива	125, 127, 128, 142, 167
Великая Губа	118, 120, 125, 126, 127, 131, 142, 149, 167, 168, 176, 200, 203
Вехручей	80
Виллагора	191
Владимирская	60
Вознесенье	11, 31, 32, 34, 35, 36, 45, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 88, 95, 97, 100, 190, 204
Вырозеро	125, 130, 158, 168
Деревянка	191
Другая Река	90, 93
Ерши	52, 57, 58, 60, 64, 107
Загорье	125
Илемсельга	121
Кажма	118
Кайгина Сельга	54
Каккарово	32, 40, 49, 50
Карасозеро	149, 150
Каскесручей	31, 73, 76, 77, 79, 87, 88, 94, 97
Кедрозеро	191
Кестеньга	58
Кижы	53, 159, 200
Ковкойсельга	52
Комлево	130
Кондопога	52, 53, 55, 57, 58, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 121, 122, 123, 124, 135, 149, 150, 159, 168
Кончезеро	53, 152
Коросозеро	168
Космозеро	125, 130, 131, 132, 147, 148, 149, 178
Крошнозеро	113
Куккозеро	114
	207

Кутижма	111, 191
Кушлега	32, 71
Кяппесельга	122, 135, 137, 144, 149, 150, 168
Ладва	74, 152, 153, 155, 171, 172, 173, 174, 175
Лебецино	130
Леликозеро	168
Матвеева Сельга	32, 34, 68, 71, 76, 77, 79
Медвежьегорск	52, 65, 67, 117, 132, 139, 145, 150, 155, 163, 167, 176, 176, 177
Медные Ямы	125, 126, 128
Михеева Сельга	53
Мунозеро	149, 150
Мянсельга	122, 123
Никитинская	130
Онежены	139
Орзегга	191
Ояжа	54, 60
Падмозеро	133, 134, 135, 136, 137, 139, 141, 142, 144, 146
Патрово	125
Паяницы	134, 135, 144
Петрозаводск	13, 14, 22, 27, 52, 56, 57, 64, 65, 67, 88, 95, 102, 105, 109, 113, 114, 117, 121, 125, 126, 129, 152, 159, 163, 167, 168, 171, 178, 182, 183, 184, 186, 188, 189, 190, 200, 201, 202, 203, 204, 205
Пихтолахта	105
Побережье	176
Пургино	130, 131, 148
Ригосельга	60
Розмега	40, 44, 47, 83
Рыбрека	31, 38, 73, 76, 93, 101, 102
Селецкое	149
Сенная Губа	159, 201
Тавой-гора	121
Терехово	149
Тивдия	63

Тимойгора	58, 60
Типиницы	53, 54, 55, 118, 159, 160, 165, 167
Толвуя	52, 117, 118, 119, 125, 130, 135, 143, 158, 162, 200
Тявзия	159, 162, 164, 165
Урозери	158, 165, 166
Устьяндома	167, 169
Фоймогуба	52, 53, 145, 149, 150, 159, 162
Чебино	167
Челмужи	130
Черкасы	161, 162
Шабалино	135, 136, 138, 141, 143, 144
Шайдома	168
Шелтозеро	7, 9, 11, 34, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 49, 68, 77, 80, 83, 84, 87, 91, 92, 93, 94, 101, 102
Шокша	32, 44, 70, 76, 93
Шуньга	56, 118, 125, 133, 135, 136, 138, 143, 144, 145, 150, 158, 159, 160, 168
Шушки	61
Шуя	191
Щелейки	31
Юргелица	105, 114
Яндомозери	150
Яшезеро	32, 79

Оглавление

От составителей	3
Часть 1. Исследования	5
А. В. Голубев. Повседневная жизнь женщин в годы Великой отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы	7
Антти Лайне. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии	17
А. Ю. Осипов. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии	23
И. М. Соломещ. Финская оккупация Советской Карелии в освещении финляндской историографии	28
Населенные пункты, упоминающиеся в сборнике	35
Часть 2. Источники	37
<i>Раздел 2.1. Национальности, отнесенные финнами к «родственным»</i>	<i>39</i>
Интервью с Еленой Андреевной Кильпиляйнен, 1926 г. р., и Тамарой Андреевной Кильпиляйнен, 1930 г. р.	41
Интервью с Валентиной Ефимовной Кемляковой, 1927 г. р.	49
Интервью с Ольгой Васильевной Молодиной, 1927 г. р.	60
Интервью с Таисией Ивановной Максимовой, 1927 г. р.	75
Интервью с Владимиром Степановичем Яршиным, 1929 г. р.	83
Интервью с Валентиной Васильевной Харитоновой, 1929 г. р.	92
Интервью с Рюриком Петровичем Лониным, 1930 г. р.	99
Интервью с Тойво Иосифовичем Вяйзьяненем, 1934 г. р.	109
<i>Раздел 2.2. Свободное русское население</i>	<i>119</i>
Интервью с Александрой Ивановной Пименовой, 1920 г. р.	121
Интервью с Анастасией Григорьевной Зинатовой, 1926 г. р.	125
Интервью с Антониной Александровной Кочановой, 1929 г. р.	129
Интервью с Таисией Андреевной Рогозиной, 1932 г. р.	134

Интервью с Клавдией Ивановной Осиповой, 1935 г. р.	137
Интервью с Анной Михайловной Хансен, 1936 г. р.	150
Интервью с Раисой Леонидовной Агаповой, 1937 г. р.	155
<i>Раздел 2.3. Заключение финских трудовых лагерей</i>	161
Интервью с Анастасией Тимофеевной Николаевской, 1921 г. р.	163
Интервью с Валентином Степановичем Кочановым, 1926 г. р.	172
Интервью с Тамарой Ивановной Кошкарновой, 1927 г. р.	176
Интервью с Марией Ивановной Вагановой, 1928 г. р.	180
<i>Раздел 2.4. Заключение финских концлагерей</i>	185
Интервью с Людмилой Александровной Банкет, 1929 г. р.	187
Интервью с Галиной Константиновной Ивановой, 1931 г. р.	193
Интервью с Валентиной Васильевной Луковниковой, 1936 г. р.	201
Интервью с Галиной Александровной Лодыш, 1937 г. р.	205
Указатель населенных пунктов	207
Оглавление	210

Научное издание

Устная история в Карелии
Сборник научных статей и источников

Выпуск 3
Финская оккупация Карелии (1941-1944)

Оригинал-макет подготовлен А. В. Голубевым

Подписано в печать 27.07.07. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 250 экз. Изд. № 156

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
с готового оригинал-макета
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33